

•
•
•
•
•
•
•
•
•
•
•
•
•
•
•
•

Леонид Решетников

Вернуться в РОССИЮ

Третий путь, или тупики безнадёжности

РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Редакционный совет книжной серии РИСИ

Л.П. Решетников (председатель) Т.С. Волженина (секретарь) Л.М. Воробьёва А.В. Глазова
Д.Н. Лыжин М.Б. Смолин (зам. председателя) С.А. Таразевич

Книжная серия РИСИ

Т.С. Гузенкова. Антропология власти. Юлия Тимошенко. 2010.

Л.М. Воробьёва. История Латвии от Российской империи к СССР. 2011.

А.А. Кострюков. Архиепископ Серафим (Соболев): жизнь, служение, идеология. 2011.

П.П. Цветков. Исламизм. Т. 1-2. 2011.

С.В. Волков. Генералы и штаб-офицеры русской армии. Опыт мартиролога. Т. 1-2. 2012

Л.П. Решетников. Русский Лемнос. 2012

Л.А. Тихомиров. Христианское государство и внешняя политика. 2012

П.В. Мультигули. Внешняя политика Императора Николая II (1894-1917). 2012

Н.В. Бондарев. Загадка Тито. Московские годы Иосипа Броза (1935-1937 гг.). 2012

А.Н. Боханов. Российская Империя. Образ и смысл. 2012

В.Д. Катков. Христианство и государственность. 2013

Леонид Решетников

Вернуться в РОССИЮ

Третий путь, или тупики безнадёжности

Москва

ФИБ

2013

Научные рецензенты: Боханов А.Н., доктор исторических наук; архиепископ Костромской и Галичский Алексей (Фролов), кандидат богословия

Р 47 Решетников Л.П. Вернуться в Россию. Третий путь, или тупики безнадёжности. — М.: Издательство «ФИБ», 2013. — 232 е.: ил.

Аннотация

Кто мы и откуда? Куда идём? В чём заключается русская национальная идея? Был ли Советский Союз продолжением российской государственности? Возможно ли возвращение в Святую Русь? Об этих и других вопросах размышляет в своей книге директор Российского института стратегических исследований, генерал-лейтенант, кандидат исторических наук Л.П. Решетников. На основе глубокого исторического анализа уникального жизненного опыта автор даёт своё всестороннее обоснование необходимости третьего пути для России, его сути и цели. Книга написана простым и доступным языком и предназначена для широкого круга читателей.

В издании данной книги содействовал Павел Борисович Богатов.

© Решетников Л.П., 2013 © Издательство «ФИВ», 2013 © Бикашов Д.Е., оформление, 2013

Пролог

Со школьных лет я увлекался историей и к окончанию средней школы твердо решил поступать на исторический факультет Харьковского университета, несмотря на уверенность отца в моем призвании военного. Впрочем, спустя десяток лет его уверенность всё-таки оправдалась — я по доброй воле надел погоны, правда, не армейские, чего хотел отец, а сотрудника внешней разведки. И хотя служба в разведке, продолжавшаяся 33 года, не оставляла сколь-нибудь значительного времени для занятий каким-то другим делом, любви к истории я всё это время не изменял. Тем более что разведчику-профессионалу, оперативнику или аналитику — неважно, исторические знания просто необходимы. И не только знания. Не менее, а может, и более значимо иметь навыки исторического и сравнительного мышления, аналитической работы с документами, постоянного интереса к достижениям и открытиям исторической науки. Ведь историей интересуются практически все — и физики, и лирики. Может быть, на весьма примитивном уровне, может быть, на базе нескольких телевизионных передач или рассказа приятеля за кружкой пива, но практически все. И все считают себя её знатоками. Работая за границей более 16 лет, я много раз сталкивался с ситуацией, когда беседы на исторические темы со мной заводили дипломаты, сотрудники правительственных ведомств, военные, парламентарии, бизнесмены, профессора геологии, химии, а также таксисты, официанты, продавцы. Кстати, последние, как правило, были наиболее активны и безапелляционны.

Вот примерно таким активным и категоричным в вопросах истории, прежде всего советской, прибыл я в первую длительную зарубежную командировку. Как же, ведь я с отличием окончил истфак, в 1970 г. стал лауреатом Всесоюзного конкурса студенческих научных работ и сам первый секретарь ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельников вручил мне Полное собрание сочинений Ленина (друзья утверждали, что при объявлении о награде кто-то негромко сказал «так ему и надо», но я не слышал, волновался). Затем был направлен в аспирантуру в Софийский университет, став первым советским аспирантом, прибывшим в Болгарию на полный курс обучения. Защитил кандидатскую диссертацию в 27 лет, много печатался в болгарских СМИ, разрабатывались планы докторской. Чем не великий историк? Ну, может, не великий, но видный, много знающий, работавший в советских и болгарских архивах по специальному допуску по форме № 3. И хотя моя жизнь вскоре круто изменилась, и в Югославию я приехал в пятилетнюю командировку как советский разведчик, а не историк, эти горделивые чувства глубоко сидели во мне, вырываясь, порой на поверхность.

В Югославии в конце 70-х гг. прошлого века было раздолье любителям исторической науки. Литература и документы на любой вкус: местные — часто националистической, русофобской или антисоветской направленности; западные, белоэмигрантские, русские дореволюционные, советские оппозиционные — всё, что у нас находилось в спецхранах и не выдавалось даже

счастливым обладателям допуска по форме № 3. Можно было на книжных развалах или в букинистических лавках приобрести книгу, изданную в XIX веке, полистать подшивку эмигрантских газет 30-х годов XX века, посмотреть и потрогать награды русской императорской армии, по дискутировать с историками других взглядов. Погружаясь в свободное время во всё это (а тут ещё жена — профессиональный историк с таким же обостренным интересом), я вскоре начал понимать, что мне нечем гордиться. Оказалось, что многого просто не знаю. Такой вот «одноногий историк» — мои знания ограничиваются лишь теми рамками, которые очертила тебе советская власть. Да, от сих и до сих ты освоил хорошо, но дальше — ни-ни. А дальше-то ещё огромнейшая территория, огромнейший массив, без изучения которого твой анализ, твои выводы будут в лучшем случае не точны, а чаще всего ошибочны. Не могу сказать, что, узнав новые факты, ознакомившись с новыми оценками и взглядами, я быстро изменил свои представления об исторических процессах в нашей стране. Воспитанный в русской, патриархальной по стилю жизни семье советского офицера-фронтовика, я органически отторгал тексты, умозаключения, идеи, направленные на унижение моей Родины, моего народа, независимо от того, в какой обертке они подавались — троцкистской, бухаринской, титовской, диссидентско-демократической, западно-демократической и т.п. Сердце и ум цепляли только книги, статьи, мемуары ряда авторов дореволюционной России и белой эмиграции. Во многом ещё не соглашаясь с ними, я чувствовал их искреннюю и чистую любовь к русскому народу, культуре, языку, к нашему Отечеству. Она была сродни той любви, опираясь на которую мой отец дошёл до Берлина, а моя мать воспитала трёх преданных Родине детей; той любви, которая была путеводной звездой в моей непростой жизни разведчика.

К концу пребывания в Югославии мне стало ясно, что в Советском Союзе больше всего боялись именно этой литературы, именно этих авторов. Худо-бедно обо всех остальных течениях, идеях мы хотя бы знали в тенденциозных пересказах советских историков от пропаганды или через вроде бы объективные, но злобненькие передачи западного радио. А вот на все, что касалось истории до октября 1917-го, наложено было табу. Есть официальная советская интерпретация, и довольно. А интерпретация та, как и многое в Советском Союзе, была кондово однозначна и схематична.

Как-то случайно, проходя мимо русской церкви в Белграде, я увидел большую группу людей в ограде храма. Многим из них явно было за семьдесят. Я встал неподалеку — интересно в 1980 году посмотреть на людей, которые, сами или их отцы, боролись с советской властью. До меня стали доноситься обрывки их разговоров: «Господин подпоручик, как давно я Вас не видел, как Ваше здоровье?», «Простите, запамятовал, Вы кадет какого выпуска? 1927-го? А помните...», «Ольга Николаевна, дорогая, пожалуйста завтра на чай», «Господа офицеры, встретимся у отца Василия в субботу». Всё это звучало по-особому, с какой-то чистотой, тактичностью, без всяких наших «ну», «так сказать», «короче», «пока». Говорили по-русски, но как-то по-другому. Так говорила моя мама, родившаяся в 1915 г. в семье унтер-офицера русской императорской армии и, благодаря домашнему воспитанию, сохранившая чистый русский до конца своей жизни. И вдруг пришла мысль: «Почему эти симпатичные, милые старики и старушки здесь, в Белграде, а не в Москве, в Курске, Иркутске? Почему они, их родители, покинули Родину? Ведь они её не только не забыли, но за тысячи километров от неё продолжают жить и умирать русскими?» Впервые я задал вопрос самому себе: а действительно ли «мой адрес не дом и не улица, мой адрес Советский Союз»? Ведь до меня и моих родителей были дед, прадед, прапрадед, десятки поколений Решетниковых. У них, получается, адрес был другой, Родина была другая — Русь, Россия.

Вспоминается первая встреча с представителем другой Родины, той России. Дело было в Софии в феврале 1972 г. Тогда я был ещё совсем молодым, но находился в состоянии своего

«исторического величия» и в плену стандартных советских идеологических заблуждений. Поэтому реагировал на происходящее, мягко говоря, не совсем адекватно. С вопросом «Сударь, Вы русский?» ко мне в одном болгарском государственном учреждении обратился невысокого роста старичок с чрезвычайно интеллигентным выражением лица. «Советский», — с гордостью ответил я. Старичок слегка поморщился, но продолжил: «Разрешите представиться, профессор русской филологии Софийского университета Николай Михайлович Дылевский. Я вижу, Вы собрались идти пешком, не откажите мне в любезности составить Вам компанию, давно не говорил на русском языке с соотечественниками». Я согласился, но при этом глупо заметил, что мы вряд ли соотечественники, так как я из СССР, а он, судя по всему, из белых. «Придёт время, и Вы поймёте, что такого различия быть не должно», — заметил мой новый знакомый. Идти до общей цели, Софийского университета, предстояло минут двадцать. Все они прошли в вопросах профессора и моих «глубокомысленных» ответах. Вот наиболее характерные:

— Вы из какой семьи?

— Полковника.

— Какое совпадение, мой отец тоже был полковником.

— Не вижу совпадения: мой отец — полковник Советской армии, а Ваш — царской.

— Придёт время, и Вы поймёте, что для русских людей такое разделение противоестественно.

— Ваш отец участвовал в Великой Отечественной войне?

— Да, с июля 1941-го по май 1945 года.

— Смотрите, вновь совпадение, мой отец также прошёл всю Отечественную, с августа 1914-го до позорного Брестского мира в феврале 1918-го.

— Нет никакого совпадения, наша война действительно была Отечественная, а та типично империалистической.

— Ничего, придёт время, и Вы поймете, что принципиальных различий нет.

И так всю дорогу: он утверждал, я возражал, а рефреном пророчески звучало: «Придёт время...» Время действительно пришло, лет через десять, уже в Белграде.

Вернувшись из Югославии домой после окончания заграничного командирования в конце 1983 г., я по службе стал довольно часто соприкасаться с Н. С. Леоновым и Л. В. Шебаршиным. Это были не просто выдающиеся разведчики, но и люди, в своих размышлениях, помыслах, переживаниях далеко выходящие за круг профессиональных задач и проблем. Глубокий аналитический ум, обострённое чувство любви к Отечеству привели их уже к середине 80-х годов к выводу, что страна, советская система находятся в жесточайшем кризисе, из которого выхода не видно. В своем поиске этого выхода они всё чаще обращались к нашей дореволюционной истории, что, с одной стороны, помогало мне углублять свои знания и понимание процессов XIX — начала XX в. (Л. В. Шебаршин, кстати, был страстным книголюбом и книгоцелем, у него всегда было чем «поживиться»). С другой стороны, и Леонов, и Шебаршин были для меня своеобразной защитой от нападков приверженцев делу Ленина — Сталина в рядах разведки, для которых мои взгляды во второй половине 80-х гг. перестали быть секретом.

В общем, к этому времени я уже жил «Россией, которую мы потеряли». Казалось, как могло случиться, что за каких-то пять-семь лет убежденный советский патриот превратился в сторонника «проклятого самодержавия»? Дело, конечно, не только и даже не столько в новых знаниях, приобретенных за эти годы. Часто бывает, когда идеи, факты вызывают интерес, но не более, падают на неподготовленную почву и не произрастают. А у нас почва была уже взрыхлённая — угроза развала советской системы становилась все очевиднее, её могли не замечать только люди, не выходящие за рамки интересов повседневной жизни. Таких, к сожалению, было большинство, — советская власть приучила к тому, что обо всем думает

партия, то есть её руководство. Из-за этого оказалось довольно легко соблазнить наш народ в начале 90-х годов безответственной либеральной пропагандой немедленного счастья и благополучия.

Однако немало моих сверстников во второй половине 80-х обратили свои взгляды на дореволюционную Россию. Уход от советского к русскому, имперскому прошёл лично у меня довольно быстро и безболезненно, хотя многие мои коллеги и даже друзья не смогли оторваться от большевистского наследия. Думаю, что важнейшим фактором для меня и моих единомышленников было домашнее воспитание. В нашей семье только я, под влиянием атмосферы в Харьковском университете и пятилетней комсомольской «активности», позволял себе порой заменять слово «русский» словом «советский». Для отца и мамы всё было русское: армия, страна, народ, земля, футболисты, песни, артисты. Они всегда говорили: «Мы русские». В этом не было никакой кичливости, никакой гордыни, только спокойное достоинство. И конечно, речи не могло быть о пренебрежительном отношении к другим народам. Более того, отец заставил меня учить в школе украинский язык и литературу, хотя как сын военного я мог быть освобожден от этого. В жизни пригодится, заявил он. Ранее отец пытался проделать то же с моим старшим братом, когда мы жили в Армении, но сорвалось. Армянский не украинский, и когда мой брат, всегдашний круглый отличник, стал получать двойку за двойкой, эксперимент пришлось прекратить и воспользоваться законной льготой.

Да, одно время у нас в доме висел портрет Сталина в форме генералиссимуса, но пиетет к этой личности выражался лишь в связи с войной. Отец, Пётр Кузьмич Решетников, выросший в белгородском селе и успевший окончить церковно-приходскую школу, был сдержан и немногословен, что было характерно для русского крестьянства досоветской эпохи. Он крайне редко критически высказывался в отношении других людей, а тем более руководителей. Исключение делал только для Н. С. Хрущева, считая, что подобный «базарный типаж» во главе великой державы — просто стыд и срам на весь мир. Мама, Ольга Алексеевна, дочь потомственного запорожского казака, подпрапорщика императорской армии, погибшего в 1916 г. в Брусиловском прорыве, воспитывалась вместе с шестью братьями и сестрами моей бабушкой Пелагеей, представительницей сильно и давно обедневшей ветви старинного польского шляхетского рода Рачинских. Бабушка, прожив всю свою замужнюю жизнь в гарнизонах русской армии в Польше, была женщиной волевой (одиннадцать детей, семь выжили, эвакуация в 1915 г. в Калугу, налаживание жизни на новом месте, тяжелая физическая работа), глубоко православной и прекрасно воспитанной. Очень многое передалось от неё моей маме, последнему ребёнку в семье подпрапорщика Алексея Тимофеевича Костоглода.

Вот только религиозности за мамой и отцом я долгое время вроде бы не замечал. Считал, что они, как и все советские люди, конечно же, атеисты. В юности я, правда, не обращал внимания на то, что в нашей семье никогда ничего не говорили о вере, о церкви. Темы религии как бы вообще не существовало. В 1961 г. был один странный случай. Я наблюдал, как взрывали церковь в Харькове, возбужденный вернулся домой и с мальчишеским упоением поведал родителям о столь радостном событии. И неожиданно услышал от отца сказанное с мрачной интонацией: «Нечему радоваться». Озадачило это меня лишь на мгновение и забылось. Но позже, в студенческие годы, другой случай изрядно меня поразил и заставил задуматься. Дома за столом я позволил себе богохульное высказывание и сразу получил от мамы удар по губам со словами: «Чтобы я никогда этого не слышала». К чему я всё это рассказываю? Да к тому, что Россия, та, которой вроде бы уже и не было, жила в сердцах моих родителей, как и ещё сотен тысяч, миллионов русских людей, несмотря на агрессивно внедряемую советскость, которую, вынужденно или сознательно, принимали как форму существования. Подавляющее большинство нашего народа вряд ли в 60 — 70-е гг. жалело о дореволюционном прошлом, думало о нем. Но

оно, это прошлое, тысячелетнее, жило в народных генах, в народной памяти, в сохранившихся и даже в разрушенных храмах, в старых иконах, скрываемых от посторонних взглядов в некоторых семьях. Ведь у многих, в том числе комсомольцев и партийцев, волновалось сердце, когда стройные ряды каппелевцев шли маршем на «наши пулемёты», чем-то родным веяло от героев фильмов, одетых в царскую (русскую) военную форму. С каким любопытством мы, советские студенты и аспиранты, разглядывали чудом уцелевших двуглавых орлов на остатках ограды русской церкви в Софии (причем делали это неоднократно). Русь, Россия звала нас. Звала из-за той стены, которой отгородили народ от неё «рожденные в Октябре». Мне удалось, благодаря генной памяти моих родителей, услышать этот голос, и я пробился к России через груды и капканы заблуждений, бросился в её объятия, как бросался в объятия мамы после долгой разлуки.

Не мог понять лишь одного: как люди, жившие в России царской, имперской, мощно развивающейся, с великой культурой и историей, вдруг отреклись от неё, своими руками помогли кучке авантюристов, болезненно амбициозных и человеконенавистнических нигилистов, захватить власть и устроить многолетнюю кровавую бойню, смертельной жертвой которой стала наша милая Родина. Конечно, я не идеализировал дореволюционную Россию, проблемы и трудности очевидны, но это были проблемы и трудности развития, а никак не причина и повод для того, чтобы разгромить народ и ликвидировать государство.

Понимание пришло несколько позже, во время долгосрочной командировки в Болгарию. В марте 1991 г. я решительно переступил порог софийской церкви Святителя Николая с мыслью, что пора из «захожанина» превращаться в прихожанина. Буквально через полтора-два месяца каким-то чудесным образом мы с женой и младшей дочерью оказались в Княжевском Покровском монастыре, что на окраине Софии. Эта девическая обитель была создана выдающимся русским мыслителем архиепископом Серафимом (Соболевым), человеком подвижнической жизни. Вот уже более 60 лет к его могиле в крипте церкви Святителя Николая в болгарской столице идёт нескончаемый поток болгар и русских, обращающихся к нему со своими горестями и нуждами и получающими от него ответ и утешение. Только недоумение вызывает тот факт, что РПЦ до сих пор не канонизировала архиепископа Серафима, ставшего давно, благодаря народной любви, местночтимым святым.

Нас приняла игуменья монастыря Серафима (светлейшая княжна Ольга Андреевна Ливен, потомок старинных русских родов Орловых-Давыдовых и Ва- сильчиковых). Она была любимой ученицей владыки Серафима, который и постриг её в монашество в 1949 г. и тогда же поставил игуменьяй. Матушка была святой жизни человек, молитвенница, имевшая от Бога дар прозрения. В 1920 г. семилетней девочкой она с родителями покинула Россию и больше её не видела, но до самой своей кончины в 2004 г. матушка оставалась русской в самом классическом, в самом прямом смысле этого понятия. Она любила Россию в Боге, как любили русские люди свою землю на протяжении тысячи лет. Это совсем другая любовь, поверьте. Она плохо сопрягается с нашим привычным патриотизмом. Одним из первых моих вопросов матушке был: «Почему случился 1917 год? Что произошло с русским народом? Почему проиграли белые?» Ответ матушки Серафимы навсегда определил не только понимание сущности трагической катастрофы, но и все последующие 23 года моей жизни: «Потому что предали Бога, отошли от веры. А за предательством Бога неизбежно последовало предательство Царя и России. Многие были участниками этого предательства. Когда же они увидели, какую страшную красную гидру своей изменой вызвали из преисподней, бросились под хоругви, но было уже поздно. Жертвенной борьбой, страданиями и смертью они, может быть, искупили свою вину, но Господь не мог даровать им победу, нужно было покаяние всего русского народа». Это слова монахини, княжны, дочери офицера Русской армии генерала П. Н. Врангеля.

Бог даровал нам четыре года постоянного общения с матушкой, находившейся в монастыре в добровольном затворе. Свет, который исходил от неё, очищал наш ум от всего наносного, абсолютно ненужного, что впитывается, а то и вдалбливается в нас в повседневной жизни. Идите за Христом, будьте верными чадами Русской Православной Церкви, и всё происходящее с вами, с народом, со страной будет вам совершенно ясно — вот главная мысль, с которой матушка начинала и заканчивала наши беседы. По её молитвам Господь, когда мы вернулись в Российскую Федерацию, послал нам духовного наставника — архимандрита Алексия, ныне архиепископа Костромского и Галичского, удивительно духовно и идейно схожего с матушкой, хотя они никогда друг друга не видели. «Не враг силен, а мы слабы», — часто повторяет владыка Алексий. Слабы своим беспамятством, своим нежеланием потрудиться духовно, нравственно, ставить перед собой более высокие цели, чем «чтобы всего было вдоволь». Во многом мы утратили характерную для русских религиозную, по сути, способность сострадать, любить и прощать родных, близких, дальних, дорожить Родиной. Ведь последние годы мы живем в мире шуток. Знаете, как есть магазины с ужасными названиями: «Мир дверей», «Мир паркета», «Мир сантехники» и т.п., так и нашу Федерацию часто хочется назвать «Мир анекдотов» или «Мир шутов». Высмеивается все и вся — ежедневно, ежечасно по телевидению, на радио, в газетах и журналах, на концертах и спектаклях. В стране сформировалась целая армия профессиональных анекдотчиков и смехачей, не уступающая, наверное, по своим масштабам армии охранников частных учреждений и предприятий. Практически нет ничего святого, ничего нравственно неприемлемого. Главная цель — заглушить голос нашей совести, призывающий остановиться и задуматься, а не ходим ли мы по замкнутому кругу. По кругу безответственности, распушенности, себялюбия. Не сойдём с него — не выйдем на путь, уготованный Богом России, не избежать катастрофы.

Прочитал написанное и подумал: научный редактор этой книги просил в «Прологе» объяснить, почему я взялся за неё. У меня же получилось (надеюсь) объяснение, как я пришёл к тем или иным взглядам. Но, пожалуй, и это нужно. Меня нередко спрашивают: «Ваша любовь к России дореволюционной вызвана дворянским происхождением предков?» Мол, понятно, жалеет об утраченных богатствах и привилегиях. Или: «У Вас случилось какое-то горе или Вы тяжело заболели, что пришли к Богу и стали церковным человеком?» Вроде бы сочувствуют люди, что немножко «сдвинулся» умом. Да нет, господа и товарищи, братья и сестры, все просто — прорвалось на поверхность чувство русского человека, задавливаемое десятилетиями советскостью и россиянством. Появилось непреодолимое желание вернуться после долгой жизни в других странах — СССР и РФ — в Россию, на любимую в Боге Родину. В ту страну, в которой из века в век жили в молитве, труде и подвиге все предшествующие поколения крестьян Решетниковых и казаков Костоглодов. Ведь без Бога и Родины русский человек не может, без Них он уже не русский.

Глава первая

СВЯТАЯ РУСЬ: НАШ ДОМ, КОТОРЫЙ МЫ ПОКИНУЛИ

Более 90 лет назад в России закончилась Гражданская война, почти пять лет бушевавшая на огромной территории нашей страны, унесшая миллионы жизней и надолго подорвавшая национальные устои русского народа. Символами этого окончания стали эвакуации из Крыма в ноябре 1920 г. Русской армии генерала барона П. Н. Врангеля и из Владивостока осенью 1922 г. армии генерала М. К. Дитерихса. За границу ушли сотни тысяч наших соотечественников. Уходили люди разных социальных классов, вероисповеданий, национальностей. Русский Исход стал великой трагедией нашего народа, причём трагедией обоюдной: трагедией тех, кто уходил из России, и тех, кто в ней оставался. Прервалась вековая связующая нацию нравственно-духовная нить. На долгие десятилетия народ наш оказался расколот на «красных» и «белых».

Сегодня всем здравомыслящим людям становится очевидно, что путь построения коммунизма, которым мы следовали почти весь XX в., и путь построения либерализма, которым мы идём в настоящее время, являются тупиковыми. Мы мучительно ищем третий путь, но никак не можем его найти. Мы постоянно заявляем, что хотим «новой России», но не можем объяснить, какая она и в чём её «новизна». Говорят, что экономика и рынок . объединят страну и больше ничего не надо. Эта такая же I утопия, как и строительство коммунизма. У нас большая страна, и некоторые регионы начинают в экономическом смысле тяготеть к Балтии, Скандинавии или Китаю, Японии. До тех пор пока у нас нет объединяющего духовного стержня, пока наша страна не превратилась в единую мощную державу, такой лозунг не только неверен, но и опасен.

Мы декларируем, что Россия — многонациональное и многоконфессиональное государство, но не понимаем, что тем самым мы разрушаем, а не укрепляем нашу страну. Практически во всех государствах мира проживают несколько народов и имеется несколько конфессий. Например, в Италии есть и греческое, и немецкое, и славянское меньшинство. Австрия — небольшая страна, а на её территории живут и славяне, и немцы, и итальянцы. Во Франции есть баски, пьемонтцы, корсиканцы, провансальцы. Но ни Франция, ни Германия, ни Италия, ни Испания не спешат при этом называть себя ни многонациональными, ни многоконфессиональными. Термин «многоконфессиональность» несёт в себе намёк, что речь идёт о десятках вероисповеданий, а в России по всем официальным документам их всего четыре — православные, мусульмане, буддисты и иудеи. Слово «много» в русском языке никак не может подразумевать три или четыре. Оно вводит в заблуждение несведущих граждан, считающих, что речь идёт о пятнадцати, двадцати, ста конфессиях.

Православному христианину, верующему мусульманину или иудею нет никакой надобности в заклинаниях типа «многоконфессиональность». Ведь они не выступают друг против друга, а верят в Единого Бога, по-своему понимая и представляя Его. В обострении отношений между конфессиями, в навязывании им противоборства заинтересованы сектанты и атеисты-богоборцы, стремящиеся к разрушению традиционной России. С инославными и иноверцами мы веками по- добрососедски жили и всегда договаривались. Никто никого не гнал, не убивал, не считая, конечно, отдельных инцидентов, неизбежных всегда и везде.

Все войны России, приводившие к расширению её территорий, были вызваны либо геополитическими причинами, либо восстановлением справедливости. Как писал великий русский учёный Д. И. Менделеев: *«Русский народ никогда не был склонен к завоевательству, и если воевал и покорил немало народов, то лишь потому, что к этому принуждали его прямо слагавшиеся обстоятельства»* [Менделеев Д. И. К самопознанию России. — СПб.: Издание А.С. Суворина, 1907. С. 45].

Сколько копий сломано по поводу мнимой «агрессии» Иоанна Грозного против Казанского ханства! При этом забывается тот факт, что русские в московском войске составляли всего 33 процента, а турки — почти 65! Плечом к плечу вместе с русскими на стенах Казани бились касимовские татары под командованием хана Шир-Али, московские и нижегородские татары под командованием мурзы Камай Хусаинова и мурзы Бахмета, нагайские татары, мещеряки, мордва, черкасы, черемисы и другие [Трофимов В. О. Поход под Казань, её осада и взятие в 1552 году. — Казань, 1890. С. 57-59]. Почему на стороне Иоанна было такое количество татар? Да потому что они воспринимали московского государя не менее законным претендентом на Казанский престол, чем хана Едигера, ставленника Османской империи. Казань была последней столицей Золотой Орды, поэтому русские называли её Восточным Царьградом. Ханом Золотой орды мог быть только потомок Чингисхана. По общему убеждению, по материнской линии в жилах Иоанна текла кровь Чингизидов. Таким образом, **взятие Казани** — это не злобное

русское нашествие, а **результат борьбы за наследство Золотой Орды между Москвой и Стамбулом**. Эта борьба вылилась в гражданскую войну в Казанском, Астраханском, Крымском ханствах и Ногайской орде. Причём если в Казанском и Астраханском ханстве в этой борьбе победили прорусские силы, то в Крымском — протурецкие.

Вхождение татар в состав России было добровольным и осознанным выбором. Конечно, ни о каком их «насильственном крещении» речи не шло. К слову сказать, христианство распространялось в Волжской Булгарии начиная с 612 г. В качестве мифа о «русской оккупации» Казани, о котором так любят сегодня рассуждать татарские националисты, особо показателен душераздирающий рассказ о казанской царице Сююмбике. Согласно мифу, она, не желая стать наложницей Иоанна Грозного, сбросилась с башни Казанского кремля. На самом деле Сююмбике была взята в плен, выдана замуж за касимовского хана и жила в Касимове, а уж счастливо или нет, об этом история умалчивает [Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. С. 241].

Войны России с Турцией и покорение Кавказа также были вызваны политическим, а не религиозным факторами. Достаточно сказать, что в Российской империи в мусульманских владениях действовал закон шариата. В Российской империи все её народы были равны перед Богом, царём и законом. Всё это вместе взятое создавало особую русскую православную цивилизацию. Понятие «метрополия» в России отсутствовало. Как верно пишет доктор исторических наук А. Н. Боханов, «Россия никогда не была "колониальной державой" в общепринятом смысле и тем качественно отличалась от западноевропейских империй. У неё никогда не было метрополии как таковой: исторический центр был, а метрополии не было. Российская территориальная экспансия носила главным образом стратегический характер, диктовалась потребностями военной и государственной безопасности» [Боханов А. Н. Последний царь. — М.: Вече, 2006. С. 148].

Но при этом никому в голову не приходило называть Российскую империю многонациональным и многоконфессиональным государством. Государствообразующая роль русского народа была общепризнанной. Если сегодня постоянно повторять тезис о «многонациональности» и «многоконфессиональности», он может привести к самым негативным последствиям. В этом тезисе нет объединяющей идеи. Наоборот, любой призыв к единству может натолкнуться на возражение, что мы многонациональная страна и у каждой нации есть свой интерес. Собственно, мы это уже проходили в 1990-е гг., когда пожинали ядовитые всходы ленинской национальной политики, с её «правом наций на самоопределение», в результате которой получили на своей территории множество **государств, флагов, гимнов, правительств. Именно такая модель погубила Советский Союз.**

Мы часто повторяем, что нашей Родине необходима национальная идея, вокруг которой смог бы объединиться весь наш народ. Но возможно ли объединение, если нет любви, любви к Богу, России? Ведь даже представления о России у нас зачастую принципиально разные. Живя в Российской Федерации, мы до сих пор не смогли ответить на вопрос «Что такое Россия?». Без такого ответа бесполезно искать третий путь, вместо него мы вновь рискуем упереться в новый тупик, а точнее, не выйдем из старого, в котором сейчас находимся. Чтобы найти дорогу России в будущее, необходимо вернуться в точку отсчёта, в точку, от которой мы отклонились на извилистую тропу иллюзий, миражей и тяжёлых испытаний. То есть нам надо вернуться в 1917 г. и понять, что произошло тогда с нашим народом, в какой стране он жил и что потерял. Без этого духовно-нравственного анализа-покаяния невозможно дальнейшее развитие России как одного из ведущих государств мира, несущего людям своё слово, своё понимание целей и смысла жизни.

Россия — это, конечно, не Российская Федерация, не Советский Союз и даже не

Российская империя. «Перестали понимать русские люди, что такое Русь: она есть подножие Престола Господня», — писал святой праведный Иоанн Кронштадтский [Иоанн Кронштадтский, святой праведный. Избранные сочинения. Проповеди. Материалы. — М.: Изд. Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2011]. В этих словах заключается духовная составляющая России как исторического явления.

Сила и предназначение русского народа заключались в служении Божьей Правде. Именно поэтому Российская империя многие столетия была так притягательна для других народов, именно поэтому под скипетром русского Царя соглашались жить мусульмане, буддисты, иудеи и даже язычники.

Однако в феврале 1917 г. русский народ, прежде всего его городская, «образованная» часть, вместо воли Божьей стал руководствоваться своей волей, стремиться не к духовному совершенствованию, а к материальному благополучию, ради которого стали считаться возможными насилия и убийства. Как только русский народ предал Бога, от него отвернулись все остальные народы, которые стали обвинять русских во всех своих бедах. Вместо материального благополучия в России наступило время жуткой нищеты и голода. Здесь снова нельзя не вспомнить слова праведного Иоанна Кронштадтского: «Вы забыли Бога и оставили Его, и Он оставил вас Своим Отеческим Промыслом и отдал вас в руки необузданного дикого произвола» [Новые грозные слова отца Иоанна Кронштадтского «О Страшном поистине Суде Божьем, грядущем приближающемся» 1906-1907 года. — М., 1993. С. 27]. Как писал известный русский философ Иван Ильин: «Большинство соблазнилось о вере, о Церкви, о родне, о верности, о чести, о совести, пошло за соблазнительями, помогло им замучить, задавить и выбросить за рубеж верных и стойких, а само было порабощено на десятки лет своими соблазнительями» [Ильин И. А. О русском национализме. — М.: Фонд Российской культуры, 2007. С. 7-8.].

Россия не вдруг пришла к февральскому клятвопреступлению. В XIX столетии в российском образованном обществе получил развитие процесс отхода от традиционных духовных ценностей, который к концу века принял характер отречения элиты от исторической России. Этот процесс стал отражением общей мировой тенденции дехристианизации европейской цивилизации. Привнесённые с Запада идеи свободы, равенства, братства, социализма предлагали русскому народу революционным путём перенести «отсталую и тёмную» Россию в «светлый» рай на земле, отбросив при этом все, что преподносилось в качестве пережитков прошлого и что на самом деле составляло душу русского народа. Таким образом, западничество вскормило в своих недрах идеологию социальной революции и воинствующего атеизма. Обличая носителей этой идеологии, Ф. М. Достоевский писал: «Всё, что есть в России чуть-чуть самобытного, им ненавистно, они его отрицают» [Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. XVIII — XXX. — Л.: Наука, 1985. С. 210].

Катастрофа 1917 г. стала конечным результатом длительного и постепенного отхода русского народа от предназначенной ему Богом задачи. Задача эта формулировалась как духовная идея. «Святая Русь», «Москва — Третий Рим», «Православие, Самодержавие, Народность» — эти определения являлись смыслом существования дореволюционной России. Феномен России как государства заключался в следующем: **верность Христу и свидетельство о Нём миру через государство, построенное по принципу Небесного Иерусалима** [Мультиатули П. В., Решетников Л. П. Россия, встань и возвышайся! // Проблемы национальной стратегии. № 2 (11). 2012.].

Генерал М. К. Дитерихс подчеркивал: «Народу русскому, в его государственном историческом служении миру, был дан Богом вполне определённый смысл: служить на земле, сначала в своей семье, а затем и для других народов мира, хранителем величайшей идеи бытия,

идеи установленной Христом в учении о Святой Троице в Едином Лице, и путём проведения в своей государственной жизни принципов, определяющих это понятие и истину. В основах учения Христа и лежат основные принципы русской государственной власти и начала идеологии исторического национально-религиозного самодержавного монархизма» [Дитерихс М. К. Заветы монархическому движению // Генерал Дитерихс. Военно-историческая серия «Белые воины». — М.: Посев, 2004. С. 549].

Понятие «Святая Русь» означало духовно-нравственную принадлежность к определённой системе ценностей. **В народном восприятии Святая Русь сливалась с Вселенским Православием. Святая Русь есть везде, где есть православная вера** [Дмитриев М. В. Конфессиональный фактор в формировании представлений о «русском» в культуре Московской Руси // Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века — Новое время. — М.: Индрик, 2008. С. 218-224.]. Идеал Святой Руси был тем критерием, по которому народ мог определять, правильно ли он живёт. Вплоть до начала XX века барометр русского самосознания всегда верно указывал на отклонение от идеала, и народ через покаяние возвращался на свой путь, предназначенный ему свыше. Отдельные люди могли полностью отпасть от идеала Святой Руси, но такой человек отвергался обществом, получая от народа прозвища «вор» и «злодей».

Русскими нас сделала Православная вера. Сегодня мы иногда встречаем утверждения, что, мол, и до христианства был русский народ. Другие идут ещё дальше, говоря, что именно до Крещения была настоящая самобытная Русь, а князь Владимир «навязал» ей чуждую веру. Такие утверждения нельзя назвать иначе как невежеством или сознательной ложью. Понятие русскости всегда включает в себя такие качества, как милосердие, целомудрие, смирение, широту души, богобоязненность. Можно ли назвать русскими тех, кто верил в деревянных идолов и приносил им в жертву грудных младенцев и юных девушек? Можно ли назвать русскими людей, имевших несколько жён и множество наложниц? Можно ли назвать русскими тех, кто «ходил» на Царьград, грабил и сжигал православные храмы? Ответ очевиден. Что же касается обвинений святого равноапостольного великого князя Владимира в том, что он «силой» крестил Русь, то они также не выдерживают критики. Уже князья Аскольд и Дир были христианами [Порфирий, епископ. Четыре беседы Фотия, патриарха Константинопольского. — СПб., 1863. С. 56]. В Киеве ещё до крещения княгини Ольги была кафедра «епископа Русского», действовали православные храмы, в которых служили «русские» священники. «Русскими» их называли греки, что доказывает существование православного духовенства и православных мирян до крещения Руси князем Владимиром. Православное духовенство прибывало, скорее всего, из Болгарии и славянских земель, входивших в состав Византии [Митрополит Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. — М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995. Т. 2. С. 21].

В конце IX века Русская епархия уже числится в списках константинопольских епископий. Таким образом, крещение Руси князем Владимиром заключалось в первую очередь в том, что святое таинство принял сердцем сам князь и его дружина, а Православие стало государственной религией Руси. Но оно никогда бы не стало верой всего народа, если бы русские задолго до принятия Православия верховной властью не приняли бы веру Христову в своём сердце. Этим объясняется тот факт, что Православие в кратчайшие сроки и почти всюду добровольно распространилось по всей Киевской державе. Свет Христов озарил разноплеменную языческую толпу славян и сделал из неё великий русский народ.

Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычёв) отмечал: «Чудо сопровождает Россию сквозь века. В конце X века вошли в купель святого крещения племена полян, древлян, кривичей, вятичей, радимичей и иных славян. Вышел из купели — русский народ

вопреки обстоятельствам, условиям, возможностям, выгоде, расчёту. С этого "вопреки" и начинается русская история» [Иоанн (Снычёв), митрополит. Самодержавие духа. — СПб.: Царское Дело, 1996].

Православная государственность превратилась в нашу отличительную черту, в то, что отличало нас от других народов. Однако сегодня отечественная историческая наука приуменьшает или игнорирует роль и значение Православия в русской истории. А. Н. Боханов справедливо обращает внимание на то, что *«продолжаются попытки исказить русскую национальную память и вывести Православие за рамки Русской истории, хотя это совершенно невозможно! Ведь без Православия и вне Православия отыскать смысл в Русской истории невозможно; без него она превращается лишь в скучный каталог мировоззренческих представлений об истории определённых групп и лиц, лишённых возможности и способности воспринимать Бытие Божие как объективную реальность»* [Боханов А. Н. Деформированное восприятие русского прошлого: истоки и смысл // Научный православный взгляд на ложные исторические учения. — М.: Русский издательский центр, 2011. С. 32].

Именно эта объективная реальность, вопреки всему, спасала нас и от монголов, и от псоврыцарей, и от Карла Шведского, и от Наполеона. Вера в Бога вдохновляла всех лучших людей России на служение ей, будь то ратный подвиг, труд земледельца, научная деятельность или художественное творчество. Но уже в XV—XVI вв. стали раздаваться голоса отдельных представителей тогдашней элиты, что христианство не истинная религия, что Православие не является учением Христа и т.п. Под влияние различных ересей попадал не столько простой люд, сколько представители аристократии, в том числе сыновья Государя Иоанна III и даже некоторые церковные иерархи. Однако в те времена государственная и церковная власть умела быстро объединяться в защиту Православия. Обличительные речи архиепископа Новгородского Геннадия, преподобного Иосифа Волоцкого произвели на Великого князя Иоанна III и его окружение сильное и глубокое впечатление. Государственная власть объявила ереси настоящую войну.

Тогда же зарождается идея православного царства — Святой Руси «Москва — Третий Рим», которая приняла форму государственной идеологии при первом русском Царе Иоанне Грозном. При нём возникает самодержавная царская власть, главной целью которой было хранить и защищать идеал Святой Руси как мировоззренческий стержень государства и народа. Самодержавие часто представляют как некий восточный деспотизм, ничем не удерживаемый и никем не ограниченный. Однако на самом деле понятие «самодержец» несло в себе в первую очередь духовный, а не политический смысл. Самодержец имел самое тяжкое, самое жёсткое ограничение своей власти — ограничение верой, ответственностью за народ — Божие достояние. Любовь к народу есть Божественный дар. Совершение таинства Миропомазания над Государем во время венчания на царство означало получение им этого Дара. Самодержавие означало полное самоотречение во имя России, абсолютную личную ответственность за всё, что в ней происходило, полную бескорыстность монаршего служения. Русский историк Г. М. Катков писал в эмиграции: *«Получилось так, что самодержавие как институт даёт самые благоприятные условия для воспитания личности, совершенно чуждой стяжательству и низким инстинктам»* [Катков Г. М. Февральская революция. Париж: YMCA-PRESS. 1984. С. 350].

Безусловно, что Самодержавие являлось своеобразной формой русской демократии, то есть государственного строя, воспринимаемого большинством нации как справедливого. Генерал Дитерихс отмечал, что *«самодержавный монархический строй правления по духу национально-религиозной идеологии русского народа определяется не тем, что во главе человеческого сообщества становится неограниченный самодержец в политическом отношении, а все*

остальные члены государства являются его безличными и безвольными подданными, а тем, что весь народ, по своему существу и духу, является сам Самодержцем своего управления и, естественно, выдвигает во главу своего правления одного из своих самодержавных членов, избираемых Богом и помазанным на царство. Если было бы иначе, то монархический строй просто обращался бы в другую деспотию и ничего общего с учением Христа не имел. Принципы русского национально-религиозного самодержавия чрезвычайно идеальны и чрезвычайно просты с точки зрения положения учения Христа и чрезвычайно трудно усваиваемыми и проводятся в жизнь людьми при уклонении и искажении основных положений учения Христа» [Дитерихс М. К. Заветы монархическому движению. С. 549].

Царь отвечал за Россию перед Богом, народ отвечал за Россию — перед царём. Формула самодержавия была выведена Иоанном Грозным: *«Аз есмь царь Божьим соизволением, а не многомятежным человеческим хотением»* [Иван IV Грозный. Сочинения. — СПб.: Азбука классики, 2000. С. 65]. Не будем здесь рассуждать, как на практике осуществлялась царём Иоанном эта формула. Для нас главное, что суть её характерна для самодержавной власти в России вплоть до XX века. В этой связи понятия политической и личной свободы, столь важные для Запада, отходили в России на второй план. Необходимость самодержавного правления остро понималась не только Иоанном Грозным, но и всем русским народом. Ярким примером этому служат события начала зимы 1564 г., когда Иоанн Грозный покинул Москву из-за упорного противодействия части боярства праву царя управлять самодержавно. Бояре хотели видеть Русское царство государством наподобие Польши, где король выбирался аристократией, которая, в сущности, и правила страной. А. С. Пушкин подчёркивал, что и в России *«аристократия неоднократно замышляла ограничить самодержавие, к счастью, хитрость государей торжествовала над честолюбием вельмож, и образ правления остался неприкосновенным. Это спасло нас от чудовищного феодализма, и существование народа не отделилось вечною чертою от существования дворян. Если бы гордые замыслы [аристократии] совершились, то владельцы душ, сильные своими правами, всеми силами затруднили бы или даже вовсе уничтожили способы освобождения людей крепостного состояния, ограничили бы число дворян и заградили бы для прочих сословий путь к достижению должностей и почестей государственных»* [Пушкин А. С. Сочинения (в одном томе) / Редакция, биограф. очерк и примечания Б. Тамашевского. Вступит. статья В. Десницкого. — Л.: Художественная литература, 1936. С. 659].

Иоанн Грозный считал ограничение царской власти делом, противным Богу и вредным государству Российскому. В этом его убеждение совпадало с настроением большинства народа. Покинув Москву, царь остановился в Александровской слободе, откуда 3 января 1565 г. послал в столицу гонца с двумя царскими грамотами, которые были вручены митрополиту и зачитаны народу на площадях. В них Иоанн описывал измены, мятежи и неурядицы боярского правления, указывал на невозможность в таких условиях нести царское служение и заявлял, что *«мы оставили государство и поехали, куда Бог укажет нам путь»*. Грозный спрашивал: *«Желаете ли над собой меня, Русского Православного Царя, Помазанника Божия, как символ и знак своего избранничества и своего служения? Готовы подклониться под иго и бремя Богоустановленной власти, сослужить со мною, отринув личное честолюбие, жажду обогащения, междоусобицы и старые счёты»* [Ключевский В. О. Курс Русской истории. — М.; СПб., 1906. Ч. 2]?

По словам В. О. Ключевского, это был один из наиболее драматических моментов русской истории. *«Всё замерло, столица мгновенно прервала свои обычные занятия: лавки закрылись, приказы опустели, песни замолкли»* [Ключевский В. О. Курс Русской истории. Ч. 1. С. 68].

Странное на первый взгляд поведение царя на самом деле обращалось к издавна

сложившимся на Руси отношениям народа и власти. Когда первое оцепенение москвичей прошло, столица буквально взорвалась народными сходками: *«Государь нас оставил. Мы гибнем. Кто будет нашим защитником в войнах с иноплеменниками? Как могут быть овцы без пастыря?»*

Духовенство, многие бояре, сановники, купцы, приказные люди, потрясённые отъездом царя, требовали от митрополита, чтобы он умилоствовал Иоанна, никого не жалея и ничего не страшась. Все говорили одно: *«Пусть царь укажет нам своих изменников: мы сами истребим их!»* [Там же. Ч. 1.С.70] Все дела пресеклись: суды, приказы, лавки, караульни опустели. В Александровскую слободу потянулся московский люд, который сам сделал свой выбор. Осознанно и недвусмысленно он выразил свободное согласие «сслужить» с царем в деле Божьем — для созидания России как «Дома Пресвятой Богородицы», как хранительницы и защитницы спасительных истин Церкви. Иоанн понял это: 2 февраля он торжественно вернулся в Москву и приступил к обустройству страны.

Между событиями 1564 и 1917 гг. лежит незримая связь. Перед первым русским царём стоял такой же вопрос, как и перед последним: хочет ли народ иметь над собой Богом установленную самодержавную власть или нет? В 1564 г. русские чётко и ясно подтвердили свою поддержку самодержавию. В 1917 г. они в своей массе остались пассивными зрителями его свержения. В 1564 г. народ требовал от царя указать изменников, чтобы расправиться с ними, в 1917-м многие слушали этих изменников и требовали расправы над царём. Если в 1564 г. всё высшее духовенство умоляло царя вернуться на престол, то в 1917 г. оно заявило, что *«свершилась Воля Божия»*, а царских изменников назвало *«благодарным Временным правительством»*. В 1564 году было всеобщее ощущение великой беды: царь нас покинул, в 1917 — наоборот, было ликование, по меньшей мере в больших городах, что царь оставил престол [Мультатули П. В. Николай II. Отречение, которого не было. — М.: АСТ, 2010. С. 621].

Русская самодержавная монархия — исключительное явление мировой истории. Ее нельзя поставить в один ряд ни с республиканским, ни с тоталитарным, ни с каким-либо иным светским государством, потому что только между православной монархией и православной Церковью может быть симфония властей. Республиканская и, тем более, тоталитарная формы правления не стремятся к духовному развитию человека в христианском понимании этого слова и не пекутся о спасении его души. В лучшем случае такие режимы относятся к этим вопросам нейтрально (отделение Церкви от государства, толерантность), а в худшем — крайне враждебно (тоталитарная диктатура).

Самодержавие не могло существовать отдельно от Церкви, с которой оно составляло единую духовно- государственную систему. Эту систему не сломали ни раскол XVII века, ни синодальный период.

Смутное время, когда в очередной раз встал вопрос, быть или не быть России как независимой державе, стало результатом наметившегося ослабления связи с Православием части «образованного общества», увлечением западными ценностями, обычаями и даже католическими обрядами. Лжедмитрий I, воссевший на царский престол в святом Кремле, безусый и безбородый, презиравший православную веру и русские обычаи, одетый в латинский костюм, окружённый «ляхами» и ксёндзами, женатый на католичке, стал ярким выражением духовно-нравственного падения русского общества, допустившего подобное. Как обычно, следствием нравственного падения стал расцвет разбоя и всяческого насилия. Поэтому глубоко символично, что святой Патриарх Гермоген и Козьма Минин в своих обращениях к русским людям положить конец Смуте и собирать ополчение для освобождения Москвы главный акцент делали не на воинственные призывы. Святитель Гермоген писал в своей «грамоте»: *«Вы отпали от Бога, от правды и Апостольской Церкви. Я плачу, помилуйте свои души. Забыли вы обеты*

Православной веры вашей, в которой родились, крестились, воспитались, возросли. Посмотрите, как Отечество расхищается и разоряется чужими, какому поруганию предаются святые иконы и церкви, как проливается и вопиет к Богу кровь невинных» [Преображенский А. В. Творения святейшего Гермогена, патриарха Московского и всея России. М., 1912. С. 56-57].

Козьма Минин: «Мужие, братие, вы видите и ощущаете, в какой великой беде всё государство ныне находится и какой страх впредь, что легко можем в вечное рабство поляков, шведов впасть. Паче же ко утеснению и разорению законов Руси и Веры Православной церкви утеснению и разорению предлежат. А причина тому не иная, как от великой зависти и безумия, в начале между главными государственными управителями произошедшая злоба и ненависть, которые, забыв страх Божий, верность к Отечеству и свою честь и славу предков своих, един другого гоня, неприятелей Отечества в помощь призвали, чужестранных государей. Иные же различных воров, холопей и всяких бездельников, царями и царевичами именовав, яко государям крест целуют. Которые, вошед, уже в Москву и другие многие грады по обе стороны побрали, казну так великую, чрез многие грады разными государями собранную, растащили, церкви монастыри разорили и разоряют. Однако же ослабевать и унывать не надобно, но, призвав на помощь Всещедрого Бога, свой ревностный труд прилагать и, согласясь единодушно, оставя свои прихоти, своего и наследников своих избавления искать, не щадя имения и живота своего. Правда, может кто сказать что мы можем сделать, не имея ни денег, ни войска, ни воеводы способного? Но я мое намерение скажу. Мое имене все, что есть, без остатка, готов я отдать в пользу и сверх того заложа дом мой, жену и детей, готов все отдать в пользу и услугу Отечеству, и готов лучше со всею моею семьёю в крайней бедности умереть, нежели видеть Отечество в поругании и от врагов в обладании. Нежели мы все равное намерение возымеем, то мы денег, по крайней мере к началу, довольно иметь можем, а затем, видя такую нашу к Отечеству верность, другие от ревности или за стыд и страх, помогать будут. И ежели сие так исполните, то я вас уверяю, что мы с помощью Всемогущего Бога можем легко большую, паче всех богатств, спокойность совести и бессмертную славу себе и своих наследников присовокупить, врагов погубить и невинно проливающих кровь нашу захватчиков усмирить» [Россия XVIII века глазами иностранцев. — Ленинград, 1989. С. 78].

Главной причиной того, что Смутное время не стало для России «последним временем», а завершилось восстановлением державы и обретением законного царя, стало покаяние русского народа и его готовность умереть за свою веру. В 1613 г., после семи лет Смуты, безвластия и иноземной интервенции, русские нашли в себе силы покаяться и призвать на царство Михаила Феодоровича Романова, на верность которому, всему его Дому и потомкам целовали крест.

Начало XVII в., эпоха первого царя из Дома Романовых Михаила Феодоровича, была отмечена великим благочестием как самого Государя, так и всего народа. По воспоминаниям современников, царь, несмотря на свою занятость, много времени уделял молитве и богослужению. Его день начинался в четыре часа утра. В присутствии духовника он совершал утренние молитвы, затем шёл в храм на богослужение и только после этого приступал к государственным делам. Вечером самодержец опять посещал церковь, затем молился перед сном, никогда не ложась спать без священнического благословения. В воскресные дни он посещал монастыри в окрестностях столицы, привлекая к этим паломничествам и иностранных гостей. Вот как вспоминает такое паломничество один из них: «После богослужения царь пригласил всех в трапезную, чтобы лично угостить отцов монастыря по случаю престольного праздника. И на удивление всех нас, сам до конца трапезы прислуживал монахам, а они, нисколько не смущаясь, сидели, вкушая поданные царем блюда. Один из столов был занят нищими, слепыми и иными калеками, так царь прислуживал и им, поднося пищу и питье, пока все не насытились! Какие чудесные и удивительные дела сподобил нас видеть Бог и как

необычно царское смирение! Что скажешь об этом человеке или, вернее, ангеле?» [Дневники архидиакона Павла Алеппского «Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века. — М., 2005. С. 56]

Однако это не единичный случай проявленного царем смирения. Во время посещения России видным православным иерархом Востока Государь лично повел его и сопровождавших лиц в одну из странноприимных лечебниц, чтобы тот благословил больных и прочел молитвы над расслабленными. *«Войдя, — вспоминает один из приехавших священников, — мы от зловонного запаха не могли ни оставаться в этом помещении, ни смотреть на больных. Всякий раз, когда наш владыка благословлял одного из них, царь вслед за ним подходил к больному и, трижды целуя его, утешал словом сострадания. И так от первого до последнего! Мы были поражены при виде такой святости и смирения, тогда как нам хотелось скорее убежать отсюда» [Там же. С. 100].*

Испанский путешественник, посетивший Россию в то время, писал о благочестии русского народа: *«С наступлением поста трудно найти такого русского, даже в самом высшем обществе, который бы осмелился его не соблюдать. На нарушение поста здесь смотрят как на преступление, равное распятию Христа. Лучше умереть, говорят они, чем нарушить пост. И это несмотря на то, что ограничения и запреты в Русской Церкви куда более строгие, чем у других христиан. Даже сам царь превосходит любого из наших монахов своей набожностью и усердием к посту, вкушая скудную пищу лишь через день» [Россия XVIII века глазами иностранцев. С. 84].*

Что особо поражало иностранцев, так это любовь русского человека к церковным службам. Один из священников из окружения прибывшего на Русь Антиохийского патриарха так описывает свои впечатления от праздничной службы на Рождество Христово в Успенском соборе Московского Кремля: *«Служба была большая, продолжительная и торжественная. Зайдя в собор с заходом солнца, мы вышли из него лишь тогда, когда забрезжил рассвет. Простояв более семи часов, я умирал от усталости. В эту ночь все мы столько натерпелись от холода и стужи, что едва не погибли, потому что стояли на железных плитах собора. Бог мне свидетель, что душа чуть не покинула нас. Что касается меня, то я хотел бежать из алтаря, но не мог, ибо перед алтарем справа стоял царь, а слева — царица, так что поневоле пришлось страдать. Это поистине всенощное бдение! И более всего нас удивляло, что дети, притом не простолудинов, а знатных бояр, стояли с непокрытой головой и не шевелясь, как статуи. Какое терпение! Какая выносливость! Какая вера!.. Да почиет мир Божий на русском народе, над его мужьями, женами и детьми за их терпенье и постоянство. Надо удивляться крепости телесных сил этого народа. Нужны железные ноги, чтобы не чувствовать ни усталости, ни утомленья. Все русские, без сомненья, святы, они превосходят своей набожностью самих пустынников!» [Дневники архидиакона Павла Алеппского. С. 97]*

Практически в каждом из воспоминаний иностранцев подчёркивается удивительная религиозность русского человека. Русский быт во всех его проявлениях был пропитан глубоким религиозным чувством. *«Русский крестьянин, — замечает шведский посол, — очень религиозен. Он видит Бога во всех вещах и считает не-умным того человека, который не верует в Бога». Ему вторил итальянский путешественник: «Православие есть основа жизни России, её пульс, её забота о жизни не теперешней, а Небесной. Это особенно заметно у русских святых. Их святость — это не святость наших святых, это действительно истинная и высшая твердыня. Это та трезвенная святость, которая не оставляет никаких сомнений в реальности Бога» [Россия XVIII века глазами иностранцев. С. 84].*

Таковыми были наши предки, таковой была наша Святая Русь. Примечательно, что по Судебнику 1649 г. за содомский грех, церковную татьбу, чернокнижие и богохульство, особенно

совершённое в храме, виновных подвергали сожжению на костре [Сорокин Ю. А. Алексей Михайлович // Вопросы истории. 1992. №4-5]. Ибо, как позже разъяснял святитель Феофан Затворник, если *«где-то появилась хула на Господа и Божию Матерь, значит — жди, Россия, великих бед, и реки крови прольются. Потому что Бог поругаем не бывает»*. А у нас сегодня находятся люди, даже среди священнослужителей, требующих не обращать на подобные проявления внимания, а совершивших кощунственные действия, в том числе в главном храме России, требуют *«простить и немедленно освободить»*.

Несмотря на все сложные драматические процессы, происходившие с Россией, несмотря на всё более проявлявшиеся признаки отступления элиты и части народа от веры Православной, Святая Русь продолжала животворить вплоть до рокового марта 1917 г. Император Николай II, посещавший в госпиталях и больницах тяжело раненных, Императрица Александра Феодоровна и царские дочери, принимавшие участие в самых тяжёлых хирургических операциях, были прямыми продолжателями жертвенного благочестия первых царей Дома Романовых.

Последствием церковного раскола середины XVII в. стал раскол всего народа, начиная от элиты и заканчивая простым людом. В городах и деревнях, особенно в тех, которые были расположены далеко от Москвы, большое влияние получили раскольничьи секты и толки. Православное самосознание народа резко упало. Святитель Димитрий Ростовский свидетельствовал, что в Великороссии не только простолюдины, но и *«иерейстии жены и дети мнози никогдаже причащаются... иерейстии сыны приходят ставитися на места отцев своих, которых егда спрашиваем: давно ли причащались? мнози поистинне скажут, яко не помнят, когда причащались»* [Асмус В., прот. Архиепископ Иларион и православное богословие // <http://proroza.narod.ru/Asmus> — 1 .htm]. И. Т. Посошков (1670— 1726) сообщал, что *«не состаревся, деревенские мужики на исповедь не хаживали; и тако инии, и не дожив до старости, и умирали»*. Это вызывало немалую озабоченность царя Алексея Михайловича. В грамоте, посланной в Свияжск в 1650 г., он сетовал, что *«в городах и селах и деревнях христиане живут без отцов духовных, многие и помирают без покаяния, а о том нимало не радуют, чтоб им исповедать грехи своя и Телу и Крови Господней причащатися»*. В другой грамоте царь свидетельствует о новгородцах, что многие из них, *«разных чинов люди... николи не имели духовных отцов»* и только перед смертью задумывались о причащении [Смирнова С. Древнерусский духовник. — М. 1913. С197-196].

Одновременно в России стало всё заметнее ощущаться западное влияние. Уже при Иоанне Грозном в Москве была Немецкая слобода, где жили выходцы из протестантской Европы. При Борисе Годунове, объявившем себя другом европейской культуры, число иноземцев в России ещё больше возросло. К немцам и голландцам добавились французы, поляки и итальянцы. Во время и после Смуты в Москве появилось и осело много военных, торговых и промышленных иностранцев, пользовавшихся большими торговыми привилегиями и серьёзными экономическими позициями в стране. В результате иностранное влияние возрастало.

Под этим влиянием постепенно усиливался процесс отступления правящего слоя от идеалов Святой Руси, главной чертой которых было беззаветное служение Богу. Запад же нёс в Россию начала человекоугодничества, обмирщения духовной жизни. Это заметно во многих проявлениях русской жизни того времени. Даже в иконописи: строгая каноничная икона преподобного Андрея Рублёва уступает место очеловеченной и вычурной — иконописца Симона Ушакова, в храмах появились органы и скульптурные изображения святых [Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. 2. СПб., 1881. С. 97, 103].

В XVII веке в Москве в большом количестве переводятся и издаются иностранные книги, нередко еретического и оккультного свойства. В столице появляются киевские схоластики и греческие учёные монахи, получившие образование в Ватикане. Они говорили о необходимости

изменений богослужебных книг, а также допускали брадобритие, что считалось московскими ревнителями благочестия страшным грехом. Всё заметнее становилась прослойка образованных и знатных москвичей, стремившихся не только к овладению западными науками, но и к восприятию западного образа жизни. Одним из убеждённых его поклонников был друг царя Алексея Михайловича известный дипломат А. С. Матвеев. Он завёл в Москве домашний театр и обучал своих дворовых людей «комедийному искусству». В его доме царили западноевропейская обстановка и появлялись западноевропейские обычаи. Матвеев уговорил Государя выписать из-за границы актёров. При Алексее Михайловиче в 1672 г. открывается первый русский придворный театр. На его подмостках ставились французские и немецкие мистерии в русских переводах. Заморские лицедеи в присутствии царя и аристократии изображали библейских пророков и праведников, что ранее было невозможно. Стараниями Матвеева возникла даже балетная труппа из 26 человек.

Это вовсе не означало равнодушного или неуважительного отношения Тишайшего Царя к Православной вере. Наоборот, Алексей Михайлович отличался редким благочестием и религиозностью. В пост он, посещая все-нощную, стоял пять или шесть часов кряду. В Великий и Успенский посты царю подавали лишь капусту, грузди, рыжики и ягодные блюда без масла. Тем же кормили бояр и послов. Причем постом царь ел по вторникам четвергам и субботам один раз в день, а в понедельник среду и пятницу не ел и не пил вообще ничего, исключая лишь дни именин царицы, царевичей, царевен и свои [Платонов С. Ф. Царь Алексей Михайлович // Три века. Т. 1. — М. 1912. С. 85—86]. Часто Алексей Михайлович вставал среди ночи и молился до утра. При дворе жили странники, юродивые и богомольцы. Среди них выделялись «верховые старцы», чьи рассказы царь любил слушать. Юродивого Василия Босого он называл своим братом. Как и его отец, Алексей Михайлович ежегодно в Великую Пятницу посещал ночью все тюрьмы, разговаривал с колодниками, выкупал некоторых, посаженных за долги, и прощал отдельных преступников [Сорокин Ю. А. Алексей Михайлович // Вопросы историк. 1992. № 4-5].

Государь обо всём судил с точки зрения христианской морали, главное для него было — не погубить душу. В 1652 г. Алексей Михайлович укорял казначея Саввинского монастыря в непотребном поведении, пьянстве и бесчинствах. Царское послание начиналось следующей фразой: *«От Царя и Великого Князя Алексея Михайловича всея Руси врагу Божьему и богоненавистцу и хриstopродавцу и разорителю чудотворцева дому и единомышленнику сатанину, врагу проклятому, ненадобному шпыню и злomu пронырливому злодею казначею Миките»* [Там же]. Самый суровый упрёк, который Алексей Михайлович адресует «Миките», — невозможность спасения души.

Знарок церковной литературы, Государь проявлял интерес к византийской обрядности. Он даже просил патриарха антиохийского Макария молиться, чтоб ему «уразуметь эллинский язык» [Там же].

Алексей Михайлович был уверен, что не изменял Православию, когда вводил при дворе новшества, приятные и полезные. Кремлевский дворец украшался мебелью и обоями в польском вкусе. Из-за границы привозили даже газеты. Дети царя учились латыни и польскому языку. Царица Мария Ильинична выезжала с мужем на охоту [Там же]. Тем не менее Алексей Михайлович не терпел, чтобы его подданные носили «немецкое» платье и брили бороды. К концу своих дней Государь запретил курение табака и велел вынести из церкви органы.

Царь Алексей Михайлович возродил после Смуты пошатнувшуюся самодержавную власть. Интересно, что его политическим идеалом была монархия Иоанна Грозного. Алексей Михайлович преследовал те же цели, что и Грозный, но средства достижения выбрал иные. Он готов был даже добровольно делиться властью с Боярской думой, при условии признания его

самодержавных прав. Такое поведение тем более поражало иностранцев, что в Европе в это время властвовал абсолютистский век «короля-солнца» Людовика XIV [Сорокин Ю. А. Алексей Михайлович II Вопросы истории. 1992. № 4-5].

Мы видим, как при благочестивых царях Михаиле Феодоровиче и Алексее Михайловиче в Россию проникали западные новшества, увлечения, заблуждения. В целом такое явление было неизбежным, отгородиться от проникновения чужого влияния, особенно если оно идёт через быт, человеческие контакты, практически невозможно. Проблема была в другом — не допустить, чтобы это влияние стало всеохватывающим, вытесняющим отечественные идеалы и традиции. Приходящее с Запада и Востока нужно было оценивать с точки зрения не враждебности идейной составляющей государства, а возможности приспособления к ней. Здесь решающую роль играла позиция царя как верховного защитника идеалов Святой Руси. Даже если часть знати некритически воспринимала западное влияние, Государь оставался главным бастионом на пути его проникновения в русское общество, в русский народ.

Да, ещё при Михаиле Феодоровиче в русской армии появляются полки «иноземного строя», которыми командуют иностранцы-генералы (воинское звание, не существовавшее тогда в России). Да, гусары, мушкетёры, драгуны — все эти воинские подразделения появляются задолго до Петра Великого. Земельные вотчины отобрал у монастырей не Пётр, а его отец — Алексей Михайлович. Да, к моменту воцарения Петра I Святая Русь перестала быть жизненным идеалом для немалой части русской элиты, которая потянулась к Западу, к его «вольной» жизни, позволявшей всё, что запрещалось на Руси.

Однако именно Пётр I стал не только выразителем этой тенденции в русской элите, но и своеобразным её локомотивом. Отношение к Петру, как справедливо заметил А. Боханов, — давний разделительный мировоззренческий ориентир. «По сути дела, здесь — исходный фокус всех идеологических противостояний XIX—XX веков. Восторги и безусловное одобрение дел Петровых — верный признак европоцентричного, западнического, дерусифицированного сознания... За насильственную "европеизацию" его неизменно горячо и превозносили российские западники...» [Боханов А. Н. Царь Алексей Михайлович. М.: Вече, 2012. С. 309]

Первому императору Всероссийскому были свойственны и выдающиеся разносторонние таланты, и живой ум, и отрицательные черты: жестокость, доходящая до беспощадности, беспредельная самоуверенность, склонность к кутежам, к аморальным поступкам, презрительное, граничащее с ненавистью, отношение к русским национальным традициям. Здесь не могу вновь не процитировать А. Н. Боханова: «Давно известно: самый страшный ущерб достоинству Церкви всегда наносили не атеисты-богохульники, даже самые воинственные, а — недостойные пастыри. В случае с неблагочестивым Царем этот урон неизмеримо весомее, особенно учитывая тот факт, что Русь, невзирая на все несовершенства и отступления, в целом являла образец Государства-Церкви. Петр I решительно и безоглядно постарался разорвать эту органическую историческую связь. Русь становилась светской Империей, в которой Православие сделалось лишь главной конфессией. Теперь не Церковь пребывала в Империи и не Империя была в Церкви; отныне, по протестантскому образцу, Церковь становилась как бы ведомством, обязанным обслуживать "государственный интерес"». [Там же. С. 314]

Несмотря на своё откровенное западничество, Пётр не был, конечно, богоборцем, как его некоторые пытались представить, и уж совершенно абсурден тезис о Петре как о «Робеспьере на коне» или «первом большевике». Пётр Великий во многом оставался христианским государем со всеми издержками своих взглядов и увлечений. Ярко и образно раскрывается душа императора в его приказе перед Полтавской баталией: *«Воины! Пришёл час решить судьбу Отечества. Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру Богом врученное, за род свой, за Отечество, за нашу Православную веру и Церковь... Имейте в*

сражении перед очами Правду и Бога, поборающего за вас. На Того единого уповайте, а о Петре ведайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россия в славе и благоденствии» [Булгарин Ф. В. Сочинения. — М.: Современник, 1990. С. 112]. Примечательно, что знаменитый приказ царя Петра всегда приводился в советское время с купюрами: изымалось всё, что касалось Бога, Православия и Церкви.

Когда В. Н. Татищев, заразившись за границей крайним вольнодумством, кощунственно отозвался о Священном Писании, Пётр, давая волю своей несдержанной натуре, избил его, приговаривая: *«Да ты, бездельник, не с должным уважением касался до Священного Писания, чем ты успел соблазнить многих, бывших с тобою в компании. Я тебя научу, как должно почитать оное и не разрывать цепи, все в устройстве содержащей»*. Ударив его ещё раз дубинкой, прибавил: *«Не соблазняй верующих честных душ, не заводи вольнодумства, не на тот конец старался я тебя выучить, чтобы ты стал врагом общества и Церкви»* [Гальберг Н. История Русской Церкви. — Джорданвилль, 1959. Т. 2. С. 529 - 530].

В отечественной историографии не принято упоминать о том, что Санкт-Петербург был основан императором Петром по совету святителя Митрофана Воронежского. Пётр говорил после кончины владыки: *«Александр Македонский основал свою новую столицу Александрию в дельте Нила. А я свою новую столицу водружу в дельте Невы! И будет она памятью пожеланию Митрофания Святого старца»* [Энциклопедический словарь. Издание Брокгауза и Эфрона. Т. XXII].

Наконец, Пётр скончался как христианин, исповедовавшись и причастившись. Когда увещевающий императора священник стал говорить ему о беспредельном Божием милосердии, Пётр повторил несколько раз: *«Верую, Господи, и исповедую; верую, Господи; помози моему неверию»* [Пушкин А. С. История Петра I. — М.: Языки славянских культур, 2011. С. 356].

Всё вышесказанное не отрицает того вреда, который Пётр нанёс духовному укладу России, устоям Православной Церкви. Упразднение патриаршества, учреждение Святейшего Синода и прекращение созыва Поместных Соборов было прямым нарушением 34-го Апостольского правила, согласно которому *«епископам всякого народа подобает знати первого в них, и признавати его яко главу, и ничего превышающего их власть не творити без его рассуждения... Но и первый ничего да не творит без рассуждения всех»*.

Насильственное насаждение Петром «европейской цивилизации», прежде всего в среде русских дворян, вылилось в презрение со стороны последних к русскому народу, да и во многом к духовенству. Петровское время, по словам К. С. Аксакова, разделило русское общество на народ и публику: *«Публика — явление чисто западное и была заведена у нас вместе с разными нововведениями. Она образовалась очень просто: часть народа отказалась от русской жизни и одежды и составила публику, которая и всплыла над поверхностью. Она-то, публика, и составляет нашу постоянную связь с Западом; выписывает оттуда всякие, и материальные, и духовные, наряды, преклоняется перед ним, как перед учителем, занимает у него мысли и чувства, платя за то огромной ценой: временем, связью с народом и самую истинною мысли. Публика является над народом, как будто его привилегированное выражение, в самом же деле публика есть искажение идеи народа. Разница между публикой и народом у нас очевидна. Публика подражает и не имеет самостоятельности: все, что она принимает чужое, принимает она наружно, становясь всякий раз сама чужою. Народ не подражает и совершенно самостоятелен; а если что примет чужое, то сделает его своим, усвоит. У публики свое превращается в чужое. У народа чужое обращается в своё. Часто, когда публика едет на бал, народ идёт ко всеобщей; когда публика танцует, народ молится»* [Аксаков К. С. Публика и народ // Роман-газета XXI век. 1999. № 7. С. 70].

Именно эта публика стала прообразом русской космополитической интеллигенции, главной

среды, в которой были возвращены бактерии революции.

Очень интересно мнение о Петре Великом последнего Государя Николая II. По воспоминаниям генерала А. А. Мосолова, глубокого почитателя Петра, Николай II сказал: *«Конечно, я признаю много заслуг за моим знаменитым предком, но сознаюсь, что был бы неискренен, ежели бы вторил вашим восторгам. Это предок которого менее других люблю за его увлечение западною культурою и попиране всех чисто русских обычаев. Нельзя насаждать чужое сразу, без переработки. Выть может, это время, как переходный период, и было необходимо, но мне оно несимпатично»* [Мосолов А., генерал. При дворе Императора. — Рига: Филин, б/г. С 15 -16].

Будучи человеком импульсивным и обладая неукротимой энергией, император Петр I для достижения своих целей настолько напряг все силы русского народа, что во многом подорвал их. Выражение Пушкина — *«Россию поднял на дыбы»* — очень точно отображает суп произошедшего *«Вся преобразовательная его деятельность, — отмечал В. О. Ключевский, — направлялась мыслью о необходимости и могуществе властного принуждения: он надеялся только силой навязать народу недостающие ему блага и, следовательно, верил в возможность своротить народную жизнь с её исторического русла и вогнать в новые берега. Поэтому, радея о народе, он до крайности напрягал его труд, тратил людские средства и жизни безрасчётно, без всякой бережливости»* [Ключевский В. О. Указ. соч. С. 89].

Пётр был порождением глубокого духовного кризиса и раздвоенности русского общества. Но с другой стороны, на Петра воздействовала духовная сакральная сила России, которой в час смертельной опасности западного нашествия был необходим великий военный и государственный муж, коим на тот момент он стал. По планам Карла XII, Россию и Церковь ждала страшная судьба: раздел на несколько зависимых от Швеции княжеств, польский королевич на московском престоле. Господствующей религией по примеру Украины стала бы уния с католиками. Поэтому победа Петра Великого и русской армии под Полтавой стала не только торжеством государственным, но и Торжеством Православия. Не случайно Святая Церковь до сего дня содержит в своих богослужебных книгах *«Службу благодарственную Богу, в Троице Святой славимому, о великой Богом дарованной победе над шведским королем Каролом XII и воинством его, содеянной под Полтавою, в лето от воплощения Господня 1709-е, месяца июня, в 27-й день»* [Новиков Андрей, протоиерей. Почему не может быть снята анафема с Ивана Мазепы // <http://www.pravoslavie.ru/guest/5185.htm>].

Именно при Петре Великом 22 октября (2 ноября по новому стилю) Россия официально стала Империей в своем «классическом» виде, когда Петр I окончательно ввёл служилый принцип в ущерб родовому. Юридически было закреплено то, что фактически существовало уже со времени Иоанна Грозного.

Обратим внимание, как определил драму Петра архимандрит Константин (Зайцев): *«Сложным явлением был Пётр, но только предвзятость или незнание способны отрицать то, что был Пётр человеком церковно-православным. Не позой было, когда ставил он кресты на местах спасения от опасностей; когда пользовался возможностью, чтобы читать и петь на клиросе, что знал в совершенстве; когда учил Татищева дубинкой, выбивая из него вольномыслие; когда молитвенно склонялся перед прахом св. Митрофана Воронежского, при жизни его обличавшего; когда благоговейно приобщался Святых Тайн, готовясь к кончине... Но, с другой стороны, тщетной была бы попытка согласовать с церковным Православием поведение Петра. Есть двойственность в Петре, которая не поддается приведению к единству. Как ни дисциплинировано было западничество Петра пафосом патриотического служения, все же бунтом было оно против древнемосковского Православия.*

То была драма — не только личная, Петра: общенациональная. Европеизация с

неотвратимостью рока легла на Россию. Не внешний облик меняла она русской жизни. Она колебала основы внутреннего мира, упраздняя сплошную целостность церковного сознания, которую, как благодатное свойство русского народа, в его позднем, но, одновременно, всеобщем принятии христианства впервые распознал, перед лицом соблазна европейских ересей, св. Иосиф Волоцкий. Петровская Реформа ни от кого не требовала неверности Православию но она отменяла всецелую и всеобщую связанность русских людей церковным сознанием» [Константин (Зайцев), архим. Чудо русской истории. С. 242].

Эта двойственность присуща всему имперскому (петербургскому) периоду русской истории. Знакомство русской знати с заграницей, куда её отправлял на учение Пётр I, привило многим её представителям, с одной стороны, необходимые и нужные знания в области различных наук и ремесел, а с другой, уничижительное отношение ко всему родному, русскому. С одной стороны, русское дворянство, русские интеллектуалы стремились служить России, с другой — многие из них презирали эту самую Россию и пример для подражания видели в Западе.

Тонко подметил это А. С. Хомяков:

Обуяв в чаду гордыни,
Хмельные мудростью земной,
Мы отреклись от всей святыни,
От сердца стороны родной

Негативные явления, получившие распространение в светском обществе, не обошли стороной и духовенство. Поэтому можно говорить о развитии духовного кризиса русского общества, который, начавшись в XVII столетии, достиг своего апогея к началу XX в.

Об этом прямо свидетельствовал святитель Игнатий Брянчанинов: *«Какое время! Чиновничество уничтожило в Церкви существенное значение иерархии, уничтожена связь между пастырями и паствою, а миролюбие, ненасытное стремление к суетным почестям, к накоплению капиталов уничтожило в пастырях христиан, оставило в них лишь презренных ненавистных полицейских»* [Святитель Игнатий (Брянчанинов). Полное собрание творений. — М.: Паломник, 2002. Т. IV].

В начале XX в. то же самое писал и святой праведный Иоанн Кронштадтский: *«Правители-пастыри, что вы сделали из своего стада? Взыщет Господь овец Своих от рук Ваших!.. Он преимущественно надзирает за поведением архиереев и священников, за их деятельностью просветительною, священнодейственною, пастырскою... Нынешний страшный упадок веры и нравов весьма много зависит от холодности к своим паствам многих иерархов и вообще священнического чина»* [Православная Русь. 1991. № 9].

Поэтому в XX в., в период, предшествовавший революции, мы видим, с одной стороны, таких великих столпов Православия, как праведный Иоанн Кронштадтский, а с другой — расстригу и святотатца Илиодора (Труфанова); таких мучеников за веру, как протоиерей Иоанн Восторгов, а с другой — революционера Георгия Гапона; таких ревнителей православного царства, как архиепископ Никон (Рождественский), митрополит Макарий (Невский), митрополит Нестор (Анисимов), с другой — посещавшего заседания масонских лож, сочувствовавшего радикальным идеям митрополита Антония (Вадковского) или откровенного сторонника революции и будущего обновленца епископа Антонина (Грановского).

XVIII в., с его преклонением перед западными обычаями, породил далекий от православной веры слой русского дворянства. При Екатерине II зарождается целое поколение русской знати, воспитанное в своём большинстве в духе восхищения Западом и античностью, равнодушия к России и Православию. Попытки Императора Павла I восстановить единство царя и народа

закончились его злодейским убийством 11 марта 1801 г.

Злодеяние это было во многом переломным событием в духовной жизни страны. Впервые своими подданными представителями дворянства, в своей столице был убит Божий Помазанник. Новый император Александр I, в той или иной степени знавший о заговоре, вступил на окровавленный престол своего отца, вынужденный принять скипетр из рук его ненаказанных убийц. Александр I воспитывался блестящим энциклопедистом, но одновременно республиканцем и масоном бароном Ф.Лагарпом, который открыто называл монархию порочной формой правления.

Такие контакты русской аристократии приводили к тому, что многие её представители формировали своё мировоззрение в самодержавной России под воздействием идей так называемых «просветителей». Можно ли удивляться духу творчества юного Пушкина, с его «Одой Вольности», с его «звездой пленительного счастья», которая взойдет «над обломками самовластья», когда преподавателем в Лицее, где он учился, был брат вождя французской революции Марата?

Конечно, неправильно представлять себе русское общество конца XVIII — начала XIX столетия как сплошь западническое и русофобское. Немало было тех, кто указывал на опасность отступления от корней российской государственности, на угрозу отрыва правящего слоя от народа. Г. Р. Державин, адмирал А. С. Шишков, князь А. А. Шаховской, С. А. Ширинский-Шихматов были и выдающимися ревнителями русской культуры и языка, и верующими православными людьми, убеждёнными противниками вольтерьянства, масонства и либерализма.

В 1811 г., накануне наполеоновского нашествия, по инициативе Шишкова и Державина было создано общество «Беседа любителей русского слова». Речь на этих собраниях шла далеко не только о состоянии русской культуры и словесности. Так, А. С. Шишков на одном из собраний «Беседы» указывал: *«Воспитание должно быть отечественное, а не чужеземное. Учёный чужестранец может преподать нам, когда нужно, некоторые знания свои в науках, но не может вложить в душу нашу огня народной гордости, огня любви к отечеству, точно так же, как я не могу вложить в него чувствований моих к моей матери... Народное воспитание есть весьма важное дело, требующее великой прозорливости и предусмотрения. Оно не действует в настоящее время, но prepares счастье или несчастье предбудущих времен, и призывает на главу нашу или благословение, или клятву потомков»* [Альтшуллер М. Г. Александр Семёнович Шишков // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия / Под ред. А. Ю. Минакова. — Воронеж: ВГУ, 2005. С. 19].

Став в 1824 г. министром народного просвещения, Шишков резко выступал против секуляризации науки, убеждая общество в необходимости придания образованию патриотического характера: *«Науки, изоцряющие ум, не составят без веры и без нравственности благоденствия народного... Сверх того, науки полезны только тогда, когда, как соль, употребляются и преподаются в меру, смотря по состоянию людей и по надобности, какую всякое звание в них имеет. Излишество их, равно как и недостаток, противны истинному просвещению. Обучать грамоте весь народ или несоразмерное числу одного количество людей принесло бы более вреда, чем пользы. Наставлять земледельческого сына в риторике было бы приуготовлять его быть худым и бесполезным или ещё вредным гражданином»* [Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В 86 т. (82 т. и 4 доп.). —СПб., 1890-1907].

Несмотря на все глубокие искажения и отступления, Российская империя продолжала выполнять главное предназначение Святой Руси — удерживать мир от власти зла. Особенно это проявилось во время «Грозы 1812-го года», оказавшей на русское общество огромное влияние. Наполеон со своими «двунадесят языцы» шёл на Россию не просто как очередной завоеватель.

Он нес враждебную Святой Руси идеологию, чуждую России и Православию. Он стремился не просто завоевать Россию, но уничтожить её духовно, воссесть в Кремле как царь [Ratchinski A. Napoleon et Alexandre Ier: la guerre des idees. — Paris: Bernard Giovanangeli editeur, 2002. P. 261].

Война и победа над Наполеоном произвели глубокий морально-нравственный переворот в Александре I. В побеждённую Францию русские войска во главе с императором входили не как мстители, но как освобо-дители. Александр не сжёг Париж, не взорвал Тюильри и не расстреливал французских пленных. На площади Согласия, где в 1792 г. принял мученическую смерть Король Людовик XVI, а при Наполеоне пламенела огромная пятиконечная звезда, состоялся большой благодарственный молебен Российской императорской гвардии. Была Пасхальная неделя. На помост, установленный на месте пламенеющей звезды, поднялся Государь Александр Павлович, окружённый духовенством. По бокам помоста стояли не только русские генералы, офицеры и солдаты, но и французские маршалы. За ними толпились парижане. Раздался возглас: «Христос воскрес!» И над Парижем пронеслось многотысячное и всесокрушающее: «Воистину воскрес!» Вместе с русскими кричали и французы. В этом и заключался смысл великой победы России над наполеоновской империей [Мультатули П. В. «Ледокол» для Наполеона. Лживый миф о превентивной войне 1812г. — М.: Российский институт стратегических исследований, 2012. С. 61].

Победа над Наполеоном укрепила Александра I в уверенности в особом предназначении самодержавной империи. Царь писал княгине С. С. Мещерской: *«Мы заняты здесь важнейшей заботой, но и труднейшей также. Дело идёт об изыскании средств против владычества зла, распространяющегося с быстротою при помощи всех тайных сил, которыми владеет сатанинский дух, управляющий ими. Это средство, которое мы ищем, находится увы, вне наших слабых человеческих сил. Один только Спаситель может доставить это средство Своим Божественным словом. Воззовём же к Нему от всей полноты, от всей глубины наших сердец, да сподобит Он послать Духа Своего Святого на нас и направит нас по удобному Ему пути, который один только может привести нас ко спасению»* [Письмо Императора Александра I княгине Софии Сергеевне Мещерской. 23 октября 1820 г. С предисловием Н. Барсукова // Русский архив. 1886. № 10—12. С. 406. [перевод с фр.]].

Эту удерживающую силу самодержавной России признавал такой её ненавистник как Карл Маркс: *«Ни одна революция в Европе и во всём мире не может достигнуть окончательной победы, пока существует теперешнее русское государство»* [Карл Маркс и революционное движение в России. — М., 1933. С. 15].

Мятеж декабристов стал первым серьёзным выступлением антимонархических и, в определённой степени, прозападных сил в России. В самих личностях руководителей декабристского восстания (П. И. Пестеле, князе С. П. Трубецком, П. Г. Каховском) ярко проявились двойственность сознания русского образованного общества, его оторванность от реальной жизни. В результате люди, многие из которых были храбрыми офицерами, во имя честолюбивых амбиций и сомнительных идеалов стали на путь государственного преступления. В декабризме мы видим зачатки всех последующих революционных движений. Исследовательница декабризма графиня С. Д. Толь, свидетельница революции 1905 г., писала, что *«декабристы были виновниками и первоначинателями всех наших последующих политических смут. Вся, в течение почти столетия, невинно пролитая кровь, начиная с графа Милорадовича и кончая последним, вчера или сегодня убитым, городовым, кровь, пролитая во имя призрачной свободы, — эта кровь лежит ничем не смываемым пятном на памяти декабристов»* [Толь С. Д., графиня. Ночные братья. — М., 2000. С. 32].

Император Николай I первым в России понял значение и необходимость государственной идеологии. Он считал, что без неё духовный кризис общества будет только разрастаться.

Император стремился, чтобы лучшие люди страны были с ним и помогали ему во благо России.

На примере А. С. Пушкина мы видим столь необходимое для России благотворное взаимодействие власти и общества. Величайшее значение Пушкина для русской словесности всем известно, но мало кто знает о великом значении поэта для русской истории. Ведь Николай I фактически назначил Пушкина главным историографом, поручив ему написать историю Государства Российского. Пушкину были открыты все архивы, включая личный архив императора и архив МИД. В музее МИД РФ хранятся расписки Пушкина о неразглашении полученных им в ходе работы сведений. Именно для облегчения исторических исследований поэту присвоили придворные звания, сначала камер-юнкера, а затем и камергера [Дуэль Пушкина с Дантесом-Геккереном. Подлинное военно-судное дело 1837 года. — СПб., 1900. С. 5, 20]. Последнее звание соответствовало по табелю о рангах званию генерал-майора.

Решающее значение в избавлении А. С. Пушкина от заразы чужебесия стала встреча поэта с императором Николаем I 18 сентября 1826 г. в Чудовом монастыре. Пушкин вспоминал: *«Молодость, — это горячка, безумие, напасть. Её побуждения обычно бывают благородны, в нравственном смысле даже возвышенны, но чаще всего ведут к великой глупости, а то и к большой вине. Вы, вероятно, знаете, что я считался либералом, революционером, конспиратором, — словом, одним из самых упорных врагов монархизма, и в особенности самодержавия. Таков я и был в действительности»*. Как и многие русские благородные мечтатели тех лет, юный Пушкин исповедовал *«крайние теории абсолютной свободы, не признающей над собою ничего ни на земле, ни на небе; индивидуализм, не считавшийся с устоями, традициями, обычаями, с семьей, народом и государством; отрицание всякой веры в загробную жизнь души, всяких религиозных обрядов и догматов. Мне казалось, что подчинение закону есть унижение, всякая власть — насилие, каждый монарх — угнетатель, тиран своей страны, и что не только можно, но и похвально покушаться на него словом и делом»*.

Однако встреча Пушкина с Государем Николаем Павловичем перевернула всё мировоззрение поэта, и он записал: *«...сердце заговорило с умом словами Небесного откровения, и послушный спасительному призыву ум вдруг опомнился, успокоился, усмирился; и когда я осмотрелся кругом, когда внимательнее, глубже вникнул в видимое, — я понял, что казавшееся доньне правдой было ложью, чтимое — заблуждением, а цели, которые я себе ставил, грозили преступлением, падением, позором! Я понял, что абсолютная свобода, не ограниченная никаким Божеским законом, никакими общественными устоями, та свобода, о которой мечтают и красноречиво говорят молокососы или сумасшедшие, невозможна, а если бы была возможна, то была бы гибельна как для личности, так и для общества; что без законной власти, блюдущей общую жизнь народа, не было бы ни родины, ни государства, ни его политической мощи, ни исторической славы, ни развития; что в такой стране, как Россия, где разнородность государственных элементов, огромность пространства и темнота народной (да и дворянской!) массы требуют мощного направляющего воздействия, — в такой стране власть должна быть объединяющей, гармонизирующей, воспитывающей и долго еще должна оставаться диктаторской или самодержавной, потому что иначе она не будет чтимой и устрашающей, между тем как у нас до сих пор непеременимое условие существования всякой власти — чтобы перед ней смирялись, чтобы в ней видели всемогущество, полученное от Бога, чтобы в ней слышали глас самого Бога. Конечно, этот абсолютизм, это самодержавное правление одного человека, стоящего выше закона, потому что он сам устанавливает закон, не может быть неизменной нормой, предопределяющей будущее; самодержавию суждено подвергнуться постепенному изменению и некогда поделиться половиною своей власти с народом. Но это наступит еще не скоро, потому что скоро наступить не может и не должно»* [Александр Сергеевич Пушкин. Путь к Православию. — М: Отчий Дом, 1996].

А. С. Пушкин писал, что именно Императору Николаю I «я обязан обращением мыслей на путь более правильный и разумный, которого я искал бы ещё долго и, может быть, тщетно, ибо смотрел на мир не непосредственно, а сквозь кристалл, придающий ложную окраску простейшим истинам, смотрел не как человек, умеющий разбираться в реальных потребностях общества, а как мальчик, студент, поэт, которому кажется хорошо все, что его манит, что ему льстит, что его увлекает!

Помню, что, когда мне объявили приказание Государя явиться к нему, душа моя вдруг омрачилась — не тревогою, нет! Но чем-то похожим на ненависть, злобу, отвращение. Мозг оцетинился эпиграммой, на губах играла насмешка, сердце вздрогнуло от чего-то похожего на голос свыше, который, казалось, призывал меня к роли исторического республиканца Катона, а то и Брута. Я бы никогда не кончил, если бы вздумал в точности передать все оттенки чувств, которые испытал на вынужденном пути в царский дворец, и что же? Они разлетелись, как мыльные пузыри, исчезли в небытие, как сонные видения, когда он мне явился и со мной заговорил. Вместо надменного деспота, кнутодержавного тирана я увидел человека рыцарски-прекрасного, величественно-спокойного, благородного лицом. Вместо грубых и язвительных слов угрозы и обиды я слышал снисходительный упрек, выраженный участливо и благосклонно.

— Как — сказал мне Император, — и ты враг твоего Государя, ты, которого Россия вырастила и покрыла славой, Пушкин, Пушкин, это нехорошо! Так быть не должно.

Я онемел от удивления и волнения, слово замерло на губах. Государь молчал, а мне казалось, что его звучный голос еще звучал у меня в ушах, располагая к доверию, призывая о помощи. Мгновения бежали, а я не отвечал.

— Что же ты не говоришь, ведь я жду, — сказал Государь и взглянул на меня пронзительно.

Отрезвленный этими словами, а еще больше его взглядом, я наконец опомнился, перевел дыхание и сказал спокойно:

— Виноват и жду наказания.

— Я не привык спешить с наказанием, — сурово ответил император, — если могу избежать этой крайности, бываю рад, но я требую сердечного полного подчинения моей воле, я требую от тебя, чтоб ты не принуждал меня быть строгим, чтоб ты помог мне быть снисходительным и милостивым, ты не возразил на упрек во вражде к твоему Государю, скажи же, почему ты враг ему?

— Простите, Ваше Величество, что, не ответив сразу на Ваш вопрос, я дал Вам повод неверно обо мне думать. Я никогда не был врагом моего Государя, но был врагом абсолютной монархии.

Государь усмехнулся на это смелое признание и воскликнул, хлопая меня по плечу:

— Мечтания итальянского карбонарства и немецких тугендбундов! Республиканские химеры всех гимназистов, лицеистов, недоваренных мыслителей из университетской аудитории. С виду они величавы и красивы, в существе своем жалки и вредны! Республика есть утопия, потому что она есть состояние переходное, ненормальное, в конечном счете всегда ведущее к диктатуре, а через нее к абсолютной монархии. Не было в истории такой республики, которая в трудную минуту обошлась бы без самоуправства одного человека и которая избежала бы разгрома и гибели, когда в ней не оказалось дельного руководителя. Силы страны в сосредоточенной власти, ибо, где все правят — никто не правит; где всякий законодатель, — там нет ни твердого закона, ни единства политических целей, ни внутреннего лада. Каково следствие всего этого? Анархия!

Государь умолк, раза два прошёлся по кабинету, вдруг остановился предо мной и спросил:

— Что ж ты на это скажешь, поэт?

— Ваше Величество, — отвечал я, — кроме республиканской формы правления, которой препятствуем огромность России и разнородность населения, существует ещё одна политическая форма — конституционная монархия.

— Она годится для государств, окончательно установившихся, — перебил Государь тоном глубокого убеждения, — а не для таких, которые находятся на пути развития и роста. Россия еще не вышла из периода борьбы за существование, она еще не добилась тех условий, при которых возможно развитие внутренней жизни и культуры. Она еще не достигла своего предназначения, она еще не оперлась на границы, необходимые для ее величия. Она еще не есть вполне установившаяся, монолитная, ибо элементы, из которых она состоит до сих пор, друг с другом не согласованы. Их сближает и спаивает только самодержавие, неограниченная, всемогущая воля монарха. Без этой воли не было бы ни развития, ни спайки и малейшее сотрясение разрушило бы все строение государства. Неужели ты думаешь, что, будучи конституционным монархом, я мог бы сокрушить главу революционной гидры, которую вы сами, сыны России, вскормили на гибель ей? Неужели ты думаешь, что обаяние самодержавной власти, врученное мне Богом, мало содействовало удержанию в повиновении остатков гвардии и обузданию уличной черни, всегда готовой к бесчинству, грабежу и насилию? Она не посмела подняться против меня! Не посмела! Потому что самодержавный царь был для нее представителем Божеского могущества и наместником Бога на земле, потому что она знала, что я понимаю всю великую ответственность своего призвания и что я не человек без закала и воли, которого гнут бура и устрашают грома.

Когда он говорил это, ощущение собственного величия и могущества, казалось, делало его гигантом. Лицо его было строго, глаза сверкали, но это не были признаки гнева, нет, он в эту минуту не гневался, но испытывал свою силу, измерял силу сопротивления, мысленно с ним боролся и побеждал. Он был горд и в то же время доволен. Но вскоре выражение его лица смягчилось, глаза погасли, он снова прошёлся по кабинету, снова остановился передо мною и сказал:

— Ты ещё не все высказал, ты ещё не вполне очистил свою мысль от предрассудков и заблуждений, может быть, у тебя на сердце лежит что-нибудь такое, что его тревожит и мучит? Признайся смело, я хочу тебя выслушать и выслушаю.

— Ваше Величество, — отвечал я с чувством, — Вы сокрушили главу революционной гидры, Вы совершили великое дело, кто станет спорить? Однако... есть и другая гидра, чудовище страшное и губительное, с которым Вы должны бороться, которое должны уничтожить, потому что иначе оно Вас уничтожит!

— Выразайся яснее, — перебил Государь, готовясь ловить каждое мое слово.

— Эта гидра, это чудовище, — продолжал я, — самоуправство административных властей, развращенность чиновничества и подкупность судов. Россия стонет в тисках этой гидры, поборов, насилия и грабежа, которая до сих пор издевается даже над высшей властью. На всём пространстве государства нет такого места, куда бы это чудовище не достигло, нет сословия, которого оно не коснулось бы. Общественная безопасность ничем у нас не обеспечена, справедливость в руках самоуправств! Судьба каждого висит на волоске, ибо судьбою каждого управляет не закон, а фантазия любого чиновника, любого доносчика, любого шпиона. Что ж удивительного, Ваше Величество, если нашлись люди, чтоб свергнуть такое положение вещей? Что ж удивительного, если они, возмущенные зрелищем униженного и страдающего Отечества, подняли знамя сопротивления, разожгли огонь мятежа, чтоб уничтожить то, что есть, и построить то, что должно быть: вместо притеснения — свободу, вместо насилия — безопасность, вместо продажности — нравственность, вместо произвола — покровительство законов стоящих надо всеми и равных для всех! Вы, Ваше

Величество, можете осудить развитие этой мысли, незаконность средств к ее осуществлению, излишнюю дерзость предпринятого, но не можете не признать в ней порыва благородного. Вы могли и имели право покарать виновных, в патриотическом безумии хотевших повалить трон Романовых, но я уверен, что, даже карая их, в глубине души, Вы не отказали им ни в сочувствии, ни в уважении. Я уверен, что если Государь карал, то человек прощал!

— Смелы твои слова, — сказал Государь сурово, но без гнева, — значит, ты одобряешь мятеж, оправдываешь заговорщиков против государства? Покушение на жизнь монарха?

— О нет, Ваше Величество, — вскричал я с волнением, — я оправдываю только цель замысла, а не средства. Ваше Величество умеете проникать в души, соблаговолите проникнуть в мою и Вы убедитесь, что все в ней чисто и ясно. В такой душе злой порыв не гнездится, а преступление не скрывается!

— Хочу верить, что так, и верю, — сказал Государь более мягко, — у тебя нет недостатка ни в благородных побуждениях, ни в чувствах, но тебе недостает рассудительности, опытности, основательности. Видя зло, ты возмущаешься, содрогаешься и легкомысленно обвиняешь власть за то, что она сразу не уничтожила это зло и на его развалинах не поспешила воздвигнуть здание всеобщего блага. Знай, что критика легка и что искусство трудно: для глубокой реформы, которую Россия требует, мало одной воли монарха, как бы он ни был твёрд и силен. Ему нужно содействие людей и времени. Нужно соединение всех высших духовных сил государства в одной великой передовой идее; нужно соединение всех усилий и рвений в одном похвальном стремлении к поднятию самоуправления в народе и чувства чести в обществе. Пусть все благонамеренные, способные люди объединятся вокруг меня,

пусть в меня уверуют, пусть самоотверженно и мирно идут туда, куда я поведу их, и гидра будет побеждена! Гангрена, разъедающая Россию, исчезнет! Ибо только в общих усилиях — победа, в согласии благородных сердец — спасение. Что же до тебя, Пушкин, ты свободен. Я забываю прошлое, даже уже забыл. Не вижу пред собой государственного преступника, вижу лишь человека с сердцем и талантом, вижу певца народной славы, на котором лежит высокое призвание — воспламенять души вечными добродетелями и ради великих подвигов! Теперь... можешь идти! Где бы ты ни поселился, — ибо выбор зависит от тебя, — помни, что я сказал и как с тобой поступил, служи Родине мыслью, словом и пером. Пиши для современников и для потомства, пиши со всей полнотой вдохновения и совершенной свободой, ибо цензором твоим — буду я» [Александр Сергеевич Пушкин. Указ соч].

Лучшие представители «золотого века» русской литературы — Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тютчев — были с царской властью, а не с её врагами.

Пушкинское «Клеветникам России» явилось пощёчиной не только внешним врагам Отечества, но и всем внутренним их почитателям, всему прозападному, либеральствующему, масонскому, русофобскому мышлению.

Иль Русского Царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало ль нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал, до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет Русская Земля?

Через несколько лет М. Ю. Лермонтов продолжил мысль Пушкина:

*Веленьям власти благотворной,
Мы повинуемся покорно,
И верим нашему Царю!
И будем все стоять упорно,
За честь его, как за свою!*

Н. В. Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями» утверждал: «Государство без полномочного Монарха — автомат: много-много, если оно достигнет того, до чего достигнули Соединенные Штаты. А что такое Соединенные Штаты? Мертвечина: человек в них выветрился до того, что и выеденного яйца не стоит!» [Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями. — М.: Патриот, 1993. С. 62-64]

Пройдя через сомнения молодости, через увлечения миражами всеобщей свободы и сумев их преодолеть, лучшие люди понимали всю опасность этих искушений для России. Отсюда пророческое лермонтовское «Предсказание»:

*Настанет год, России черный год,
Когда Царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пищей многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон;*

Ему вторил Ф. И. Тютчев:

*И отповедью — да не грянет
Тот страшный клич, что в старину:
«Везде измена — Царь в плену!», —
И Русь спасти его не встанет.*

Увеличивающийся с каждым годом раскол русского общества породил спор западников и славянофилов. И те, и другие вместо действенных поисков выхода из духовного раскола, вместо поисков точек соприкосновения своими крайностями еще больше этот раскол увеличивали. Трагизм ситуации заключался еще и в том, что и среди западников, и среди славянофилов было немало не просто талантливых, но и блестящих людей, которые могли бы принести много добра своей стране.

Конечно, западничество в своем преклонении перед Европой и уничижительной критике всего русского представляло собой более значительную опасность для русского государства, чем славянофилы. Один из столпов западничества П. Я. Чаадаев считал, что «вся наша история представляет собой лишь последовательную смену варварства, грубого суеверия и невежества и уничительного владычества завоевателей, следы которого неизгладимы и до сих пор. Уединившись в своих пустынях, мы не тронулись с места, тогда как западное христианство величественно шло по пути, начертанному его Божественным Основателем» [Чаадаев П. Я. Философические письма. — М.: Римис, 2011. С. 89]. Чаадаев горячо защищал католицизм и папство как олицетворение единства Европы. Кумиром для него был Пётр Великий, так как он,

по мнению Чаадаева, хотел ввести Россию в общеевропейскую семью.

Другой западник, В. Г. Белинский, называл русскую Православную Церковь *«опорой кнута и угодницей деспотизма»*. *«Что вы нашли общего между Христом и какой-нибудь, а тем более православной церковью?»* — вопрошал он Гоголя. И продолжал: *«Поп на Руси для всех русских представитель обжорства, скупости, низкопоклонничества, бесстыдства»* [Белинский В. Г. Избранные сочинения. — М., 1947. С. 615].

Русская литература 60-х годов в лице Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова, И. С. Тургенева с тревогой предупреждала о наступлении страшного антирусского явления — нигилизма. Об этом же с духовной прозорливостью говорили и церковные писатели, богословы, проповедники XIX столетия: святой преподобный Феофан Затворник Вышенский, святой митрополит Московский Филарет (Дроздов), великие Оптинские старцы, святитель Игнатий (Брянчанинов), а затем и праведный Иоанн Кронштадтский.

Преподобный Феофан Затворник писал об истоках той духовной опасности, которая грозила России: *«У нас материалистические воззрения все более и более приобретают вес и обобщаются. Силы еще не взяли, а берут. Неверие и безнравственность тоже расширяются. Требование свободы и самоуправления — выражается свободно. Выходит, что и мы на пути к революции»* [Феофан Затворник, святитель. Письма к разным лицам о разных предметах веры и жизни. — М.: Издательство Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1995. С. 25].

Яркий представитель российских радикалов М. А. Бакунин совместно со своим поклонником С. Г. Нечаевым составил так называемый *«Катехизис революционера»* который стал руководством к действию для сотен нигилистов. *«В революции, — говорилось в «Катехизисе», — нам придётся разбудить дьявола, чтобы возбудить самые низкие страсти. Революционер — человек обреченный... Все нежные чувства родства, любви, дружбы, благодарности и даже самой чести должны быть задавлены в революционере. Он не революционер, если ему чего-либо жалко в этом мире. Он знает только одну науку, — науку разрушения»* [Лурье Ф. М. Созидатель разрушения. Петро-Риф, 1994. С. 106].

В своей работе *«Принципы революции»* Бакунин продолжал: *«Не признавая другой какой-либо деятельности, кроме дела истребления, мы соглашаемся, что форма, в которой должна проявляться эта деятельность, — яд, кинжал, петля и тому подобное. Революция благословляет все в равной мере»* [Истоки зла. (Тайна коммунизма). — М.: 2000. С. 15]. Бакунина, чьё выступление Достоевский слышал в Женеве, писатель охарактеризовал так: *«Старый, гнилой мешок бредней. Ему легко детей хоть в нужнике топить»*.

А Ленин восхищался Бакуниным и убийцей Нечаевым и их методами. По его словам, Нечаев *«обладал особым талантом организатора»* и облекал *«свои мысли в потрясающие формулировки»*. Такой *«блестящей»* нечаевской формулировкой, по Ленину, был ответ на вопрос, кого из Царского Дома надо уничтожить. Ильич с восторгом отмечал ответ Нечаева: *«Всю Великую Ектинию»*. *«Ведь это сформулировано так просто и ясно, что понятно для каждого человека, жившего в то время в России, — продолжал восхищаться вождь мирового пролетариата, — когда православие господствовало, когда огромное большинство, так или иначе, по тем или иным причинам, бывало в церкви, и все знали, что на Великой Ектинии вспоминается весь царский дом, все члены дома Романовых. Кого же уничтожить из них? — спросит самый простой читатель. — Да весь Дом Романовых — должен он был дать себе ответ. Ведь это просто до гениальности!»* [Бонч-Бруевич В. Д. В. И. Ленин о художественной литературе. — М., 1934. С. 18].

«Нигилизм» привёл к ещё большему углублению раскола русского общества. В непримиримой идеологии нигилизма мы уже чётко видим черты *«воинственного безбожия»*. В православной России появляются организации *«Ад»* нигилиста Н. А. Ишутина, *«Народная*

расправа»; С. Г. Нечаева, «Чёрный передел», общество (Н. В. Чайковского, наконец, «Земля и Воля». К. Н. Леонтьев указывал, что в революционном кружке Петрашевского «задуман был безбожный и кровавый переворот. После неудачи глупого заговора этого, когда по милости императора Николая заговорщики были не казнены, а только все сосланы в Сибирь, — рассказывали, будто бы эти молодые люди ненавидели не только Царскую власть и сословный строй в России, но и религию до того, что приобрели Плащаницу и рубили ее на куски; а про Петрашевского говорили знавшие его лично люди, что он нарочно часто проходил мимо тех лавок, где на столиках стояли выставленные для продажи иконы, и нарочно же задевал их длинным воротником шинели, чтобы они падали на землю» [Россия перед вторым пришествием / Составители Сергей и Тамара Фомины. — М.: Общество святителя Василия Великого, 2003. Т. 1 -2. Т. 2. С. 110].

«Как подобало такой цели, — пишет британский историк Дж. Хоскинг, — движение носило характер воинственной религии. Берви-Флеровский, социолог, работы которого пользовались популярностью среди радикалов, пришёл к пониманию, что "успеха можно ожидать, только когда охвативший молодежь взрыв энтузиазма будет превращен в постоянное и неискоренимое чувство". Непрерывно думая об этом, я пришёл к убеждению, что успех можно будет завоевать только одним путем — созданием новой религии» [Хоскинг Дж. Россия: народ и империя. — Смоленск: Русич, 2000. С. 363].

Охота террористов на Царя-Освободителя Александр» II и его злодейское убийство 1 марта 1881 г. уже не вызвали потрясения в российской интеллигенции. Цареубийц «старались понять», им находили оправдание. Такое же «понимание» вызовут в среде интеллигенции эсеры и даже поначалу большевики. Эта позиция интеллектуального слоя России привела к тому, что на историческую арену страны в последней трети XIX века вышел новый тип человека — революционер-террорист. Эти люди начисто вытравили из себя христианскую мораль, преодолели в себе любовь, сострадание, милосердие, подчинили жизнь одному — убийству во имя революции.

Ф. М. Достоевский напрямую увязывал появление таких «бесов» в жизни России с прозападной и антихристианской ориентацией российской интеллигенции. «Это явление, — писал он, — прямое последствие вековой оторванности всего просвещённого русского общества от родных и самобытных начал русской жизни. Даже самые талантливые представители нашего псевдоевропейского развития давным-давно пришли к убеждению о совершенной преступности для нас, русских, мечтать о своей самобытности. Наши Белинские и Грановские не поверили бы, если б им сказали, что они прямые отцы Нечаева» [Александр III. Воспоминания. Дневники. Письма. — СПб.: Издательство Пушкинского фонда, 2001. С. 79].

Достоевскому вторил другой выдающийся русский мыслитель, К. Н. Леонтьев: «Интеллигенция русская, — утверждал он в конце XIX столетия, — стала слишком либеральна, т.е. пуста, отрицательна, беспринципна» [Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. Т. 6. Кн. 2. — М., 2004. С. 44]. Атеизм интеллигенции привёл её к оторванности от реальной жизни, к незнанию реальной России, к ложному ощущению себя как единственной части общества, знающей, что «нужно народу», а отсюда к стремлению к насильственному перевороту.

Александр III предпринял решительную попытку придать своей политике национальный русский характер. Он всем своим сердцем любил Россию. Эта любовь заключалась не только в приверженности царя русской одежде, русском языку, русским обычаям и принадлежностью к православной вере. Император глубоко знал русскую историю. В. О. Ключевский писал: «Государь умел находить досуг для скромной учёной работы, особенно по изучению отечественной истории и древностей, и был глубоким знатоком в некоторых отделах русской археологии, например в иконографии. Его державная рука щедрой помощью поддерживала и

поощряла труды по изучению и восстановлению памятников отечественной старины. Многим ли, например, известна великодушная и просвещённая помощь, оказанная им при реставрации дворца царевича Димитрия в Угличе?» [Ключевский В. О. Памяти в Бозе почившего Государя Императора Александра III. Речь, произнесённая в заседании Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете 28 октября 1894 г. — М.: Университетская типография, 1894].

Любовь к России, всестороннее знание отечественной истории и богатый опыт политика делали из Царя-Миротворца стойкого защитника, прежде всего интересов России, а не интересов Европы. Император Александр III принял Россию в годы смуты, а оставил мирным и богатеющим государством. Царь умер в расцвете лет, не осуществив большинства своих грандиозных замыслов. Россия была потрясена его смертью.

«Прошло 13 лет царствования Императора Александра III, — писал В. О. Ключевский, — и чем торопливее рука смерти спешила закрыть его глаза, тем шире и изумлённее раскрывались глаза Европы на мировое значение этого недолгого царствования. Европа признала, что Царь Русского Народа был и Государем международного мира, и этим признанием подтвердила историческое призвание России, ибо в России, по её политической организации, в воле Царя выражается мысль Его народа, и воля народа становится мыслью его Царя. Европа признала, что страна, которую она считала угрозой своей цивилизации, стояла и стоит на её страже, понимает, ценит и оберегает союзы не хуже её творцов» [Ключевский В. О. Памяти в Позе почившего Государя Императора Александра III. С. 5-6]. Русский народ глубоко скорбел по почившему Государю. Генерал от инфантерии Н. А. Епанчин вспоминал: *«Все, кому нужна была Россия сильная, были огорчены и понимали, какую потерю они понесли в лице Императора Александра III»* [Епанчин Н. А., генерал. На службе трёх императоров. Воспоминания. — М.: Журнал «Наше наследие» при участии ГФ «Полиграфресурсы», 1996].

Однако непродолжительное царствование Александра III не смогло преодолеть роковые процессы в русском обществе, не смогло оздоровить его, вернуть ценности Святой Руси в качестве единой национальной идеологии.

В нём проросли побегии иной морали, которая была враждебна православию и традиционной государственности. В России налицо был глобальный раскол, который привёл к национальной катастрофе. И. А. Ильин отмечал: *«Сущность катастрофы гораздо глубже политики и экономики: она духовна. Это есть кризис русской религиозности. Кризис русского правосознания. Кризис русской военной верности и стойкости. Кризис русской чести и совести. Кризис русского национального характера. Кризис русской семьи. Великий и глубокий кризис всей русской культуры»* [Ильин И. А. Указ. соч. С. 8].

В этом контексте примечательно преображение Ф. М. Достоевского. Увлекаясь в юности социалистическими идеями, даже посещая революционный кружок петрашевцев, он, пройдя через каторгу, понял, что иго Христово и есть высшая и истинная свобода и что никакая человеческая свобода, никакая свобода политическая, достигнутая мятежным революционным путем, не является истинной свободой, а лишь формой тяжкого духовного, а затем и социального закабаления. В России только монарх, помазанник Божий, который выше даже человеческого закона, есть высшая форма политической свободы — вот вывод Ф. М. Достоевского. *«Здесь я за границей, — писал писатель во время путешествия по Европе, — окончательно стал для России — совершенным монархистом»* [Достоевский Ф. М. Указ. соч. Т. 28. С. 281]. Отсюда великий писатель приходил к убеждению: *«Человек настолько русский, насколько он православный. И настолько православный, насколько монархист»* [Энциклопедия русской цивилизации. Том «Русское мировоззрение». — М., 2003. С. 225-226].

Если в последней четверти XIX века значительная часть русского образованного слоя всё

больше втягивалась во враждебной монархии лагерь, то в стане ее друзей появляется ряд светских мыслителей, которые, стоя на православной основе, формируют философско-исторический вывод о благотворной роли самодержавия в судьбах России. **Более того, происходит первая попытка светской мысли осмыслить историю с христианской позиции.** Наиболее выдающимися являлись И. С. Аксаков, К. Н. Леонтьев, К. П. Победоносцев Л. А. Тихомиров, С. А. Нилус. Аксаков предупреждал: *«Окончательный удел христианского, отрешившегося от Христа, общества есть бунт или революция»* [Возрождение России. С. 22]. Обобщающим выводом русской православной монархической мысли могут служить слова Н. А. Дурново: *«Единственный всеобъемлющий принцип спасения и личности и государства — это домостроительство по Христу и Его вековечным истинам»* [Там же. С. 22].

В конце XIX века наряду с индивидуальным террором появляются организованные группы революционеров, вдохновленные новым модным учением — марксизмом. Марксизм представлял собой попытку создания новой религии. Эту сущность деятельности Маркса не скрывали его поклонники и учителя: *«Доктор Маркс, — писал один из них, Моисей Гесс, — нанесёт окончательный удар средневековой религии и философии. Маркс непременно прогонит Бога с Небес»* [Александр III. С. 17]. Эта цель и лежала в основе духовной сути марксизма. Марксизм довольно быстро прижился на российской интеллигентской почве, сдобренной атеизмом и западничеством. Постепенно он стал самым мощным рычагом для разрушения Российской империи.

Анализ духовного состояния русского общества к моменту вступления на престол Императора Николая II убедительно свидетельствует, что в нем наблюдалось сильнейшее идейное противостояние. Русское общество больше не было едино в своем понимании добра и зла, блага и вреда. Оно было заражено опасной болезнью «чужебесия» — это когда человек, народ так «заражается» чужой культурой, традициями, порядком, что навязывает их несогласным, в том числе силой, забывая о своём родном. Более того, такой больной человек начинает ненавидеть свою культуру, свой народ, свою страну. «Манифестом» чужебесия можно считать строки В. Печорина:

*Как сладостно Отчизну ненавидеть
И жадно ждать её уничтоженья.
И в разрушении Отчизны видеть
Всемирную десницу возрожденья.*

С конца XVIII века и вплоть до 1917 г. болезнь чужебесия охватила все российское общество, прежде всего его образованную часть. Аристократия, дворянство, служилый слой, разночинцы в своём большинстве с вожделием смотрели на Европу, видя в ней образец для подражания в культурном, политическом и экономическом плане. Некоторые в своей критике шли до конца, отрицая Россию как таковую и выдвигая бредовую идею всемирного социалистического отечества.

К началу царствования императора Николая II общество горело желанием перемен и мало задумывалось об их последствиях. Власть же ошибочно считала, что опасность исходит только от революционеров-одиночек, явно недооценивая значение вероотступничества целых слоев «образованцев».

Осознание масштабов бедствия в полной мере пришло только во время революции 1905—1907 гг., когда террористами и революционными боевиками было убито 16 тыс. 634 человека, в том числе свыше 7 тыс. государственных чиновников высокого и среднего уровня. От рук эсеровских боевиков погибли верные царю люди: Великий князь Сергей Александрович,

градоначальник Петербурга В. Ф. фон дер Лауниц, московский градоначальник граф П. П. Шувалов, министр внутренних дел В. К. фон Плеве, губернатор Уфы Н. М. Богданович, военный министр генерал-адъютант В. В. Сахаров, командир Лейб-гвардии Семёновского полка генерал-майор Г. А. Мин, вице-адмирал Г. П. Чухнин и другие.

В первом десятилетии XX века отречение большей части образованного общества от русской духовности, традиций достигло таких масштабов, что можно смело говорить об отречении от исторической государственности. В таких условиях русский Царь как Помазанник Божий становился непонятым и ненужным. И это в ситуации, когда в царствование Императора Николая II Россия достигла невиданного материального расцвета. К 1914 г. население Российской империи возросло со 129 млн (по переписи 1897 г.) до 178 млн человек, то есть прирост составил 53 млн человек. Предвоенное пятилетие — время наивысшего, последнего взлета дореволюционной России, затронувшего все важнейшие стороны жизни страны.

Накануне Первой мировой войны в России имелось 255 металлургических заводов, 568 предприятий угольной промышленности, 170 нефтедобывающих и 54 нефтеперерабатывающих предприятий, 1800 крупных и мелких металлообрабатывающих предприятий. Общая мощность электростанций в 1913 г. составляла 1098 тыс. кВт [Россия накануне Первой мировой войны: Статистико-локументальный справочник. — М.: Самоката, 2008].

В целом по уровню промышленного производства Россия занимала четвертое место в Европе, пятое в мире, уступая по важнейшим показателям лишь таким странам, как США, Германия, Великобритания, Франция. В 1913 г. по объему производства Россия почти сравнялась с Англией, значительно превзошла Францию, в два раза обогнала Австро-Венгрию и достигла 80 процентов объема производства в Германии.

Невиданный расцвет переживало русское земледелие. В течение двух десятилетий, предшествовавших войне, сбор зерна удвоился. В 1913 г. в России урожай главных злаков был на треть выше, чем в Аргентине, Канаде и США вместе взятых [Бразоль Б. Л. Царствование Императора Николая II в цифрах и фактах. — Нью-Йорк: Исполнительное бюро Общероссийского монархического фронта, 1959]. В царствование императора Николая II Россия была главной кормилицей Западной Европы. При этом обращает на себя особое внимание феноменальный рост вывоза сельскохозяйственных продуктов в Англию [Бразоль Б. Л. Указ. соч. С. 18]. Русский лес импортировали Германия, Франция, Испания, Италия, Англия, Балканские и другие европейские государства. Такие страны, как Англия, Бельгия, Голландия, издавна использовали вывозимый из нашей страны лес в судостроении. Из России они получали также пиломатериалы и рудничную древесину. Ежегодно Россия экспортировала свыше 1110 тыс. пудов лесоматериалов на сумму около 200 тыс. рублей. Ближайшими её конкурентами до начала XX в. на мировом лесном рынке выступали США и Канада. Но к началу второго десятилетия Российская империя в вывозе леса уже не имела соперников.

Как верно писал по этому поводу В. В. Кожин, *«Россия отставала всего только от трёх специфических стран "протестантского капитализма", где непрерывный промышленный рост являл собой как бы важнейшую добродетель и цель существования, — Великобритании, Германии и США»* [Кожин В. В. История России. Век XX (Загадочные страницы истории). — М.: Алгоритм, 1999. Т. 1 -2. Т. 1. С. 27].

Бюджет России составлял 3,5 млрд. золотых рублей. Императорская Россия строила свою политику не только на бездефицитных бюджетах, но и на принципе значительного накопления золотого запаса. Несмотря на это, государственные доходы без увеличения налогового бремени неуклонно росли. Бремя прямых налогов в России было почти в четыре раза меньше, чем во Франции и в Германии, и в 8,5 раз меньше, чем в Англии. Бремя же косвенных налогов было в среднем вдвое меньше, чем в Австрии, Франции, Германии и Англии.

Гимназии имелись во всех уездных городах, чем не могли похвастаться многие европейские страны. В отношении же среднего и высшего образования женщин Россия шла впереди Западной Европы: в 1914 г. действовали 965 женских гимназий и Высшие женские курсы (фактически университеты) во всех крупных городах.

Перед Первой мировой войны в Российской империи было более ста вузов со 150 тыс. студентов (во Франции тогда же — около 40 тыс. студентов). Многие российские вузы создавались соответствующими министерствами или ведомствами (военным, промышленно-торговым, духовным и т. п.). Обучение было недорогим; например, на престижных юридических факультетах в России оно стоило в 20 раз меньше, чем в США или Англии, а неимущие студенты освобождались от оплаты и получали стипендии.

Темпы экономического и культурного развития страны, структурные изменения в народном хозяйстве были столь впечатляющими, что председатель синдикальной палаты парижских биржевых маклеров М. Вернайль, приезжавший летом 1913 г. в Петербург, предсказывал неизбежный в течение ближайших 30 лет стремительный подъём российской промышленности, который можно будет сравнивать только с колоссальными сдвигами в экономике США в последней трети XIX в. [Российская академия наук. Россия, 1913 год: Статистико-документальный справочник. — СПб., 1995. С. 12] Ему вторил французский экономический обозреватель Э. Тэри, который писал в 1913 г.: *«Если у большинства европейских народов дела пойдут таким же образом между 1912 и 1950 гг., как они шли между 1900 и 1912 гг., то к середине настоящего столетия Россия будет доминировать в Европе как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношении»* [Россия, 1913 год. С. 12].

В «Докладной записке Совета Съездов представителей промышленности и торговли о мерах к развитию производительных сил России и улучшению торгового баланса», представленной правительству 12 июля 1914 г., отмечалось: *«Страна переживает в настоящее время переходное состояние. В сельском хозяйстве, в самой системе землепользования начался громадный переворот, результаты которого пока еще только намечаются, но не поддаются учёту. Города растут у нас с поистине американской быстротой. Целый ряд железнодорожных станций, фабричных и заводских поселков, особенно на юге, обратился в крупные центры городской — по всему своему складу и запросам — культуры. Естественный в известные периоды экономического развития процесс концентрации населения, в силу происходящих сейчас коренных изменений в жизни сельскохозяйственного населения России, пойдёт, несомненно, с возрастающей быстротой, и лет через 20—30 мы увидим, быть может, картину самых крупных в этой области перемен. Но рост городов есть в то же время рост совершенно новых потребностей, для удовлетворения которых должны будут возникнуть целые отрасли промышленности, неизвестные или очень слабо развитые в настоящее время. Без преувеличения можно сказать, что рост городской жизни вызовет переворот в нашей промышленности»* [Докладная записка Совета Съездов представителей промышленности и торговли о мерах к развитию производительных сил России и улучшению торгового баланса. — Пг., 1914].

Россия становилась богатым, сытым и процветающим государством. **Но, как ни парадоксально, именно этот материальный рост стал одной из главных причин революционирования общества.** Многие не выдерживали испытания богатством или достатком, им хотелось отбросить строгие моральные правила, жить «свободно», пойти по пути, по которому уже двинулись Франция и другие европейские страны. Монархия, с её духовно-нравственным кодексом, накладывающим на весь народ прежде всего моральные обязательства, первым из которых было беззаветно служить России, в начале XX в. уже мешала. Личность Государя Николая II вызывала непонимание и раздражение.

Бог даровал России удивительного по своим духовным и человеческим качествам Царя. Император Николай II сочетал в себе непоколебимую преданность Хрипу и России с государственной прозорливостью. Это непонимание, неприятие именно такого Царя создавало условия для распространения различных измышлений о профессиональных и человеческих качествах Государя. Всё это вполне объяснимо: Царь, говоря современным языком, оставался в православном поле, а его оппоненты из политической и интеллектуальной элиты давно это поле покинули. Впрочем, и писания современных интерпретаторов действий Николая II даже приблизиться к их подлинному пониманию не могут всё по той же причине: они пока находятся в совсем другом духовном поле.

«Что представлял собой Государь Император? — вопрошал князь Н. Д. Жевахов и сам же отвечал на свой вопрос: — Это был, прежде всего, богоискатель, человек, вручивший себя безраздельно Воле Божьей, глубоко верующий христианин высокого духовного настроения, стоявший неизмеримо выше тех, кто окружал его и с которыми Государь находился в общении. Только безграничное смирение и трогательная деликатность, о которых единодушно свидетельствовали даже враги, не позволяли Государю подчёркивать своих нравственных преимуществ перед другими. Только невежество, духовная слепота или злой умысел могли приписывать Государю всё то, что впоследствии вылилось в форму злостной клеветы» [Жевахов Н. Д., князь, товарищ обер-прокурора Св. Синода. Воспоминания. — М.: Царское дело, 1994. Т. 1. С. 218].

Николай II сильно отличался от всех государственных деятелей современной ему эпохи. Он также сильно отличается от подавляющего числа правителей мировой истории. В Николае II удивительным образом сочеталась мудрость царя Соломона, кротость праведного Иова Многострадального и готовность к мученичеству первых христиан. Как хорошо написал протоиерей Александр Шаргунов: *«Наш Царь — святой символ России. У каждого народа свое историческое призвание и свои особенности. Сейчас происходит всё большее обезличивание народов именно потому, что в каждом народе, как и в каждом человеке, истинно и единственно неповторимо только то, что принадлежит Христу. Русский Царь отличается от европейских монархов, и русский народ соответствовал этому образу правления. Русский народ — простодушный, и Царь ему нужен был мудрый и простодушный. В последнем Царе все это соединилось»* [Шаргунов Александр, протоиерей. Православная монархия и новый мировой порядок. — М., 1999].

Служение Богу и России было определяющим в деятельности царя. *«Я имею всегда одну цель перед собой, — писал Государь П. А. Столыпину 23 октября 1907 г., — благо Родины: перед этим меркнут в моих глазах мелочные чувства отдельных личностей»* [Император Николай II — П. А. Столыпину. 23 октября 1907 г. // Красный Архив. Исторический журнал. — М., 1924. Т. 5 (5). С. 115]. Николай II, его верность исторической традиционной России вызывали непонимание, а зачастую неприятие целых слоёв русского общества и, что самое опасное — высшего бюрократического аппарата Российской империи, включая членов правительства. Многим из них казалось, что царь ведёт неправильную линию, что следует идти дорогой «просвещённого» Запада, а не «отжившего» Самодержавия. Если Государь ставил на первое место интересы Отечества, то многие представители общества и бюрократии ставили превыше всего свои собственные интересы, ложно понимаемые ими как интересы России. Многие решения Николая II по внешней и внутренней политике саботировались или искажались непосредственными исполнителями. Как отмечал И. Л. Солоневич, *«Государь Император Николай Второй был, несомненно, лично выдающимся человеком, но "самодержавным" Он, конечно, не был. Он был в плену. Его возможности были весьма ограничены — несмотря на Его "неограниченную" власть»* [Солоневич И. Л. Великая фальшивка Февраля // Наша страна. 29

марта 1952].

С. С. Ольденбург подчеркивал, что *«Император Николай II не имел ни властолюбия, ни честолюбия; иные ставили Ему это даже в укор; но в Нем жила идея самодержавного Царя, который не вправе уклониться от возложенного на него бремени; не вправе передать другим часть священных прав — обязанностей. Эта идея в нем неразрывно сочеталась с глубокой религиозностью и покорностью воле Божьей. Горячая любовь к России, в ее живом историческом образе, пронизала Его всецело. От жертвы властью и жизнью до самых внешних мелочей — она проявлялась на каждом Его шагу»* [Ольденбург С. С. Указ. соч. С. 65].

То, что для Николая II было событием величайшей важности, для многих представителей русского общества и даже части духовенства не имело большого значения. Ярким примером тому служат обстоятельства прославления Преподобного Серафима Саровского. На докладе Синода о начале подготовки к прославлению Император Николай Александрович написал: *«Прочёл с чувством истинной радости и глубокого умиления»*. На все сомнения Святейшего Синода, которые носили формальный и несущественный характер, Государь ответил лаконичной фразой: *«Немедленно прославить»*. Прославление преподобного Серафима вылилось в великое народное торжество, которое возглавили царь и царица. *«Впечатление было потрясающее, видеть, как народ и в особенности больные, калеки и несчастные, относились к крестному ходу. Очень торжественная минута была, когда началось прославление и затем прикладывание к мощам. Ушли из собора после этого, простояв три часа за всенощной»*, — записал Царь в дневнике [Дневник императора Николая II // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. С. 94].

В то же самое время представитель правящей династии Великий князь Александр Михайлович признавался, что *«чувствовал прямо-таки отвращение к самому имени Серафима Саровского»* [Александр Михайлович, великий князь. Воспоминания великого князя. С. 210]. Тот же Великий князь считал Православную Церковь «опасной сектой».

Для подавляющего большинства русского общества Николай II был тираном, реакционером и консерватором, упорно цепляющимся за власть любой ценой. Личные качества и достоинства Императора Николая II как человека и государственного деятеля никого не интересовали, так как общество изначально видело в нем не реального государя, а лживый миф, созданный врагами России, подхваченный интеллигенцией и внедренный в умы простых людей. Этот лживый образ постепенно все больше вытеснял в умах реальную личность царя, и к моменту революции большинство уже принимало ложь за истину. Что бы ни делал Николай II, какое бы ни принял решение, оно осуждалось обществом только в силу того, что это решение исходило от царя, которому изначально отказывали в правильных и мудрых действиях. Осуждение шло как слева, так и справа. При этом и крайне правые, и крайне левые не хотели понимать всю сложность положения, в каком оказалась русская государственность в начале XX века.

Ситуация требовала от русских политиков и гражданского общества отказа от политических и партийных амбиций, отказа от упрощенных решений во имя спокойствия и единства Родины. На деле все происходило наоборот. Радикалы всех мастей и оттенков, мыслители и поэты, государственные мужи и промышленники, издатели и публицисты навязывали России каждый свой рецепт спасения Отечества и осуждали правительство. Осуждение и отрицание постепенно становились смыслом и сутью их деятельности. Быть хоть немного, но «революционным» становилось модным. Как заклинания, повторялись слабые стишки: *«Наш Царь — Мукден, наш Царь — Цусима»*, и никому в голову не пришло ответить: *«Наш Царь — железные дороги, наш Царь — самые низкие в мире налоги, наш Царь — народное образование, наш Царь самое демократичное рабочее законодательство, наш Царь — высшая свобода и честь Родины»* [Мультагули П. В. «Господи, благослови решение мое...» Император Николай II во главе действующей армии (1915-1917) и заговор генералов. — М.: Сатисъ, 2001. С 9]. Император

Николай II никогда не опирался только на одну политическую силу, никогда не выражал пристрастия к одному только политическому полюсу.

В условиях надвигавшегося военно-политического кризиса летом 1914 г. Государь сделал всё, чтобы не дать втянуть Россию в мировую войну. Но, как русский царь, он не мог не прийти на помощь братской Сербии. Николай II принял решение, духовно возвышаясь над всеми факторами, руководствуясь прежде всего понятиями долга и справедливости. Это было по-русски, по-православному. Сербский наследный принц Александр в беседе с русским поверенным в делах в Белграде в тревожные дни конца июня 1914 года заявил, что он *«возлагает все надежды на Государя Императора и Россию, только могучее слово, которой может спасти Сербию»* [Мульгагули П. В. Внешняя политика императора Николая II (1894-1917). Научная серия РИСИ. М.: ФИВ, 2012]. И это слово было сказано. Святитель Николай Сербский так оценивал жертвенный подвиг Царя и России: *«Велик долг наш перед Россией. Может человек быть должен человеку, может и народ — народу. Но долг, которым Россия обязала сербский народ 1914 году, настолько огромен, что его не могут возратить ни века, ни поколения. Это долг любви, которая с завязанными глазами идёт на смерть, спасая своего ближнего. Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих, — это слова Христа. Русский царь и русский народ, неподготовленными вступая в войну за оборону Сербии, не могли не знать, что идут на смерть. Но любовь русских к братьям своим не отступила пред опасностью и не убоялась смерти»* [Новый журнал. — М., 1995. №2. С. 151-161].

Поэтому раздающиеся порой голоса, порицающие Николая II за то, что он вступился за «какую-то» Сербию и тем самым обрёк Россию на Первую мировую войну и на революцию, не могут быть признаны ни нравственными, ни патриотическими. России никогда не был свойствен западный прагматизм, в своих действиях она руководствовалась, в первую очередь, Высшей Правдой.

Яркий пример этому — император Пётр Великий, который отказался целовать шведам крест на том, что не начнёт войны против них. Шведы знали, что значит для русского человека целование креста, и Пётр тем самым себя выдал. С точки зрения политика-прагматика это была глупость, с точки зрения православного государя — единственно возможная позиция: свидетельство о Христе. Но, как мы знаем, победителем в Северной войне оказались не прагматики-шведы, а император Пётр.

Однако, помимо долга главного защитника Православия, Николай II руководствовался и иными, вполне общеполитическими причинами.

Начавшаяся Первая мировая война была с энтузиазмом встречена всеми слоями русского общества, но настроения большей его части принципиально отличались от того духовного воодушевления, которое наполняло Николая II. Энтузиазм либеральной оппозиции заключался в уверенности, что война в союзе с «прогрессивными» Францией и Англией неминуемо приведёт Россию, по словам кадета Ф. И. Родичева, *«к победному торжеству свободы как во внешней, так и во внутренней политике»* [Думова Н. Г. Кадетская партия в период Мировой войны и Февральской революции. — М., 1988. С. 52].

С высоты сегодняшнего дня оправданы сомнения насчет искренности желания таких деятелей, как Милюков, Гучков, Родзянко, Родичев, помочь Сербии и Франции. Их «патриотические» настроения прикрывали планы использовать войну для изменения политического строя России. Об этом откровенно высказался один из главных организаторов февральского переворота А. Ф. Керенский, который действовал в полном согласии с кадетско-гучковской оппозицией. *«Революция нам нужна, — заявлял Керенский в январе 1917 г., — даже если б это стоило поражения на фронте»* [Глобачёв К. И. Правда о русской революции.

Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. — М.: РОССПЭН, 2009. С. 73].

Уже после февральских событий П. Н. Милюков в письме монархисту И. В. Ревенко признавал, что оппозиция твёрдо решила «воспользоваться войною для производства переворота. Ждать больше мы не могли, ибо знали, что в конце апреля или начале мая 1917 года наша армия должна была перейти в наступление, результаты коего сразу в корне прекратили бы всякие намеки на недовольство и вызвали бы в стране взрыв патриотизма и ликования» [Коняев Н. М. Гибель красных Моисеев. Начало террора. 1918 год. — М.: Вече, 2004. С. 67].

Один из видных сановников последнего царствования Н. А. Маклаков в письме к Николаю II определял роль Родзянко как «напыщенного и неумного» исполнителя, за которым «стоят его руководители, гг. Гучковы, кн. Львовы и другие, систематически идущие к своей цели» [Н. А. Маклаков — Николаю II // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1287. Л. 1-2]. Маклаков полагал, что цель эта — «ослабить силу значения святой, истинной и всегда спасательной на Руси идеи Самодержавия» [Там же].

Так Россия подошла к февральской катастрофе 1917 г. Отступая каждый век от своей веры, от своего предназначения, от возложенной на неё Богом миссии, Россия оказалась бессильна перед соблазнами века сего. Некогда непобедимая и могучая, сокрушавшая монголов, Карла XII и Наполеона, она рухнула под комариными укусами сотен тысяч предателей, маловеров и трусов. Спаситель говорит верующим в Него: «Вы — соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь её соленою? Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить её вон на попрание людям» (Мф. 5:13). К 1917 г. Россия обессолилась и была брошена на попрание. Господь говорит: «Вы — свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф. 5:4). В 1917 г. Россия перестала быть светом для мира, она перестала славить Отца своего Небесного и была низвергнута в пропасть.

О подобных последствиях крушения самодержавия предупреждал ещё в 1905 г. архиепископ Антоний (Храповицкий): «После отмены самодержавия Россия перестала бы существовать как целостное государство, ибо, лишённая своей единственной нравственно-объединяющей силы, она распалась бы на множество частей. Такого распада нетерпеливо желают наши западные враги, вдохновляющие мятежников, чтобы затем, подобно коршунам, броситься на разъединенные пределы нашего Отечества, на враждующие его племена и обречь их на положение порабощенной Индии и других западноевропейских колоний» [Епископ Никон (Рклицкий). Жизнеописание блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Т. 1 -7. — Нью-Йорк, 1956-1961].

Это исполнившееся предупреждение владыки зло, но в целом верно констатировал В. В. Розанов в 1917 г.: «Русь слиняла в два дня. Самое большее — в три. Даже "Новое Время" нельзя было закрыть так скоро, как закрылась Русь. Поразительно, что она разом рассыпалась вся, до подробностей, до частностей... Не осталось Царства, не осталось Церкви, не осталось войска. Что же осталось-то? Странным образом — буквально ничего. Остался подлый народ, из коих вот один, старик лет 60-ти, "и такой серьёзный", Новгородской губернии, выразился: "из бывшего царя надо бы кожу по одному ремню тянуть". Т. е., не сразу сорвать кожу, как индейцы скальп, но надо по-русски вырезывать из его кожи ленточка за ленточкой. И что ему царь сделал, этому "серьёзному мужичку"?» [Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени // Собрание сочинений. Когда начальство ушло... — М.: Республика, 1997. С. 98]

Грехопадение народа в 1917 г. стало неминуемой причиной всех тех бед и несчастий, какие

испытала Россия в XX в. и от которых она полностью не оправилась до сих пор. Это точно подметил И. Л. Солоневич: «Я помню февральские дни: рождение нашей великой и бескровной, — какая великая безмозглость спустилась на страну. Сотысячные стада совершенно свободных граждан толклись по проспектам петровской столицы. Они были в полном восторге, — эти стада: проклятое кровавое самодержавие — кончилось! Они были счастливы — эти стада. Если бы им кто-нибудь тогда стал говорить, что в ближайшую треть века за пьяные дни 1917 года они заплатят десятками миллионов жизней, десятками лет голода и террора, новыми войнами, и гражданскими и мировыми, полным опустошением половины России, — пьяные люди приняли бы голос трезвого за форменное безумие. Но сами они, — они считали себя совершенно разумными существами: помилуй Бог: двадцатый век, культура, трамваи, Карла Марла, ватерклозеты, эсэры, эсдеки, равное, тайное и прочее голосование, шпаргалки марксистов, шпаргалки социалистов, шпаргалки конституционалистов, шпаргалки анархистов, — и над всем этим бесконечная разнузданная пьяная болтовня бесконечных митинговых ораторей...» [Солоневич И. Л. Народная монархия // Отв. ред. О. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 213]

Поэт А. Белый, глядя на радостные революционные толпы, в каком-то внезапном предвидении написал: «Сгибнет четверть вас от глада, мора и меча». Так оно в точности и произошло.

Глава вторая

СЛОМ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КОДА В 1917 ГОДУ

Февральский переворот, совершённый заговорщиками, конечно, не мог быть воспринят широкими слоями русского народа как событие законное и желанное. В отличие от истеричной «пьяной» радости Петрограда, в феврале 1917 г. Россия хранила глубокое молчание. Сельское, мещанское население и большая часть солдатской массы находились в состоянии полной дезориентации. Начальник штаба Верховного Главнокомандующего генерал М. В. Алексеев в своём подробном отчёте Временному правительству о реакции армии на «отречение» Царя констатировал, что многие к отречению Императора Николая II и к отказу от престола Великого князя Михаила Александровича «отнеслись с грустью и сожалением». Солдаты высказывали мнение, «что без Царя обойтись нельзя и надо поскорее выбирать Государя». В Сибирской казачьей дивизии Сводного корпуса манифесты произвели удручающее впечатление. «Выражалась надежда, что Государь не оставит своего народа и вернется к ним. Для части солдат это впечатление смягчалось тем, что Император Николай II преемником себе назначил великого князя Михаила Александровича, что Россия еще не республика, относительно которой высказывались отрицательно. Отречение Императора на офицеров 9-й армии произвело тягостное впечатление. В 4-й армии большинство преклоняется перед высоким патриотизмом и самопожертвованием Государя, выразившимся в акте отречения. Манифест великого князя Михаила Александровича встречен с недоумением и вызвал массу толков и даже тревогу за будущий образ правления» [Красный архив. Т. 2 (21). — М.; Пг., 1927. С. 62].

Да, известие о том, что Царя больше нет, повергло многих в смятение. Но всё же нельзя говорить, что монархическое чувство охватывало весь народ. Долгие годы пропаганды врагов монархии, незавершенность ряда реформ и преобразований, стремление крестьян к легкому разрешению земельного вопроса путем простого передела чужой земли, затяжная тяжёлая война, наконец, вакханалия февральских дней в столице сделали свое дело. Народное монархическое самосознание, десятилетиями находившееся под давлением либеральных и революционных идей, было основательно поколеблено. Самодержавие предполагало неучастие народа в активной политической жизни страны. Он мог только помогать Государю царствовать, исполняя его волю. «За народом мнение, за Царем решение» — эта поговорка очень верно

отражала суть русского восприятия политического механизма жизни державы. Для того чтобы подняться на защиту Царя и Родины, народ должен был услышать призыв самого Царя. Так было в 1905 году, когда Император Николай II обратился к народу с простыми и ясными словами: *«Помогите мне, русские люди, одолеть крамолу!»* Всякий раз народ русский, слыша глас царский, считал своим долгом на него откликнуться. И всякий раз эта духовная смычка Царя и Народа спасала Россию от бед.

Но в феврале 1917 года не стало не только собственно Царя Николая Александровича, но и вообще Царя как русского природного явления. В сознании большинства народа это противоестественное состояние должно было скоро закончиться, Царь должен был вновь взойти на престол. Вопреки революционной и большевистской лжи о равнодушии крестьян в отношении судьбы свергнутого Государя, они в своей массе ждали его возвращения, полагая, что «господа» призовут царя и поведут народ на защиту престола. Князь Н. Д. Жевахов вспоминал, что во время Февральской революции он разговорился с двумя революционными солдатами, которые на поверку оказались простыми русскими крестьянами верующими в Бога и любящими Царя. На вопрос этих солдат, что же им теперь делать, Жевахов отвечал: *«Идите в Думу и требуйте назад Царя, ибо без Царя не будет порядка и враги передавят нас»*. Реплика одного из солдат на эти слова чрезвычайно показательна: *«Оно-то так — сказал солдат, — да как бы нам зацепиться за кого-нибудь старшего, кто, значит, повёл бы нас; а мы хоть и сейчас пойдём вызволять Царя и прогоним нечистую силу»* [Жевахов Н. Д., князь, товарищ обер-прокурора Св. Синода. Воспоминания. — М.: Царское Дело, 1993. Т. 1-2. Т. 1. С. 327].

Однако в феврале 1917 г. элита русского народа, большая часть его образованного общества отвергла дарованного ему Божьего помазанника, предала своего Царя. В этом предательстве виновны не столько самые радикальные враги России — революционеры, сколько либеральная оппозиция, представители буржуазии и купечества, немалая часть духовенства и высшего генералитета русской армии. Вместе с тем крушение монархии в России не могло стать результатом только измены верхушки. **В 1917 г. произошло грехопадение всего народа, который, при всей своей симпатии к монархии, в целом остался пассивным зрителем свержения, заточения, а затем и убийства своего Государя и его Семьи.** Все события так называемого отречения — это поединок Царя и «февралистов». До последнего момента Император Николай II надеялся отстоять свои священные права, отстоять законную власть. Он рассчитывал получить поддержку от окружавших его людей, ждал от них исполнения священного долга верноподданных. Но тщетно. Кругом царили «измена, трусость, и обман». *«Подавить открыто революцию Николай II не мог, — пишет доктор исторических наук Г. З. Иоффе. — В Пскове он был "крепко" зажат своими генерал-адъютантами. Прямое противодействие им в условиях Пскова, где положение контролировал один из главных изменников, Рузский, было практически невозможно. В белоэмигрантской среде можно найти утверждение, что если бы Николай II, находясь в Пскове, обратился к войскам, среди них нашлись бы воинские части, верные царской власти. Однако практически он не имел такой возможности, хотя бы потому, что связь осуществлялась через штаб генерала Рузского. В соответствии с показаниями А. И. Гучкова, Рузский прямо заявил Николаю II, что никаких воинских частей послать в Петроград не сможет»* [Иоффе Г. З. Революция и судьба Романовых. — М., 1992. С. 52]. В 1927 г. в предисловии к сборнику «Отречение Николая II» большевик Михаил Кольцов писал: *«Где тряпка? Где сосулька? Где слабовольное ничтожество? В перепуганной толпе защитников трона мы видим только одного верного себе человека — самого Николая. Нет сомнения, единственным человеком, пытавшимся упорствовать в сохранении монархического режима, был сам Монарх. Спасал, отстаивал Царя один Царь. Не он погубил, его погубили»* [Кольцов М. Отречение Николая II. С. 22].

Николай II предпочёл заточение, мученическую смерть и даже гибель своей семьи участию в братоубийственной войне и беззаконии. Царь, вслед за Спасителем, Которого нечистый дух соблазнял поклониться ему, обещая все блага мира, отвечал сатане: *«Изыди от Мене, сатано: писано бо есть: Господу Богу твоему поклонишия и тому единому послужиши»* (Мф. 4:9). 2 марта 1917 г. в занесённом пургой Пскове не Государь Николай Александрович отрёкся от престола — большая часть России не захотела иметь Царя. Николай II лишь склонился перед Волей Божьей, в точности как это сделал пророк Самуил, когда народ больше не захотел видеть его судьёй: *«И сказал Господь пророку Самуилу: послушай голоса народа во всём, что они говорят тебе, ибо не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтобы Я не царствовал над ними»* (1 Цар. 8: 7—18).

Святитель Николай Сербский писал в 1932 г.: *«Если бы русский Царь Николай II стремился к царству земному, царству мелких личных расчётов, себялюбия, он и по сей день сидел бы на престоле в Петрограде. Но он выбрал Небесное Царство, царство жертвы во имя Господне, царство евангельской духовности, за что и сложил свою голову, за что сложили головы его чада и миллионы подданных»* [Святитель Николай Сербский. Мысли о добре и зле. М., 2001. С. 111]. Протоиерей Александр Шаргунов очень ёмко выразил суть подвига Императора Николая II: *«Когда в силу страшных обстоятельств ("кругом измена, и трусость, и обман") стало ясно, что он не может исполнять долг Царского служения по всем требованиям христианской совести, он безропотно, как Христос в Гефсимании, принял волю Божию о себе и России. Нам иногда кажется, что в активности проявляется воля, характер человека. Но требуется несравненно большее мужество, чтобы тот, кто "не напрасно носит меч", принял повеление Божие "не противиться злему", когда Бог открывает, что иного пути нет. Заслуга Государя Николая II в том, что он осуществил смысл истории кап тайны воли Божией»* [Протоиерей Александр Шаргунов. Указ. соч. С. 12]. Являясь русским Царём, Государь не мог себя ограничить западной конституцией — не потому, что он судорожно держался за власть, а потому, что сама власть, по существу своему, не поддавалась ограничению. Ограничить её означало изменить не власть, а изменить ей.

Русский Царь не просто Царь-Помазанник, которому вручена Промыслом судьба великого народа. Он — тот единственный Царь на земле, которому поставлена от Бога задача охранять Святую Церковь и нести высокое царское послушание до Второго Пришествия Христова. Русский Царь — Богом поставленный носитель земной власти, действием которого до времени сдерживается сила зла [Константин (Зайцев), архимандрит. Указ. соч.]. Понимание этого служения Царя было почти полностью утрачено в русской правящей элите и сильно подорвано в народе. Немного было её представителей, кто бы в большей или меньшей степени не одобрял свержение монархии: генералы спешили снять с себя царские вензеля и надеть красные банты, поэты, писатели — скорее воспеть новую «свободную» власть «свободной» России, крестьянство — предвкушало передел земли, рабочие ждали передачи им в управление заводов и фабрик.

19 февраля 1917 года во всех церквах Российской Империи в первую неделю Великого поста совершался чин Торжества Православия. Гремела анафема царским врагам. Через несколько дней Святейший Синод откажется обратиться к народу с требованием прекратить беспорядки в Петрограде, останется полностью безучастным к судьбе свергнутого Государя, будет приветствовать «освобождение» русской Церкви и благословлять «благоверное» Временное правительство. По инициативе и при непосредственном участии митрополита Киевского Владимира (Богоявленского) из зала заседаний Синода было вынесено царское кресло, которое в глазах значительной части иерархов являлось символом «цезарепапизма». Весьма символично, что в августе 1918 г. митрополит Владимир был предан монастырской братией, выдавшей его

революционным бандитам, которые расстреляли Владыку возле его резиденции в Киево-Печерской лавре [В1992 году Архиерейский собор Русской Православной Церкви прославил митрополита Владимира (Богоявленского) в лике священномучеников]. Из Святейшего Синода были насильственно удалены убеждённые монархисты митрополит Питирим (Окнов) и митрополит Макарий (Невский). Большинство хотело освободиться от старой власти, но какой будет власть новая, никто не думал. Между тем *«с падением Царя пала сама идея власти, в понятии русского народа исчезли все связывающее его обязательства. При этом власть и эти обязательства не могли быть ничем заменены»* [Воспоминания генерала барона П. Н. Врангеля. — М.: Терра, 1992. Т. 1. С. 26].

Лучшие представители духовенства сумели разглядеть за маской «прекрасной Свободы» дьявольскую гримасу. Епископ Тобольский и Сибирский Гермоген (Долганов) категорически отказался приветствовать революцию. В качестве резолюции на постановлениях своего епархиального съезда он писал: *«Я ни благословляю случившегося переворота, ни праздную мнимой еще "пасхи" нашей многострадальной России и пострадавшего душою духовенства и народа, ни лобызаю туманное и "бурное" лицо "революции", ни в дружбу и единение с нею не вступаю»* [Мраморнов А. И. Церковная и общественно-политическая деятельность епископа Гермогена (Долганова; 1858-1918). Саратов: Научная книга, 2006. С. 88]. Владыка Гермоген до конца сохранил свои монархические убеждения, призывал паству *«сохранять верность вере отцов, не преклонять колена перед идолами революции и их современными жрецами, требующими от православных русских людей выветривания, искажения русской народной души космополитизмом, интернационализмом, коммунизмом, открытым безбожием и скотским гнусным развратом»* [Мраморнов А. И. Указ. соч. С. 87]. В 1917 г., будучи епископом Тобольским, владыка Гермоген делал всё, чтобы облегчить жизнь находившейся в заключении Царской Семье. В июне 1918 г. владыка вместе с другими священнослужителями был утоплен большевиками в реке Туре. В 2000 г. епископ Гермоген был прославлен Русской Православной Церковью как священномученик.

Епископ Макарий (Гневушев), выступая в февральские дни 1917 г. в кафедральном соборе Нижнего Новгорода, говорил: *«Стойте же, друзья, непреборимой стеной вокруг Царского престола. Пусть и теперь, как во времена Козьмы Минина, князя Пожарского, протопопы Саввы, архимандрита Печерского монастыря, и людей всех положений и сословий, соборный колокол созывает всю Русь под единый великий и святой стяг, на котором огненными словами начертано: За Веру, Царя и Отечество!»* [Черная сотня: Историческая энциклопедия 1900 — 1917 / Отв. редактор О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2008] Владыка Макарий был расстрелян большевиками 4 сентября 1918 г. под Смоленском. Он причислен Русской Православной Церковью к лику святых как новомученик и исповедник.

Конечно, мы не имеем права забывать и обо всех верных Святой Руси людях из самых разных сословий, кто в позорные и страшные февральские дни не испугался засвидетельствовать свою преданность Царю. Княжна Н. П. Грузинская вспоминала: *«Февраль 1917-го года застал меня в Москве. Грянул страшный удар грома, вселивший ужас и негодование в наши сердца. Вечером я пошла к графине Белевской, и мы, взрослые, мрачно толковали о том, что думать и что делать. Пока с тоской в душе мы перебирали всякие возможности, в столовой рядом раздались торжественные звуки "Боже, Царя храни". Я пошла посмотреть, что там происходит, и была глубоко тронута тем, что увидела. Младшие дети графини расставили на большом столе все фотографии Царской Семьи, которые могли собрать, поставили пластинку "Боже, Царя храни" в граммофон и в благородном порыве лояльности чистых детских душ к тем, кто впал в несчастье, проходили церемониальным маршем перед фотографиями, делая им поклоны»* [Грузинская Н. П., княжна. Записки контрреволюционерки // 1917 год в судьбах

России и Февральская революция. От новых источников к новому осмыслению. — М., 1997. С. 348, 351-353].

В мае 1920 г. на греческом острове Лемнос в эмигрантском лагере похоронили четырнадцатилетнюю графиню Елену Граббе. Когда разбирали вещи умершей от туберкулеза девочки, то нашли написанную ею после ареста Государя молитву: *«Спаси, Господи, Государя нашего Императора Николая Александровича уменьши страдания его, поддержи его и соблюди от врагов его. Дай ему, Господи, силу побороть врагов своих и, если будет на то воля Твоя, просвети его на мудрое царствование...»* [Решетников Л. П. Русский Лемнос. — М.: ФИВ, 2012. С. 11]

Менее чем за месяц Временное правительство сломало все старые государственные институты, судебную систему, ликвидировало полицию, дезорганизовало армию. Была упразднена и Государственная дума, именем которой был совершён переворот. Её работа, прерванная Указом Государя 27 февраля 1917 г., никогда больше не возобновлялась. В течение лета 1917 г. несколько раз собирался её Временный комитет, а 6 октября 1917 г. Временное правительство окончательно распустило Думу в связи с подготовкой выборов в Учредительное собрание.

1 сентября 1917 г. Керенский самочинно и абсолютно незаконно провозгласил Россию республикой, а себя — министром-председателем и верховным главнокомандующим, совершив тем самым окончательную узурпацию власти. Слабая и ничтожная, она продержалась недолго, и на смену ей пришла другая — страшная и античеловеческая. Последующие преступления большевизма заслонили в глазах общественности подлость и предательские деяния Милюкова, Гучкова, Львова, Родзянко, Керенского и прочих творцов Февраля, ниспровергателей исторической России. Но суд истории над ними состоялся, и было бы неправильно замалчивать его беспощадный приговор.

В бесчинствах и злодействах февралистов можно было узреть грядущий красный террор, Соловки и ГУЛАг. Вот как описывал февральские события в столице очевидец, начальник Петроградского охранного отделения генерал К. И. Глобачёв: *«Те зверства, которые совершались взбунтовавшейся чернью в февральские дни по отношению к чинам полиции, корпуса жандармов и даже строевых офицеров, не поддаются описанию. Они нисколько не уступают тому, что впоследствии проделывали над своими жертвами большевики в своих чрезвычайках. Городовых, прятавшихся по подвалам и чердакам, буквально раздирали на части: некоторых распинали у стен, некоторых разрывали на две части, привязав за ноги к двум автомобилям, некоторых изрубали шашками. Были случаи, что арестованных чинов полиции и жандармов не доводили до мест заключения, а расстреливали на набережной Невы, а затем сваливали трупы в проруби. Одного, например, пристава привязали веревками к кушетке и вместе с нею живьём сожгли. Пристава Новодеревенского участка, только что перенесшего тяжёлую операцию удаления аппендицита, вытащили с постели и выбросили на улицу, где он сейчас же и умер»* [Глобачёв К. И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. — М.: РОССПЭН, 2009. С. 130].

Барон Н. Е. Врангель вспоминал: *«Во дворе нашего дома жил околоточный; его дома толпа не нашла, только жену; её убили, да кстати и двух её ребят. Меньшего грудного — ударом каблука в темя»* [Врангель Н. Е. Воспоминания: от крепостного права до большевиков. — Берлин: Слово, 1924. С. 123]. Писатель М. М. Пришвин записал в те дни в своем дневнике: *«Две женщины идут с кочергами, на кочергах свинцовые шары — добывать приставов»* [Пришвин М. М. Дневники. 1914—1917. — СПб.: Росток, 2007. С. 112]. Массовые убийства офицеров происходили в кровавые февральско-мартовские дни в Петрограде, Кронштадте, Гельсингфорсе, Свеаборге. Вот лишь некоторые имена зверски убитых: командир запасного батальона Лейб-

гвардии Павловского полка полковник А. Н. Экстен (убит 26 февраля), начальник учебной команды запасного батальона Лейб-гвардии Волынского полка штабс-капитан И. С. Лашкевич (убит 27 февраля), командир крейсера 1-го ранга «Аврора» капитан 1-ГО ранга М. И. Никольский (убит 28 февраля), главный командир Кронштадтского порта адмирал Р. Н. Вирен (убит 1 марта). Это они, верные присяге и долгу, подло убитые, заколотые, сожженные заживо, являются истинными мучениками Февраля, а не мародёры и дезертиры, погибшие либо в стычках с полицией и войсками, либо в пьяных перестрелках друг с другом. Эту публику хоронили на Марсовом поле Петрограда под революционную песню «Вы жертвою пали...».

С первых же дней февралистского режима проявилось его полное пренебрежение к закону и правосудию. Без предъявления какого-либо обвинения арестована Царская Семья, включая несовершеннолетних детей, по всей стране в тюрьмы были брошены сотни так называемых «представителей старого режима»: губернаторов, жандармов, полицейских. 17 марта 1917 г. решением Временного правительства была учреждена Верховная чрезвычайная следственная комиссия (ВЧСК) — первая ЧК. Через год с небольшим практически одноимённая организация станет главной исполнительной силой красного террора и зальёт Россию кровью. Мало кто знает, что страшный термин «враг народа» появился в феврале-марте 1917 г.

По постановлению первой ЧК, также без предъявления обвинений, в тюрьме Петропавловской крепости оказались все министры Императорского правительства, за исключением тайных пособников переворота П. Л. Барка, Э. Б. Кригер-Войновского и Н. Н. Покровского. В Петропавловскую крепость были помещены подруга Государыни А. А. Вырубова и некоторые другие приближённые Царской Семьи. Вся их «вина» состояла лишь в том, что они служили Царю. Керенскому были хорошо известны условия содержания узников Петропавловской крепости. Один из них, бывший министр юстиции и председатель Государственного совета И. Г. Щегловитов, написал Керенскому письмо: *«Испытывая чрезвычайные стеснения от исключения верхнего пальто, шапки, галош, смены белья, туалетных принадлежностей, папирос, денег и часов и имея в виду, что всё это отобранное у меня осталось в Государственной Думе, покорнейше прошу сделать немедленное распоряжение о пересылке указанных выше вещей по новому месту содержания»* [И. Г. Щегловитов — А. Ф. Керенскому // ГА РФ. Ф. 1807. Оп. 1. Д. 520. Л. 1 -2]. Просьба Щегловитова осталась без внимания, и до самой своей мученической гибели от рук большевиков он находился в заточении в тяжелейших условиях. Бывший председатель Совета министров Б. В. Штюрмер был замучен в Петропавловской крепости. Больного истощённого старика революционные власти поместили в Трубецкой бастион, где подвергали побоям и оскорблениям. Когда Штюрмер умирал, жена и другие родственники хотели пройти к нему, но их задержали караульные, объявившие: *«Никого не пропустим! Пускай околевает при нас и только при нас. Много чести ему простаться с родственниками»* [Кобылин В. Анатомия измены. Император Николай II и генерал-адъютант М. В. Алексеев. Истоки антимонархического заговора. — СПб.: Царское Дело, 1998. С. 355-356]. Заметим, что речь идёт не о большевистских застенках, не о сталинском ГУЛАГе, а о тюрьме «самого демократического правительства свободной России». Обо всем этом были осведомлены Керенский, князь Г. Е. Львов, просвещённый поборник свободы профессор Милюков, думский красной Родзянко, почтенный член ЧСК, редактор её стенографических отчетов, поэт А. А. Блок. Певец «Незнакомки» не побрезговал соучаствовать в постыдном судилище над беззащитными людьми. В письме к матери от 18 мая 1917 г. Блок описывал свои впечатления от посещения заключённых в Трубецком бастионе: *«Пошли в гости — сначала к Воейкову; это — ничтожное довольное существо. Потом пришли к Вырубовой (я только что сдал её допрос); эта блаженная потаскушка и дура сидела со своими костылями на кровати»* [Блок Александр. Сочинения: В 1 т. — М.; Л.. 1946. С. 566]. Зная, как умирал в 1921 г. брошенный всеми поэт,

трудно избавиться от мысли о Божьем возмездии.

Не может не потрясать степень малодушия, которое охватило многих представителей практически всех слоёв русского народа, включая и священнослужителей. Так, митрополит Вениамин (Федченков), на глазах которого толпа растерзала губернатора Твери, размышлял: *«Я думал: вот теперь пойти и тоже сказать: не убивайте! Может быть, бесполезно? А может быть, и нет? Но если и мне пришлось бы получить приклад, все же я исполнил бы свой нравственный долг... Увы, ни я, ни кто другой не сделали этого... И с той поры я всегда чувствовал, что мы, духовенство, оказались не на высоте своей... Не-существенно было, какой политической группировке относился человек. Спаситель похвалил и самарянина, милосердно перевязавшего израненного разбойниками иудея, врага по вере... Думаю, в этот момент мы, представители благостного Евангелия, экзамена не выдержали, ни старый протоиерей, ни молодые монахи... И потому должны были потом отстрадывать»* [Митрополит Вениамин (Федченков). «Я вспоминаю...» Из записок архиеерея. — М., 2010. С. 98].

Измена Царю неразрывно была связана с изменой Родине. *«Солдат решил, что раз Царя не стало, то не стало и Царской службы и Царскому делу — войне — наступил конец. Он с готовностью умирал за Царя, но не желал умирать за "господ". Офицер, призывавший солдата защищать Родину, становился ему подозрителен. Раз была объявлена "свобода", то кто имел право заставлять его, солдата, проливать кровь на фронте, когда в тылу рабочие провозгласили восьмичасовой трудовой день, а односельчане готовились поделить землю помещика?»* [Керсновский А. А. История Русской Армии. Т. 1-4. — М.: Голос. 1992. Т. 4. С. 235]

Ещё до опубликования текста так называемого отречения Государя, 2 марта 1917 г., в печати появился «Приказ № 1», который стал отправной точкой развала армии. Главным в приказе был пункт, согласно которому во всех политических выступлениях воинские части подчинялись теперь не офицерам, а своим выборным комитетам и Совету. Один из авторов приказа меньшевик И. Гольденберг объяснял позднее причину появления приказа: *«Приказ номер один — не ошибка, а необходимость... В день, когда мы "сделали революцию", мы поняли, что если не развалить старую армию, она раздавит революцию. Мы должны были выбирать между армией и революцией. Мы не колебались и приняли решение в пользу последней и употребили — я смело утверждаю это — надлежащее средство»* [Claude Anet. La revolution russe: Juin-Novembre 1917. — Paris-Payot et C-ie, 1918. P. 61]. Солдаты начали митинговать, выходить из окопов, брататься с немцами. Для германского командования свержение царя стало неожиданным, но очень ценным подарком судьбы, преподнесенным, хотя, наверное, и без умысла, русскими заговорщиками и их западными покровителями. Немецкий генерал Людендорф писал: *«На востоке наступила огромная перемена. В марте спонсируемая Антантой революция свергла Царя. Власть захватило правительство с сильной революционной окраской. Наше общее положение значительно улучшилось. Предстоящие на западе бои меня не страшили»* [Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914-1918 годов / Под редакцией А. Свечина, — М.: Государственное издательство, 1924. С. 132].

Для того чтобы добить Россию, смертельно раненную «февралистами» и ее же союзниками, германское верховное командование дало возможность проехать через свою территорию из Швейцарии в Петроград русским социал-демократам во главе с Лениным. Приезд этого экстремиста лишь усугубил всеобщий развал в России, который шёл от самых верхов Временного правительства.

Кроме создания комитетов и разгрома командования, «реформатор» Керенский распорядился уволить из рядов армии всех нижних чинов старше 43 лет. Такая частичная демобилизация выбила из вооруженных сил наиболее опытный унтер-офицерский и солдатский костяк. В конце апреля генерал Поливанов, бывший царский министр, выпустил при поддержке

революци-онного вождя Керенского «Декларацию прав солдата», которая, по словам генерала Алексева, «вогнала последний гвоздь в гроб нашей вооруженной силы». По этой декларации все военнослужащие получали право принадлежать любой политической партии, вести любую пропаганду, участвовать в выборах. Отменялось отдание воинской чести, отменялись все дисциплинарные взыскания. Армия превращалась в стадо. Она кишела агитаторами и пропагандистами, постоянно собиравшими митинги и шествия. На фронте происходили неслыханные вещи. На одном из участков фронта митингующие «миротворцы» поставили возле цейсовской трубы часового, чтобы тот не подпускал к ней офицеров. *«Мотивировали они это тем, — вспоминал очевидец, — что теперь революционная демократия, скоро заключат мир с немцами без аннексий и контрибуций, так что стреляли, больше не надо, а так как все офицеры контрреволюционеры, то они этого замирения не хотят и поэтому сами стреляют по немцам»* [Русское прошлое. 1-1991. С. 84].

На другом участке фронта *«по нашим офицерам-артиллеристам, идущим на наблюдательный пункт или на дежурство, стали стрелять. Стреляли из нашего же резерва у опушки. Солдаты же проходили совершенно спокойно. Офицеров легко узнавали по зеленым брюкам, поэтому граждане-солдаты не ошибались. Зато мы могли похвастаться, что у нас самая свободная армия в мире»* [Там же]. В такой обстановке Ставка продолжала разрабатывать новое наступление. Однако, продумав все до мелочей, генералы не знали самого главного — удастся ли им вывести солдат из окопов. Германское командование тем временем продолжало через своих платных агентов и через большевистскую партию устраивать демонстрации и митинги в Петрограде под лозунгом «Мир без аннексий и контрибуций!». Подготовка к наступлению проходила в условиях, которые генерал Алексеев определил следующими словами: *«Армия на краю гибели»*. Но он ошибался: армия уже погибла. *«8—16 июля. Конец России. Войска перестали быть войсками. Россия потеряла возможность защищать самое себя»*, — писал в своём дневнике профессор Ю. В. Готье [Зимин Ю. В. Россия—Революция—Гражданская война. С. 59].

Наступление Юго-Западного фронта продемонстрировало небывало высокий уровень артиллерийского огня. Он буквально смел противника с лица земли. Это был результат преодоленного под руководством Государя «снарядного кризиса». Затем вражескую оборону прорвали корниловцы, которыми командовал капитан М. О. Неженцев. Они захватили семь тысяч пленных и 48 орудий. Но, продвинувшись глубоко на вражескую территорию, корниловцы не получали никакой помощи от остальных частей, которые опять начали митинговать. Немцы нанесли ответный удар, достигнув небывалого успеха, которого не ожидали сами. Русские бежали толпами, оставив в руках неприятеля 85 офицеров, 2900 нижних чинов, десять орудий. *«Это были уже не те русские солдаты»*, — злорадно отметил Людендорф. 9 июля три немецкие роты обратили в бегство две русские дивизии. Отрядным исключением было сопротивление преображенцев под командованием полковника А. П. Кутепова. Тем не менее 12 июля противник занял Тернополь, и таким образом вся Буковина и Червленная Русь были оккупированы. 21 августа германские войска вступили в Ригу. Русские беспорядочно бежали за Двину. *«Армия обезумевших тёмных людей, не ограждаемых властью от систематического разложения и развращения, потерявших чувство человеческого достоинства, бежит. На полях, которые нельзя даже назвать полями сражений, царит сплошной ужас, позор и срам, которых русская армия не знала с самого начала своего существования. Меры правительственной кротости расшатали дисциплину, они вызывают беспорядочную жестокость ничем не сдерживаемых масс. Эта стихия проявляется в насилиях, грабежах и убийствах»*, — писал в те дни генерал Корнилов [Там же. С. 60]. Ему вторил генерал Деникин: *«Фронт представлял зрелище небывалое. Он забыл все: и честь, и долг, и Родину, и горы трупов своих братьев,*

погибших бесцельно и бесполезно Беспощадная рука вытравила в душе русских солдат все моральные побуждения, заменяя единственным, доминирующим над всем, животным чувством — желанием сохранить свою жизнь» [Зимин Ю. В. Указ. соч. С. 60]. Русская армия агонизировала.

Таким образом, в феврале 1917 г. рухнули государственные и духовные опоры русского народа произошёл серьёзный надлом его традиционного национального кода, окончательно сломленного всеми последующими событиями.

Главной целью февральского переворота была замена русской православной цивилизации на западную так называемую демократическую цивилизацию, с её прагматизмом и либеральной идеологией. Оценивая эти устремления вождей Февраля, Иван Ильин отмечал: *«Какое политическое доктринёрство нужно было для того, чтобы в 1917 году сочинить в России некую сверхдемократическую, сверхреспубликанскую, сверхфедеративную конституцию и повергать с её наиндивидуальнейшей историей, душой и природой в хаос бессмысленного и бестолкового распада»* [Ильин И. А. Наши задачи. Т. 1. С. 48].

Февраль 1917 г. привёл наш народ к Октябрю. Нет сомнений, что и Февральская, и Октябрьская революции были осуществлены под руководством единого центра. Известный русский юрист П. И. Новгородцев утверждал, что *«кн. Львов, Керенский и Ленин связаны между собой неразрывной связью. Кн. Львов также повинен в Керенском, как Керенский в Ленине»* [Новгородцев П. И. Об общественном идеале. — М.: Пресса, 1991. С. 562 - 564]. **Февраль и октябрь — звенья одной цепи, они имели общих покровителей и кредиторов.** Судя по всему, Керенский изначально был поставлен на свою должность временно и, по замыслу его заграничных хозяев, должен был быть позднее заменён более радикальным лидером. Один из ведущих финансистов русской революции американский промышленник Ч. Крейн летом 1917 г. уверял, что *«революция находится лишь в своей первой фазе, она должна расти. Революция Керенского уступит дорогу коммунизму»* [Саттон Э. Уолл-Стрит и большевистская революция. — М.: Русская идея, 1998. С. 20].

Троцкий, Ленин и другие большевики получали деньги от тех же американских финансистов, что и Керенский. В декабре 1917 г. американский миллионер У.-Б. Томпсон направил на нужды большевистского правительства 1 млн. долларов [Саттон Э. Указ. соч. С. 20]. *«После февральского беззакония ничего иного, кроме большевизма, не могло и не должно было быть»*, — считал эмигрантский литератор Виктор Кобылин [Кобылин В. Анатомия измены. С. 198]. Писатель Б. А. Садовский дал верное объяснение неизбежности появления большевизма: *«С потерей Самодержавия я скорблю о последнем оплоте былого. Но нет — не воскресить его! Всё минуло. Мелкие людишки не поддержат великого завтра. Поэтому мечтать о возрождении России так же глупо, как надеяться на восстановление Древней Греции. Люди теперь из другого теста, с другой душой. Им не жалко ломать наши святыни. Неподдающийся — неверующий»* [Садовский Б. Заметки. Дневник (1931-1934) // Знамя. 1992. № 7. С. 174].

Большевизм не свалился на Россию как «снег на голову». Он долгие годы взращивался в сознании русского общества. Большевизм стал закономерным итогом богоборчества и богоотступничества. В начале XX века они получили широкое развитие в душах представителей российской элиты. Архиепископ Антоний (Храповицкий) откровенно констатировал ещё в 1905 г.: *«Дела идут скверно, особенно церковные: церкви всё более пустеют, а люди всё более становятся бессовестными»* [В церковных кругах перед революцией // Красный архив Т. 31. — М.; Л., 1928. С. 247]. Самое страшное, что эта «бессовестность» охватила духовные семинарии, которые выпускали часто не пастырей, а революционеров с духовным образованием. *«В семинариях, — писал отец Павел Флоренский, — воспитывались наиболее активные безбожники»* [Флоренский Павел, священник. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. — М., 1996. С. 659]. Не

удивительно, что духовные семинарии не давали достаточного числа священников. Благовещенская семинария, например, за 10 лет не подготовила ни одного священника [Евлогий (Георгиевский), митр. Указ. соч. С. 184]. В предреволюционные годы жандармское управление не раз констатировало предосудительное поведение семинаристов, распространение среди них атеистической литературы, связи с радикальными студенческими организациями. Так, в одном из жандармских сообщений отмечалось, что в Тверской семинарии часть учащихся пела непристойные песни в престольный праздник перед храмом, выбрасывала из священнического дома иконы [Леонтьева Т. Г. Вера и бунт: духовенство в революционном обществе России начала XX века // Вопросы истории 2001. №1. С. 34].

Ещё более масштабным был упадок веры и распространение богоборчества в педагогических и других высших школах. *«Я учусь в высшем учебном заведении, откуда выходят учительницы, — писала в 1913 г. В. В. Розанову одна курсистка, — и вот среди этой молодёжи я до сих пор, в течение 2 1/2 лет, не встретила никого, кто бы любил Родину, стремился бы к тому, чтобы принести ей пользу; нет! Кругом полное равнодушие, безразличие (в лучшем случае) ко всему русскому а, с другой стороны — презрение к России, к её якобы отсталости. Всё русское — гадко и смешно! И это будущие учительницы! Что они дадут детям?! Ни веры, ни любви к Родине! А профессора (большинство) способствуют развитию враждебности и презрения к России, уже с первого курса начинают вставлять в свои лекции разные иронические словечки о России и о русских»* [Розанов В. В. Сахарна. — М., 1998. С. 352].

Во всем этом богохульстве, презрении и ненависти к России отчетливо просматривается зловещий лик большевизма.

Большевизм — особое явление во всемирной истории. Ни один режим, ни до, ни после, не возводил в такой степени богоборчество и ненависть к национальному началу в ранг главных приоритетов своей политики. Основой большевизма была антимораль. Его кредо сформулировано в словах Ленина: *«Нравственно то, что отвечает интересам пролетариата. Наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата»* [Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 41]. На самом деле за словесной «заботой» об интересах пролетариата скрывалось абсолютное отрицание всего духовно-русского, агрессивное и последовательное богоборчество. Ф. М. Достоевский одним коротким, но очень точным словом охарактеризовал сущность этих людей — бесы. Многие большевистские деятели в тот или иной период своей жизни погружались в оккультизм с сатанинским уклоном, некоторые являлись членами тайных обществ. Ленин, известный своей патологической ненавистью к христианству, ещё в начале XX в. читал лекции в парижской Русской высшей школе общественных наук, созданной масонской ложей «Космос» [Брачев В. С. Русское масонство XVIII—XX веков. СПб.: Стома, 2000. С. 244]. Троцкий *«внимательно изучал исследования о бесах и демонах, об их князьях, дьяволе и об их тёмном царстве»* [Емельянов Ю. Троцкий. Мифы и личность. — М.: Вече, 2003. С. 122]. Свердлов с юных лет увлекался каббалистическим оккультизмом и чёрной магией [Шамбаров В. Е. Оккультные корни Октябрьской революции. — М.: Алгоритм, 2006. С. 334-335]. Бухарин в юности считал себя «антихристом», глумился над Святым Причастием [Энциклопедический словарь братьев Гранат. — М., 1926. Т.41. Ч. 1. С. 54], позже вступил в масонскую ложу [Аронсон Г. Масоны в русской политике // Новое русское слово. 8 -10.12.10.1959]. По западным источникам, членами масонских лож являлись известные большевики Красин, Луначарский Скворцов-Степанов [Там же]. Последний наряду с Ярославским (Губельманом) был инициатором и активным пропагандистом программы «воинствующего атеизма» в СССР в 20-30-е гг.

Всё это и было питательной средой пресловутой большевистской «нравственности»

позволявшей, исходя из бесовских «принципов», уничтожать людей сотнями тысяч, в том числе и представителей того же пролетариата, лишь по причине их непригодности делу мировой революции. Та же «нравственность» вполне допускала тотальное уничтожение людей по признаку принадлежности к «паразитическому» классу и сословию. Эта «нравственность» позволяла отдавать исконные русские земли военному противнику, только для того, чтобы сохранить захваченную власть. Эта «нравственность» позволяла разрушать храмы, сжигать иконы, глумиться над честными мощами, убивать священников. Эта «нравственность» позволяла обрекать на людоедство крестьян Поволжья, Казахстана и Украины, обрекать на нищету и бесправие рабочий класс русских городов. **Большевизм ставил своей целью уже не только смену русского цивилизационного кода, а полное уничтожение России как исторического государства, превращение её в плацдарм для мировой революции.** Высказывания и руководящие указания «вождей» большевизма ярко иллюстрируют наш вывод. Возьмём для начала заявления самого главного из них — председателя Совнаркома (правительства) Ленина.

Телеграмма в Пензу, 9 августа 1918 г.: *«Необходимо произвести беспощадный массовый террор против кулаков, попов, белогвардейцев. Сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города. Телеграфируйте об исполнении»* [Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 50. С. 143]. Указание от 21 февраля 1918 г. по поводу организации трудовых батальонов: *«В эти батальоны должны быть включены все работоспособные члены буржуазного класса, мужчины и женщины, под надзором красногвардейцев; сопротивляющихся расстреливать»* [Ленин В. И. Указ. соч. Т. 35. С. 358]. 25 декабря 1919 г., после дня памяти святителя Николая, в который православные христиане не работали, Ленин издал приказ: *«Мириться с "Николой" глупо, надо поставить на ноги все Чека, чтобы расстреливать не явившихся на работу из-за "Николы"»* [Латышев А. Г. Рассекреченный Ленин. — М.: Март, 1996]. Указание председателю Реввоенсовета республики Э. М. Склянскому: *«Подвидом "зелёных" (мы потом на них свалим) пройдем на 10—20 вёрст и перевешаем кулаков, попов, помещиков. Премия: 100 000 р. за повешенного»* [Исторический архив. 1992. № 1. С. 217]. А вот долго скрываемое в секретных архивах указание великого Ленина от 19 марта 1922 г.: *«Строго секретно. Просьба ни в коем случае копий не снимать. Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов (конкретный результат социалистической революции и борьбы с её классовыми противниками. — Авт.), мы можем (и поэтому должны!) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаться перед подавлением какого угодно сопротивления. Изъев церковные ценности, мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей. Без этого фонда никакая государственная работа вообще и никакое отстаивание своей позиции в Генуе совершенно невыполнимо. Жестокости надо осуществлять самым энергичным образом и в самый кратчайший срок. Мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его. Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы ни о каком сопротивлении они не смели и думать...»* [Известия ЦК КПСС, 1990, №4] Пусть никого не смущает употребление вождём слов «реакционный», «черносотенный» — это всё фиговые листочки, призванные прикрыть его античеловеческое нутро. Иного, нереакционного, духовенства и буржуазии для него всё равно не существовало.

Дадим слово и наиболее близким соратникам Ленина. Бывший боевик-террорист, ставший председателем ВЦИК (сегодня бы сказали — президентом) Яков Свердлов: *«Мы должны самым серьёзным образом поставить перед собой вопрос о расслоении в деревне, вопрос о создании в деревне двух противоположных враждебных сил, поставить перед собой задачу*

противопоставления в деревне беднейших слоев населения кулацким элементам. Только в том случае, если мы сможем расколоть деревню на два непримиримо враждебных лагеря, если мы сможем разжечь там ту же гражданскую войну, которая шла не так давно в городах, если нам удастся восстановить деревенскую бедноту против деревенской буржуазии, — только в том случае мы сможем сказать, что мы и по отношению к деревне делаем то, что смогли сделать для городов» [Свердлов Я. М. Избранные произведения. — М., 1976. С. 175-181]. Вот так, не больше и не меньше, — разжечь гражданскую войну. И ведь разожгли, лет на двадцать, погубив или исковеркав миллионы жизней.

Ещё один герой «Великого Октября» — Григорий Зиновьев, председатель Петроградского совета: «Нужно уподобиться военному лагерю, из которого могут быть кинуты отряды в деревню. Если мы не увеличим нашу армию, нас вырежет наша буржуазия. Ведь у них второго пути нет. Нам с ними не жить на одной планете. Нам нужен собственный социалистический милитаризм для преодоления своих врагов. Мы должны увлечь за собой 90 млн. из ста, населяющих Советскую Россию. С остальными нельзя говорить — их надо уничтожать» [Литвин Л. А. Красный и белый террор в России 1918-1922 гг. — Казань, 1995. С. 63].

А вот и «Железный Феликс» (Дзержинский), председатель ВЧК, в письмах своим близким: «Гражданская война должна разгореться до небывалых размеров, и ноя воля — бороться и самому быть беспощадным...» [Дзержинский Ф. Э. Избранные произведения: В 2 т. Т. 1. — М.: Госполитиздат, 1957] Он и его ЧК действительно были беспощадны до безумия. Вдумайтесь в слова М. Лациса, ближайшего сподвижника Дзержинского: «Для нас нет и не может быть старых устоев морали и "гуманности", выдуманных буржуазией для угнетения и эксплуатации "низших классов"... Нам всё разрешено, ибо мы первые в мире подняли меч не во имя закрепощения и угнетения кого-либо, а во имя раскрепощения от гнёта и рабства всех. Мы не ведём войны против отдельных лиц. Мы истребляем буржуазию как класс. Не ищите на следствии материалов и доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против советской власти. Первый вопрос, который мы должны ему предложить, — к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого. В этом — смысл и сущность красного террора» [ВЧК/ГПУ: документы и материалы. Составитель: Ю. Г. Фельштинский. — М.: Издательство гуманитарной литературы, 1995]. Разве все это не безумие!? Как возможно до сих пор почитать «Железного Феликса» — этого поджигателя Гражданской войны, польского экстремиста ненавидевшего русских как таковых, о чем он открыто признается в тех же письмах к близким?

Чудовищное злодейство 17 июля 1918 года — убийство большевиками в Екатеринбурге Царской Семьи было последней точкой отречения так называемой русской общественности от исторической России. Как писал святитель Иоанн Шанхайский (Максимович): «Под сводом Екатеринбургского подвала был убит Повелитель Руси, лишенный людским коварством Царского венца, но не лишенный Божией правдой священного миропомазания» [Слова иже во святых отца нашего Иоанна, архиепископа Шанхайского: Сборник проповедей, поучений, посланий, наставлений и указов. — Сан-Франциско, 1994]. И снова мы видим со стороны большей части народа равнодушное и трусливое безмолвие. Писатель Эмиль Борман писал о Государе: «Никто не вступился за Него. Ни венценосные родственники, ни те "истинно русские" люди, что сумели довести Царя до падения, себя же привести вовремя в безопасность. Николай II не бежал и никого не предал. Он ни перед кем не виновен. Пред Ним же виновата вся Россия» [Борман Эмиль. Николай II. Сон-легенда к Троицкому дню. б/г. С. 23-27].

Конечно, были те, кто искренне скорбел по убитому Государю, кто оставался ему предан даже ценою жизни. Но не они определяли тогда отношение к убитому Царю. Марина Цветаева

вспоминала об июльских днях 1918 года: «Стоим, ждем трамвая. Дождь. И дерзкий мальчишеский петушиный вскрик: "Расстрел Николая Романова! Николай Романов расстрелян рабочим Белобородовым!" Смотрю на людей, тоже ждущих трамвая, и тоже (тоже!) слышащих. Рабочие, рваная интеллигенция, солдаты, женщины с детьми. Ничего! Хоть бы что! Покупают газету, проглядывают мельком, снова отворачивают глаза — куда? Да так, в пустоту...» [Последние новости, 1925] Об этом же свидетельствовал граф В. Н. Коковцов: «20 июля или около этого числа, в официальных большевистских газетах появилось известие: об убийстве Государя в ночь с 16-го на 17 июля в Екатеринбурге, по постановлению местного Совета солдатских и рабочих депутатов. Приводилось и имя председателя этого подлого трибунала — Белобородов. Говорилось тогда об убийстве одного Государя, и упоминалось, что остальные члены Его семьи в безопасности. Я не скрывал своего взгляда и говорил многим о том, что думал, и когда мы узнали, что Их увезли в Тобольск, и потом появилось известие, что на Екатеринбург двигаются чехословаки, нечего было и сомневаться в том, какая участь ожидает их. На всех, кого мне приходилось видеть в Петрограде, это известие произвело ошеломляющее впечатление: одни просто не поверили, другие молча плакали, большинство просто тупо молчало. Но на толпу, на то, что принято называть "народом", эта весть произвела впечатление, которого я не ожидал. В день напечатания известия я был два раза на улице, ездил в трамвае и нигде не видел ни малейшего проблеска жалости или сострадания. Известие читалось громко, с усмешками, издевательствами и самыми безжалостными комментариями... Какое-то бессмысленное очерствение, какая-то похвальба кровожадностью. Самые отвратительные выражения: "давно бы так", "ну-ка — поцарствуй еще", "крышка Николашке", "эх, брат, Романов, доплясался" — слышались кругом от самой юной молодежи, а старшие либо отворачивались, либо безучастно молчали. Видно было, что каждый боится не то кулачной расправы, не то застенка» [Коковцов В. Н., граф. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903-1919. Париж, 1933].

Представители так называемой совести нации, интеллигенция, соревновалась друг с другом в глумлении над убитым Самодержцем. «Щупленького офицерику не жаль, конечно... он давно был с мертвечинкой» — так отозвалась об убийстве Царя поэтесса Серебряного века Зинаида Гиппиус.

Император Николай II явил собой пример величайшего смирения и христианского прощения ближнего. Старшая дочь Государя Великая княжна Ольга Николаевна передала нам слова отца, которые звучат сегодня как завещание для всех христиан мира: «Отец просил передать всем тем, кто Ему остался предан, и тем, на кого они могут иметь влияние, чтобы они не мстили за Него, так как Он всех простил и за всех молится, и чтобы не мстили за себя, и чтобы помнили, что то зло, которое сейчас в мире, будет еще сильнее, но не что зло победит зло, а только любовь».

Государыня в письмах из Тобольска писала, тем, кто оставался верен: «Не теряйте веру в Божию милость, Он не оставит Родину погибнуть. Надо перенести все эти унижения, гадости, ужасы с покорностью (раз не в наших силах помочь). И Он спасет, долготерпелив и милостив, не прогневается до конца. Знаю, что Вы этому не верите, и это больно, грустно. Без этой веры невозможно было бы жить... Лишь о себе думали, Родину забыли — все слова и шум. Но проснутся многие, ложь откроется, вся фальшь, а весь народ не испорчен, заблудились, соблазнились. Некультурный, дикий народ, но Господь не оставит, и святая Богородица заступится за Русь бедную нашу. Бог выше всех, и все Ему возможно, доступно. Люди ничего не могут. Один Он спасёт, оттого надо беспрестанно Его просить, умолять спасти Родину дорогую, многострадальную. Как я счастлива, что мы не за границей, а с ней все это переживаем. Как хочется с любимым больным человеком все разделить, вместе пережить и с

любовью и волнением за ним следовать, так и с Родиной. Чувствовала себя слишком долго её матерью, чтобы потерять это чувство — мы одно составляем и делим горе и счастье» [Там же. С. 152].

Великая княжна Татьяна Николаевна в одной книге, читанной ею в Екатеринбурге, подчеркнула следующие слова: *«Верующие в Господа Иисуса Христа шли на смерть как на праздник, становясь перед неизбежной смертью, сохраняли то же самое дивное спокойствие духа, которое не оставляло их ни на минуту. Они шли спокойно навстречу к смерти потому, что надеялись вступить в иную, духовную жизнь, открывающуюся для человека за гробом»* [Россия перед Вторым Пришествием. (Материалы к очерку русской эсхатологии). — М., 1998. Т. 2. С. 167]. *«Если будут убивать, то хоть бы не мучили»* — эти слова 13-летнего Наследника Цесаревича являются живым свидетельством осознания Семей приближающего мученического конца.

Заклученные в душные комнаты Ипатьевского дома, окруженные злобными надсмотрщиками, каждый день ожидая смерть, Они ни разу не возроптали, ни разу не сказали ни единого худого слова в чей-либо адрес. В ответ на грубость, злобу и издевательства Они пели духовные распевы, добрые русские песни, читали Евангелие, молились. Один из участников екатеринбургского злодеяния Якимов показывал: *«Они иногда пели. Мне приходилось слышать духовные песнопения. Пели они Херувимскую песнь. Но пели они и какую-то светскую песню. Слов ее я не разбирал, а мотив ее был грустный. Это был мотив песни "Умер бедняга в больнице военной"»* [Соколов Н. А. Убийство Царской Семьи. С. 167].

Последний русский Царь и его Семья были прославлены Русской Православной Церковью как святые мученики-страстотерпцы. Без народного почитания канонизации не бывает. Это почитание Государя, Государыни и их венценосных детей началось сразу после их злодейского убийства. Те, кто не оставил Бога в тяжёлые времена, в своих сокровенных молитвах прославляли мученический подвиг Царской Семьи, отдавшей жизнь за Христа. Люди обращались к Царю с мольбами о спасении русского народа и России, твердо веря, что он и его близкие в числе святых предстанут пред Богом. Много священников и мирян, официально обвиненные в мрачные 20-30-е годы в контрреволюционной деятельности, на самом деле были замучены в ГУЛАГе именно за почитание Царя и его семьи. Одержимость, с какой партийные и карательные органы преследовали всё и вся что имело хоть малейшее отношение к царственным мученикам, вылилось в уничтожение Ипатьевского дома исполненное первым секретарем Свердловского обкома партии Б. Н. Ельциным по приказу из Москвы. Ведь перед ним, местом убийства, собираются верующие! Прошло 70 лет, столько грязи вылито на Царя, столько его почитателей сгноили, а в народе все ширится любовь к нему. Вдумайтесь, Николай II — единственный Царь в нашей истории, удостоенный чести быть прославленным в лике святых! *«Последние Царь и Царица в XX веке, в эпоху цинизма, рационализма и атеизма, смогли явить миру великое чудо Богопреданности. Этот несказанный феномен имеет всемирное звучание. Скоро минет сто лет, как беснуются духовно невежественные, но шумные толпы хулителей и очернителей Царственных Страстотерпцев... А Царские Лики сияют на иконах в православных храмах и обителях во всех уголках мира. Им с трепетом душевным молятся миллионы — за себя, за своих близких, за Россию, за род человеческий»* [Боханов А. Н. Царь Алексей Михайлович. М.: Вече, 2012. С. 364].

В 1918—1919 гг. большевики убили почти всех представителей Дома Романовых, находившихся на территории России. Спасти удалось буквально единицам. Одновременно был запущен маховик массового террора. В сентябре 1918 г. в «Еженедельнике ЧК» выходит следующее постановление:

«I. Применение расстрелов. 1. Всех бывших жандармских офицеров по специальному

списку, утверждённому ВЧК. 2. Всех подозрительных по деятельности жандармских и полицейских офицеров соответственно результатам обыска. 3. Всех имеющих оружие без разрешения, если нет налицо смягчающих обстоятельств (например, членство в революционной Советской партии или рабочей организации). 4. Всех с обнаруженными фальшивыми документами, если они подозреваются в контрреволюционной деятельности. В сомнительных случаях дела должны быть переданы на окончательное рассмотрение ВЧК. 5. Изобличение в сношениях с преступной целью с российскими и иностранными контрреволюционерами и их организациями, как находящимися на территории Советской России, так и вне её. 6. Всех активных членов партии социалистов-революционеров центра и правых. 7. Всех активных деятелей к/революционных партий (кадеты, октябристы и проч.). 8. Дело о расстрелах обсуждается обязательно в присутствии представителя Российской партии коммунистов. 9. Расстрел приводится в исполнение лишь при условии единогласного решения трёх членов Комиссии. 10. По требованию представителя Российского комитета коммунистов или в случае разногласия среди членов РЧК дело обязательно передаётся на решение Всероссийской ЧК.

II. Арест с последующим заключением в концентрационный лагерь. 11. Всех призывающих и организующих политические забастовки и другие активные выступления для свержения Советской власти, если они не подвергнуты расстрелу. 12. Всех подозрительных, согласно данным обысков, и не имеющих определённых занятий бывших офицеров. 13. Всех известных руководителей буржуазной и помещичьей контрреволюции. 14. Всех членов бывших патриотических и черносотенных организаций. 15. Всех без исключения членов партий с.-р. центра и правых, народных социалистов, кадетов и прочих контрреволюционеров. Что касается рядовых членов партии с.-революционеров центра и правых рабочих, то они могут быть освобождены под расписку, что осуждают террористическую политику своих центральных учреждений и их точку зрения на англо-французский десант и вообще соглашение с англо-французским империализмом. 16. Активных членов партии меньшевиков, согласно признакам, перечисленным в примечании к пункту 6. Должны быть произведены массовые обыски и аресты среди буржуазии, арестованные буржуа должны быть объявлены заложниками и заключены в концлагерь, где для них должны быть организованы принудительные работы. В целях терроризации буржуазии следует также применять выселение буржуазии, давая на выезд самый короткий срок (24—36 часов)...» [Альбанц Е. Мина замедленного действия. — М.: Росслит, 1992].

После выхода этого постановления в Петрограде за один месяц в порядке его исполнения было расстреляно более 800 представителей русской элиты (бывших сановников, министров, профессоров, офицеров).

24 января 1919 г. по инициативе Свердлова ЦК издал секретный циркуляр «Об отношении к казакам», который положил начало тотальному уничтожению донского, кубанского и терского казачества: «Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью. К среднему казачеству необходимо применять все те меры, которые дают гарантию каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против советской власти.

Конфисковать хлеб и заставить ссыпать все излишки в указанные пункты, это относится как к хлебу, шок и ко всем другим сельскохозяйственным продуктам. Принять все меры по оказанию помощи пришлой бедноте, организуя переселение, где это возможно. Уравнять пришлых иногородних к казакам в земельном и во всех других отношениях. Провести полное разоружение, расстреливая каждого, у кого будет обнаружено оружие после срока сдачи. Выдавать оружие только надежным элементам из иногородних. Вооруженные отряды

оставлять в казачьих станицах впредь до установления полного порядка. Всем комиссарам, назначенным в те или иные казачьи поселения, предлагается проявить максимальную твёрдость и неуклонно проводить настоящие указания» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 7. Л. 5; Ф. 17. Оп. 65. Д. 35. Л. 216].

Вслед за циркулярным письмом ЦК 3 февраля 1919 г. появился секретный приказ председателя РВС Л. Троцкого «О расказачивании». Тогда же директива Донбюро ВКП(б) прямо предписывала: физическое истребление во крайней мере 100 тысяч казаков, способных носить оружие, т.е. от 18 до 50 лет; физическое уничтожение так называемых верхов станицы (атаманов, судей, учителей; священников), хотя бы и не принимающих участия в контрреволюционных действиях; выселение значительной части казачьих семей за пределы Донской области; переселение крестьян из малоземельных северных губерний на место ликвидированных станиц.

Член РВС 8-й красной армии И. Якир требовал от подчинённых следующих мер в отношении казаков: «Полное уничтожение всех, поднявших оружие, расстрел на месте всех, имеющих оружие, и даже процентное уничтожение мужского населения» [РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 168. Л. 213, 213 об]. 30 октября 1920 г. Сталин телеграфировал Ленину: «Выселено в военном порядке пять станиц. Недавнее восстание казаков дало подходящий повод и облегчило выселение, земля поступила в распоряжение чеченцев. Положение на Северном Кавказе можно считать несомненно устойчивым...» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 93. Л. 35]. О том, что творили большевики на Дону, свидетельствовали те из них, кто не до конца ещё потерял совесть. Посланный на Дон московский коммунист М. Нестеров: «Партийное бюро возглавлял человек... который действовал по какой-то инструкции из центра и понимал ее как полное уничтожение казачества... Расстреливались безграмотные старики и старухи, которые едва волочили ноги, урядники, не говоря уже об офицерах. В день расстреливали по 60—80 человек... Во главе продотдела стоял некто Голдин, его взгляд на казаков был такой: надо всех казаков вырезать! И заселить Донскую область пришлым элементом». Другой московский агитатор, К. Краснушкин: «Комиссары станиц и хуторов грабили население, пьянствовали... Люди расстреливались совершенно невиновные — старики, старухи дети... расстреливали на глазах у всей станицы сразу по 30—40 человек, с издевательствами, раздевали донага. Над женщинами, прикрывавшими руками свою наготу, издевались и запрещали это делать...» [ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 83. Д. 8. Л. 43 - 52].

Побывавшие в восставшей станице Вёшенской белые лётчики Бессонов и Веселовский докладывали Войсковому кругу: «В одном из хуторов Вешенской старому казаку за то только, что он в глаза обозвал коммунистов мародерами, вырезали язык, прибили его гвоздями к подбородку и так водили по хутору, пока старик не умер. В станице Каргинской забрали 1000 девушек для рытья окопов. Все девушки были изнасилованы и, когда восставшие казаки подходили к станице, выгнаны вперед окопов и расстреляны... С одного из хуторов прибежала дочь священника со "свадьбы" своего отца, которого в церкви "венчали" с кобылой. После "венчания" была устроена попойка, на которой попа с попадьей заставили плясать. В конце концов батюшка был зверски замучен...» [Жуков Г. Расказачивание. 1917-1947 // Гражданин: Периодический политический журнал]

Вспоминая события тех лет, М. Шолохов в письме к М. Горькому от 6 июня 1931 г. сообщал: «Я нарисовал суровую действительность, предшествующую восстанию; причем сознательно упустил такие факты... как бессудный расстрел в Мигулинской станице 62 казаков-стариков или расстрелы в станицах Казанской и Шуми-линской, где количество расстрелянных казаков (б. выборные хуторские атаманы, георгиевские кавалеры, вахмистры, почетные станичные судьи, попечители школ и проч. буржуазия и контрреволюция хуторского масштаба) в течение 6 дней достигло солидной цифры — 400 с лишним человек...» [Жуков С. И. История русской

литературы XX в. — М., 1996] За время так называемого рассказывания было уничтожено свыше миллиона казаков.

Красный террор охватил всю территорию России и все слои её населения. Методично и безжалостно большевики расправлялись с духовенством и активными мирянами. Воистину они гибли за Христа, за веру, так как в преобладающей своей части каких-либо поступков, угрожающих новой власти, не совершали. 8 ноября 1917 г. царскосельский протоиерей Иоанн Кочуров был подвергнут продолжительным избиениям. Затем батюшку волокли по шпалам железнодорожных путей, пока он не скончался. В 1918 г. три православных иерея в г. Херсоне были распяты на кресте. В декабре того же года епископ Соликамский Феофан (Ильменский) был публично казнён путём многократного окунания в прорубь и замораживания. Епископ Исидор (Колоколов) был арестован ЧК в Вятке и зверски замучен (посажен на кол). Епископ Пермский Андроник (Никольский) закопан в землю заживо, архиепископ Нижегородский Иоаким (Левицкий) убит и повешен вниз головой в севастиопольском соборе, епископ Сарапульский Амвросий (Гудко) привязан к хвосту лошади и погиб. В 1918 г. в Ставропольской епархии расстреляны 37 священнослужителей, среди которых были люди преклонного возраста — 72 года — 80 лет [Красный террор в годы Гражданской войны. — Лондон, 1972].

В Воронеже в 1919 году были одновременно убиты 160 священников и дьяконов во главе с архиепископом Тихоном (Никаноровым), которого повесили на царских воротах в церкви Митрофановского монастыря [Орехов Д. Русские святые и подвижники XX столетия. — М.: Амфора, 2006]. Все, кто участвовал в этих злодеяниях, от простых исполнителей до начальствующих, отдававших приказание, не могли быть нормальными людьми, хотя они гордо называли себя революционерами, членами РКП (б), борцами за народное счастье. Безусловно, это были взбесившиеся то есть перешедшие на сторону дьявола, личности, которые восстали против Христа и его творения — Святой Руси. Именно это объясняет ту звериную жестокость, с которой они уничтожали и своих противников, и просто неугодных им людей.

Вот описание «работы» ЧК в Киеве после освобождения города белыми: *«Весь... пол большого гаража был залит уже... стоявшей на несколько дюймов кровью, смешанной в ужасающую массу с мозгом, черепными костями, клочьями волос и другими человеческими остатками.... стены были забрызганы кровью, на них рядом с тысячами дыр от пуль налипли частицы мозга и куски головной кожи... жёлоб в четверть метра ширины и глубины и приблизительно в 10 метров длины... был на всём протяжении доверху наполнен кровью... Рядом с этим местом ужасов в саду того же дома лежали наспех поверхностно зарытые 127 трупов последней бойни... у всех трупов разможжены черепа, у многих даже совсем расплющены головы... Некоторые были совсем без головы, но головы не отрубались, а... отрывались... мы натолкнулись в углу сада на другую, более старую могилу, в которой было приблизительно 80 трупов... лежали трупы с распоротыми животами, у других не было членов, некоторые были вообще совершенно изрублены. У некоторых были выколоты глаза... головы, лица, шеи и туловища покрыты колотыми ранами... У нескольких не было языков... Тут были старики, мужчины, женщины и дети. Одна женщина была связана верёвкой со своей дочкой, девочкой лет восьми. У обеих были огнестрельные раны»* [Мельгунов С. П. Красный террор 1918-1923. Берлин, 1924. С. 68].

С не меньшим садистским рвением действовала ЧК в Харькове: *«Во время пребывания большевиков в Харькове {...} царил такой террор, что многие сходили с ума от всех переживаемых кошмаров. Расстреливали беспощадно, не исключая женщин и детей. На двух улицах и в подвалах некоторых домов были вырыты коридоры, к концу которых ставили расстреливаемых и, когда они падали, их присыпали землей. [...] На другой день на том месте расстреливали следующих, затем опять присыпали землей, и так доверху. Потом начинался*

следующий ряд этого же коридора. [...] В одном из таких коридоров лежало до 2000 расстрелянных. Некоторые женщины расстреляны только потому, что не принимали ухаживаний комиссаров. В подвалах находили распятых на полу людей и привинченных к полу винтами. У многих женщин была снята кожа на руках и ногах в виде перчаток и чулок и вся кожа спереди» [Сводка сведений о злодеяниях и беззакониях большевиков. 29 июня 1919 года. № 4338. г. Екатеринодар].

Лишения, страдания и часто смерть как их естественный финал стали повседневным явлением для миллионов русских людей. За годы Гражданской войны и террора они «привыкли» к смерти родных и близких. Современный сербский исследователь М. Йованович опубликовал поразительные документы о взглядах детей белых эмигрантов на смерть. Ученики русской гимназии в Константинополе так отзывались о смерти родных и близких в 1917—1920 годах в России: «Я настолько привык к смерти, что она не производит на меня никакого впечатления»; «На улице я прочитал список расстрелянных, там был мой отец»; «Я ходил в тюрьму и просил не резать папу, а зарезать меня. Они меня прогнали»; «ЧК помещалось в доме моих родителей. Когда большевиков прогнали, я обошла комнаты моего родного дома. Я читала надписи, сделанные в последние минуты. Нашла вырванную у кого-то челюсть, чулочек грудного ребёнка, девичью косу с куском мяса. Самое страшное оказалось в наших сараях. Они доверху были набиты трупами. На стене погребя кто-то выцарапал: "Господи, прости!"» [Йованович М. Русская эмиграция на Балканах. 1920—1940. — М.: Русский путь, 2005. С. 87].

Чудовищная жестокость большевиков шла рука об руку с подлостью. Так, несмотря на обещания командарма Фрунзе и его «честное слово», что прекративших сопротивление белых офицеров ждёт амнистия, как только красные ворвались в Крым, начались массовые убийства всех, кого коммунистическая власть считала «опасными» для «дела революции». Главными ответственными за проведение красного террора в Крыму были председатель Крымревкома Бела Кун и секретарь Крымского обкома РКП(б) Р. Землячка. Выдающийся русский писатель Иван Шмелёв, у которого большевики расстреляли сына-офицера, не участвовавшего в Гражданской войне и находившегося в Крыму на лечении, в своём романе «Солнце мёртвых» писал: «Нужно было... показать, как "железная метла" метет чисто, работает без отка-зу. Убить надо было очень много. Больше ста двадцати тысяч. И убить на бойнях. Не знаю, сколько убивают на чикагских бойнях. Тут дело было проще: убивали и зарывали. А то и совсем просто: заваливали овраги. А то и совсем просто-просто: выкидывали в море. По воле людей, которые открыли тайну: сделать человечество счастливым. Для этого надо начинать — с человеческих боен. И вот — убивали, ночью. Днём... спали. Они спали, а другие, в подвалах, ждали... Целые армии в подвалах ждали. Юных, зрелых и старых — с горячей кровью» [Шмелёв И. С. Солнце мёртвых. Изд. 2-е, испр. — М.: ДАРЪ, 2008. С. 55]. В опросных листах арестованных в Крыму в ноябре—декабре 1920 г. в графе «В чем обвиняется?» чекистские следователи писали: «казак», «подпоручик», «чиновник военного времени», «штабс-капитан», «доброволец». Так, арестованный 20 ноября 1920 г. в Симферополе уроженец Санкт-Петербурга Сергей Лефрансуа был осужден к расстрелу «за службу в белой армии комендантом госпиталя», а арестованный 17 декабря 1920 г. в Феодосии чиновник Митрофан Коробцев — «за принадлежность к белогвардейской власти и как дворянин» [Реабилитированные историей. Автономная республика Крым: Книга третья. — Симферополь: АнтикВА, 2007. С. 333, 215].

Бывший царский генерал И. Данилов, служивший у красных в штабе 4-й армии, вспоминал: «Окраины города Симферополя были полны зловония от разлагавшихся трупов расстрелянных, которых даже не закапывали в землю. Ямы за Воронцовским садом и в имени Крымтаева, оранжереи были полны трупами расстрелянных, слегка присыпанных землей, а курсанты кавалерийской школы (будущие красные командиры) ездили за полторы версты от своих казарм

(бывшего Конного полка) выбивать камнями золотые зубы изо рта казненных, причем эта охота давала всегда большую добычу. Общая цифра расстрелянных в одном Симферополе со дня вступления красных в Крым до 1 апреля 1921 года доходила до 20 000, а все число расстрелянных во всем Крыму — до чудовищных размеров — 80 000 человек» [Данилов И. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков // Архив русской революции. Т. XVI. — Берлин, 1925. С. 166].

Вблизи Ялты, в усадьбе Багреевка, в период с 7 декабря 1920 г. по 25 марта 1921 г. было расстреляно около 1000 человек. Среди расстрелянных — княгиня Н. А. Барятинская, её беременная дочь И. В. Мальцева с мужем капитан-лейтенантом Черноморского флота С. И. Мальцовым, его отец, основатель Симеиза генерал И. С. Мальцов. Среди расстрелянных много известных старых генералов, которые не служили в Белой армии: генерал-майор А. П. Багратион (прямой потомок героя 1812 г.), генерал-лейтенант Н. П. Бобырь, генерал-майор В. Д. Орехов и др. В Багреевке погибли протоиерей ялтинского храма Святого Александра Невского К. М. Агеев, Василий Ундольский, строитель и первый священник Форосской церкви, личный фотограф Государя А. М. Иваницкий. В числе расстрелянных были люди самых разных национальностей и социального положения: дворяне и крестьяне, военнослужащие и священники, студенты и медицинские сёстры, рабочие и учёные, адвокаты и судьи [Абраменко Л. М. Последняя обитель: Крым. 1920-1921. — Киев: Изд-во МАУП, 2005].

Когда читаешь архивные документы о преступлениях большевистского режима, не можешь отделаться от мысли, что **речь идёт о геноциде русского народа**. Ведь уничтожались целые слои, сословия, прежде всего те, кто был или в потенции мог стать носителем идеи Святой Руси, православной державности. Ведь вслед за духовенством, казачеством, офицерством, чиновничеством, буржуазией в конце 20-х — начале 30-х гг. удар обрушился и на крестьянство. Массово уничтожались люди, которые в силу своих убеждений или даже привычки, традиции не могли принять идеи «социалистического рая». Те же, кому разрешили жить, должны были забыть прошлое, отказаться от него. То есть отказаться от исторической России, от своей Родины, принять условия строительства нового государства — родом из Октября. Поэтому всё, что было связано с Россией, её верой, историей и символикой, должно было стать ненавистно не только большевикам, но и всему выжившему населению. 8 апреля 1918 г. по инициативе Свердлова был упразднён национальный русский бело-сине-красный флаг, утверждённый в качестве государственного Императором Николаем II в начале Первой мировой войны. Вместо него было введено красное полотнище с оккультными символами: пентаграммой и молотом. Известный оккультист XX в. Э. Леви (псевдоним А.-Л. Констана) писал по поводу пентаграммы (красной звезды), что она включает в себе «все тайны магии, символы гностицизма, фигуры оккультизма, все ключи каббалы. Знак этот самый великий, самый могущественный из всех знаков. Кто не признает знамение креста, тот трепещет при виде звезды микрокосма» [Леви Э. Все тайны магии. — М.: Эксмо, 2008. С. 45].

Начался полный слом традиционного представления народа о своей истории. Патриоты Отчизны, её созидатели, представлялись революционной властью как тираны и угнетатели, а разрушители, враги российской государственности, причём как отечественные, так и иностранные, превращались в «героев» и «борцов за народное счастье». Не случайно первыми памятниками, снесёнными большевиками, стали монументы наиболее почитаемых в нашем народе Царя-Освободителя Александра II и героического генерала М. Д. Скобелева. Города и сёла России покрывались уродливыми гипсовыми изваяниями Маркса, Энгельса, Либкнехта, Бебеля, Робеспьера, Марата, Стеньки Разина, Софьи Перовской. Апофеозом насаждения идолов стал воздвигнутый в 1918 г. в Свияжске по приказу Троцкого монумент Иуде Искарриоту, грозившему Небу кулаком [Kehler (Henning). The Red Garden. — N-Y., 1922. P. 156].

В сознание народа закладывалась ложная трактовка русской истории, её героев. Полностью перечёркивались все представления о России, которыми жил народ до революции 1917 г. Имена гипсовых, а затем и мраморных монстров перешли в названия кораблей и паровозов, заводов и фабрик, улиц и площадей, сёл и городов. Даже великая Петровская столица была названа кличкой большевистского вождя. Практически во всех населённых пунктах нашей огромной страны натыканы изваяния этого экстремиста, единственным конкретным делом которого было перевертывание России верх дном и ввержение её в многолетнюю гражданскую войну с последующей нескончаемой беспощадной борьбой коммунистической власти с «врагами народа». Эти, как правило, серые, мрачные истуканы должны были заменить русскому народу православные храмы, а идиотские песни типа «Ленин всегда живой, Ленин всегда с тобой...» — тысячелетнюю молитву к Богу о спасении души и Отчизны.

Имена и прозвища палачей и террористов прочно вошли в нашу жизнь и не собираются уходить из неё и сегодня, порождая самые уродливые формы исторической шизофрении. Как смогут в Екатеринбурге родители объяснить своему ребёнку, почему собор во имя Новомучеников и Исповедников Российских, воздвигнутый на месте Ипатьевского дома, в котором приняла мученическую кончину Царская Семья, стоит в непосредственной близости от площади, носящей имя одного из главных организаторов екатеринбургского злодеяния Якова Свердлова? Почему имя другого политического чикатилло — П. Л. Войкова, добывавшего серную кислоту для уничтожения тел Царственных мучеников, носят станция московского метрополитена и столичный район? Ни обращение общественности к московским властям, ни даже рекомендация Государственной Думы переименовать станцию успеха не возымели.

Когда пишешь эти строки, невольно ловишь себя на мысли: как могли эти воистину inferнальные силы победить в стране, веками воспитанной на Евангелии и святоотеческом учении? Как мог Народ-Богоносец подчиниться этим извергам, ненавидевшим Россию и её цивилизационные ценности? Почему в народе нашем не нашлось силы, способной защитить Русь от большевистского нашествия? Здесь мы неминуемо подходим к теме трагедии Белого дела.

К чести русского народа, против большевиков поднялась значительная его часть. Сотни тысяч русских людей, офицеров, солдат, казаков, рабочих, крестьян сложили свою голову в борьбе с большевизмом. Они спасли честь России, опровергли расхожее мнение, что за революционерами пошёл весь русский народ. Почему же большевизму всё же удалось одержать верх в Гражданской войне? Причины его победы объясняются в первую очередь идеологической несостоятельностью того движения, которое принято называть белым. Когда говорят «белая армия», «белое дело», «белое движение», то имеют в виду антибольшевистские военные образования и правительства, действовавшие на территории значительной части бывшей Российской империи в 1918—1921 гг. и провозглашавшие свою преемственность по отношению к традициям российской армии и российской государственности.

Однако на самом деле эти силы, во-первых, были очень разными по своей идеологической составляющей, а во-вторых, белыми они себя не называли. Здесь следует разобраться с самим понятием «Белая армия». Впервые оно появляется во Франции во времена первой революции и якобинского террора. Белой армией (*L'Armée Blanche*) называли французских крестьян, которые под руководством аристократов-роялистов восстали против республики. Они ставили своей целью восстановление монархии, и их знаменем было белое полотнище с надписью «За Бога и Короля» [Мультигули П. Почему проиграли белые? // <http://www.pravoslavie.ru/smi/794.htm>].

В России слово «белогвардеец», «белый» впервые появляется тоже во время революции, но революции не 1917 г., а 1905—1907 гг. Всем известно о существовании Чёрной сотни, но мало кто знает, что в это же время существовала Белая гвардия — монархическая боевая организация,

формально входившая в состав Союза русского народа, но действовавшая самостоятельно. Она противостояла террору и насилиям революционеров в Одессе. Бойцы Белой гвардии соответственно именовали себя белогвардейцами. История нашей страны и других государств показывает, что понятия «Белая армия» и «Белая гвардия» практически всегда связаны с монархическим сопротивлением народа республиканским и антихристианским силам. Белая гвардия, Белая армия прочно увязывались с понятием «Белый Царь».

Во время Гражданской войны в России, насколько известно, было два случая, когда антибольшевистские силы называли себя белыми. 27 октября 1917 г. в Москве выступившие против большевистского переворота юнкера и кадеты именовались «Белой гвардией». Вторым раз название «белые» появляется в Северо-Западной армии генерала Н. Н. Юденича, но не в качестве официального. Никакие другие антибольшевистские силы понятие «белые» в отношении себя не употребляли. Тех, кого принято считать белыми, сами называли себя добровольцами, корниловцами, дроздовцами, марковцами. Только уже в эмиграции участники антибольшевистской борьбы стали именовать себя белыми, отделяясь, таким образом, от красных, махновцев, самостийников, зелёных [Мультиатули П. Указ. соч.].

Тем не менее уже в начале Гражданской войны большевистская пропаганда преподносила своих врагов исключительно как белогвардейцев или белых. «Запустил в жизнь» эти понятия Троцкий, считавший, что тем самым на всех противниках Советской власти ставится клеймо монархистов, то есть сторонников возвращения «старых порядков». Рассчитывая таким образом сплотить вокруг себя всех, кто в результате Февраля и Октября получил или надеялся получить определенные дивиденды, лидеры большевиков одновременно показывали всему миру, что историческая Россия является главным врагом Советов. В результате произошла подмена понятий: антибольшевистские режимы Колчака, Деникина, Врангеля стали характеризоваться как режимы монархические, хотя на самом деле они таковыми не были.

Более того, из пятерых главных организаторов и вождей «белого дела» (Алексеева, Корнилова, Колчака, Деникина и Врангеля) только Врангель не был причастен к заговору против Императора Николая II. Остальные либо находились в числе непосредственных организаторов переворота, либо были осведомлены о нём и сочувствовали ему. Причины участия генералов в Февральском заговоре представляются различными. Но, безусловно, важнейшей из них был отход значительной части верхушки армии и офицерства от духовных идеалов Святой Руси, активное воздействие на них модных либеральных и демократических увлечений, которыми болело русское общество в последние перед революцией десятилетия.

Секуляризированный ум целого ряда представителей генералитета, особенно тех из них, кто вышел из «низов», мечтал о власти или, по меньшей мере, о прямом участии в политической жизни страны, что возможно было лишь при новом государственном строе.

Личные амбиции прикрывались разговорами о необходимости демократических преобразований ради развития России. Давние связи генералов М. В. Алексеева и Н. В. Рузского с А. И. Гучковым и лидерами прогрессивного блока способствовали их взаимодействию в феврале 1917 г. Оба генерала сыграли главную роль в лишении Государя свободы передвижения в Пскове 1-2 марта 1917 г. Алексеев, пользовавшийся у царя полным доверием и облагодетельствованный им, 8 марта 1917 г. в Могилёве объявил Императору, что тот арестован. В тот же день в Царском Селе генерал Л. Г. Корнилов с красным бантом на груди арестовал Государыню и детей.

И после февральского переворота, когда многим стало ясно, что в результате содеянного Россия катится в пропасть, генерал Алексеев во время Корниловского мятежа выступал категорически против восстановления монархии, чем несказанно удивил В. А. Маклакова, одного из участников её свержения, но под влиянием революционной вакханалии вновь

ставшего монархистом [Якобий И. П. Император Николай II и революция. — М.: Общество святителя Василия Великого, 2005. С. 366].

Первый революционный командующий Петроградским Военным округом генерал Лавр Корнилов 6 апреля 1917 г. наградил Георгиевским крестом фельдфебеля Т. Кирпичникова, который утром 27 февраля выстрелом в спину убил командира роты Лейб-гвардии Волынского полка штабс-капитана И. С. Лашкевича, призывавшего солдат остаться верными присяге. При награждении Корнилов заявил: *«Я считаю, что происшедший в России переворот является верным залогом нашей победы над врагом. Только свободная Россия, сбросившая с себя гнёт старого режима, может выйти победительницей из настоящей мировой борьбы»* [Мартынов Е. И. Корнилов. История попытки переворота // Политика и стратегия. 2003]. Участие боевого генерала в столь позорном акте награждения солдата, убившего своего командира за то, что тот пытался остановить взбунтовавшийся полк, показывает, до какой низкой степени пали представления о христианской морали, воинском долге даже у таких храбрых военачальников, каким был в годы Первой мировой войны Корнилов.

Сразу же после переворота все генералы-февралисты получили, правда ненадолго, повышение по службе и перспективу политического влияния. Алексеев стал Верховным главнокомандующим, советником Временного правительства, Корнилов — командующим войсками ключевого Петроградского военного округа, затем на короткое время он сменил генерала А. А. Брусилова на посту Верховного главнокомандующего. Деникин совершил головокружительный скачок в военной карьере: с должности командира 8-го корпуса он стал начальником штаба Верховного главнокомандующего, а затем командующим Западным фронтом. Примечательно, что начальником штаба Верховного главнокомандующего Деникин был назначен по личному приказу Гучкова. Причём этот приказ Гучков отдал Алексееву, который был против назначения Деникина, в ультимативной форме.

Энергично приветствовали свержение Царя многие генералы и старшие офицеры — представители национальных окраин. Среди них будущий диктатор Финляндии, этнический швед генерал барон Карл Маннергейм, грузин генерал Георгий Квинитадзе, ставший главнокомандующим войсками меньшевистской Грузии, поляк генерал Владислав Клембовский, впоследствии военачальник Красной армии, флигель-адъютант Государя, генерал-лейтенант Павел Скоропадский, будущий «гетман Украины», и другие.

Однако было бы неправдой, говоря о событиях 1917 — 1918 гг. утверждать, что подавляющее большинство русских генералов и офицеров забыли о присяге и пошли в услужение Временному правительству. Отнюдь нет. Очень многие просто ушли из армии, стремясь осмыслить произошедшее и затем принять соответствующее решение. Так, например, поступил полковник-кавалергард, в годы Первой мировой командир 3-го

Таманского полка Кубанской казачьей дивизии граф М. П. Граббе. Человек глубокой веры, он сосредоточился на работе по укреплению Русской Православной Церкви, хорошо понимая её важную роль в условиях распада государства. На пятый день после октябрьского переворота именно полковник Граббе с трибуны Всероссийского Поместного собора Русской Православной Церкви предложил восстановить патриаршество.

Другие генералы и офицеры отказывались служить Временному правительству подчеркнуто демонстративно, выражая тем самым свой протест против свержения монархии. Директор Донского кадетского корпуса, одного из лучших в императорской России, генерал-лейтенант П. Н. Лазарев-Станицев сделал это перед строем своих воспитанников-кадет, заявив, что он присягал Государю и больше никому присягать не намерен. Убежденный монархист, генерал Лазарев-Станицев впоследствии служил в Вооруженных силах Юга России и закончил свой жизненный путь в августе 1920 г. на далеком греческом острове Лемнос, где он отдал много сил

обустройству нескольких тысяч русских беженцев — женщин, детей, раненых и больных военнослужащих, вынужденных под угрозой красного террора покинуть горячо любимую Родину [Решетников Л. П. Русский Лемнос. С. 20-21].

Высшую преданность явили Божьему Помазаннику представители старой русской аристократии — генерал-адъютант князь В. А. Долгорукий и генерал-адъютант граф И. А. Татищев, добровольно последовавшие за Царской Семьей в ссылку и принявшие мученическую смерть в Екатеринбурге летом 1918 г. Граф Татищев говорил: *«Я желал бы только одного - чтобы меня не разлучали с Государем и чтобы дали умереть вместе с ним»* [Мультиатули П. В. Николай II. Дорога на Голгофу. Свидетельствуя о Христе до смерти. — М.: АСТ, 2010. С. 67].

Прославленный командир III-го кавалерийского корпуса, «золотая шашка России», как называли его в армии, генерал от кавалерии граф Ф. А. Келлер отказался признать факт «отречения» Государя и присягать Временному правительству. 5 апреля 1917 г. Келлер был отстранён от командования корпуса «за монархизм». Он покинул ряды армии и уехал на Украину, где жил частной жизнью. В начале 1918 г. Алексеев и Деникин тщетно упрашивали графа присоединиться к Добровольческой армии. Объясняя причины своего отказа, Келлер писал генералу Деникину: *«Мне казалось всегда отвратительным и достойным презрения, когда люди для личного блага, наживы или личной безопасности готовы менять свои убеждения, а таких людей громадное большинство. <...> Каждый Ваш доброволец чувствует, что собрать и объединить рассыпавшихся можно только к одному определённом месту или лицу. Вы же об этом лице, которым может быть только прирождённый, законный Государь, умалчиваете. Объявите, что Вы идёте за законного Государя, и за Вами пойдёт без колебаний все лучшее, что осталось в России, и весь народ, истосковавшийся по твёрдой власти»* [Граф Келлер. — М.: Посев, 2007. С. 68].

Ещё откровеннее Келлер отзывался о Корнилове: *«Корнилов - революционный генерал. Я же могу повести армию только с Богом в сердце и Царем в душе. Только вера в Бога и в мощь Царя могут спасти нас, только старая армия и всенародное раскаяние могут спасти Россию, а не демократическая армия и "свободный" народ. Мы видим, к чему нас привела свобода: к позору и невиданному унижению... Из корниловского предприятия ровно ничего не выйдет, помяните мое слово. Всё кончится гибелью. Погибнут невинные жизни»* [Указ. соч. С. 73].

О тех, кто перешёл на службу революционерам, неважно к красным или белым, граф Келлер пронизательно говорил, что часть из них *«держится союзнической ориентации, другая — приверженцы немецкой ориентации; но те и другие забыли о своей русской ориентации»*. В конце 1918 г. граф решил приступить к формированию монархических вооруженных сил. На мундирах её бойцов были нашиты белые кресты — символы Белой армии. Но генерал Ф. А. Келлер не успел закончить задуманное — он был убит петлюровцами 8/21 декабря 1918г. в Киеве.

До конца оставался верным присяге, данной Государю, генерал от кавалерии П. К. фон Ренненкампф. Во время Первой мировой войны, после неудачи в Восточной Пруссии и под Лодзью он был отправлен в отставку и проживал в Петрограде. В феврале 1917 г. Ренненкампф был арестован как «опасный» монархист и помещён в Петропавловскую крепость. После падения Временного правительства в октябре 1917 г. генерал вышел на свободу. Большевики надеялись, что «немец» будет им благодарен и перейдёт к ним на службу. Но этого не случилось. Ренненкампф уехал в Таганрог, где скрывался под чужим именем. Его раскрыли, и Троцкий предложил генералу ни много ни мало, как войти в руководящий состав Красной армии. В противном случае ему грозили смертью. У генерала Ренненкампфа, казалось, были веские мотивы согласиться на большевистские предложения, но он ответил отказом: *«Я стар, мне мало осталось жить, ради спасения своей жизни я изменником не стану и против своих не пойду»*.

Дайте мне хорошо вооруженную армию, и я пойду против немцев, но у вас такой армии нет; вести вашу армию значило бы вести людей на убой, я этой ответственности на себя не возьму» [Акт расследования об убийстве большевиками генерала от кавалерии Павла Карловича Ренненкампа // Красный террор в годы Гражданской войны. По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / Под ред. докторов ист. наук Ю. Г. Фельштинского и И. Г. Чернявского. — М.: Терра, 2004].

По личному приказу председателя Реввоенсовета Антонова-Овсеенко генерал Ренненкампа был зверски убит в ночь на 1 апреля 1918 г. Внучатый племянник генерала, проживающий сегодня во Франции, рассказывал о его последних минутах. По его словам, русские солдаты отказались стрелять в старика-генерала, и тогда его отдали на растерзание «красным черкесам», которые выкололи Ренненкампу глаза и убивали его долго и мучительно холодным оружием. Промыслительно, что генерал Ренненкампа за несколько дней до убийства принял Православие.

Вот ещё один пример верности: генерал-адъютант Гусейн Али Хан Нахичеванский. Единственный в российской истории генерал-адъютант — мусульманин по вероисповеданию. Хан Нахичеванский отказался признать Временное правительство и послал телеграмму Императору Николаю II с выражением своей преданности. По приказу генерала Брусилова Али Хан был отстранен от командования, а затем фактически отправлен в отставку. После большевистского переворота Хан Нахичеванский арестован и заключён в Петропавловскую крепость. Предположительно 29 января 1919 г. он был расстрелян большевиками в качестве заложника. Могила его до сих пор не найдена.

Примеров верности много, но примеров предательства, трусости и обмана, наверное, не меньше. Часть генералитета и кадрового офицерства вихрем всероссийской смуты занесло на службу красным. Причины разные: здесь и угроза жизни своей и родных, личные карьеристские устремления, неприятие демократических лозунгов антибольшевистских движений и увлеченность идеей «сильной руки», просто необходимость кормить семью и т.п. В общем, ничего героического, всё довольно прозаично. Судьба подавляющего большинства этих людей печальна. Те, кто пережил чистки середины 20-х — начала 30-х гг., нашли свой конец в 1937 — 1939 гг. Мало кто дотянул до Великой Отечественной войны и принял в ней участие. Страшный суд на Небе, но нередко он происходит уже на земле.

Захват власти большевиками и заключённый ими в 1918 г. «похабный» Брестский мир, по которому Германии отдавались огромные территории Российской империи, возмутили всех патриотов России, но особенно боевых офицеров-фронтовиков, которые четыре года проливали кровь на войне. Этим возмущением воспользовались мятежные генералы. Целый ряд из них тоже искренне были недовольны Брестским миром и справедливо клеймили за него большевиков. Только при всём своём критическом отношении они не хотели понять и признать, что этот мир в значительной степени стал следствием их мартовской измены в 1917 г.

Не будет преувеличением сказать, что успех в Гражданской войне напрямую зависел от покаяния создателей Добровольческой армии (Алексеева, Корнилова, Деникина) за содеянное ими в марте 1917 г. Ведь речь шла об открытом предательстве Помазанника Божьего людьми, которые должны были его защищать и по долгу службы, и по христианскому, православному пониманию происходящего. Но никаких слов покаяния публично не прозвучало. Это особенно прискорбно, так как, судя по отдельным высказываниям «белых» вождей, они уже к началу 1918 года пришли к выводу, что единственный путь спасения для России — это монархия. В январе 1918 г. генерал Алексеев в частном письме выразил уверенность, что *«нормальным ходом событий Россия должна подойти к восстановлению монархии. Как показал продолжительный опыт пережитых событий, никакая другая форма правления не может обеспечить целостность, единство, величие государства и объединить в одно целое различные народы, населяющие его*

территорию» [Деникин А. И. Указ. соч. С. 144].

Генерал Корнилов во время «Ледяного похода» в беседе с некоторыми офицерами заявлял: *«После ареста Государыни я сказал своим близким, что в случае восстановления монархии мне, Корнилову, в России не жить. Это я сказал, учитывая, что придворная камарилья, бросившая Государя, соберётся вновь. Но сейчас, как слышно, многие из них уже расстреляны, другие стали предателями. Я никогда не был против монархии, так как Россия слишком велика, чтобы быть республикой. Кроме того, я — казак. Казак настоящий не может не быть монархистом»* [Керсновский А. А. История русской армии. — Белград. 1933-1938. Ч. IV. С. 949-950].

Но все эти сентенции, которые могли бы сыграть положительную роль, если бы они были высказаны публично, генералы — активные участники февральского переворота — предпочитали произносить в узком кругу. А для народных масс широким потоком лилась ложь и демагогия о «свободной демократической России».

Ни одно антибольшевистское правительство вплоть до 1920 г. не провозглашало своей целью восстановление монархии, более того, все они были ей враждебны. Корниловский ударный полк, отправляясь воевать с большевиками, распевал: *«Мы былого не жалеем, Царь нам не кумир, Лишь одну мечту лелеем: Дать России мир...»* А ведь в этот момент Государь и его Семья были ещё живы и находились в заточении в Тобольске. А так называемое «белое воинство» уже заявляло, что оно не жалеет Царя! Вдумаемся в эти слова: не «не жалеет», а именно **не жалеет!**

Идеологической сутью «белых» режимов по-прежнему оставался «феврализм», с его чуждыми русской цивилизации западными представлениями о развитии государства. Поэтому правильнее и точнее называть их не белым, а антибольшевистским движением. Прямым организаторам военного заговора против Царя было не дано принять активное участие в борьбе с советской властью. В самом начале Гражданской войны в результате трагических, неожиданных или нелепых смертей ушли из жизни Рузский, Алексеев, немного позже Корнилов. Сочувствовавшим февральскому перевороту Колчаку и Деникину пришлось испытать всю чашу горечи поражений и стать ответственными за полный крах антибольшевистской борьбы. Более того, Колчак был предан на смерть западными (французскими) «союзниками», на помощь которых он так рассчитывал. Только воинствующий атеист или фанатичный глупец не увидит во всем этом Промысл Божий.

Тем не менее несомненной заслугой Алексеева, Корнилова, Колчака, Деникина стала сама организация сопротивления большевизму. На их призыв откликнулось множество русских людей: офицеров, юнкеров, казаков, кадетов, гимназистов. Им не хватало общей идейной платформы, но они были объединены одним желанием: освободить Родину от её поработителей-большевиков, защитить тот образ жизни, который был характерен для тысячелетней России. Сотнями они стали стекаться на Дон, записываться в Добровольческую армию.

*Им нет ни креста, ни могилы.
Простого камня нет над ними.
В Россию целую зарыты,
С нею навеки в единое слиты.
Кто они? Гимназисты, врачи, юнкера,
Вчерашние повесы иль богомольцы
Сегодня неважно. Им всем война
Имя дала — добровольцы!*

П. Мультатули

Из Румынии в Новочеркасск со своим полком прорывается герой войны, георгиевский

кавалер, полковник М. Г. Дроздовский, который в Яссах участвовал в создании тайной монархической организации. Дроздовский в белом движении проявил себя как блестящий, мужественный военачальник. Он умер в ноябре 1918 г. от легкого ранения в ногу, осложнившегося начавшейся гангреной.

Большинство генералов и офицеров антибольшевистских движений честно и смело шли в бой за историческую Россию, за прежнюю жизнь, под которой подразумевались и гордость за Родину, её историю, и приверженность традициям — религиозным, народным и семейным, и за возможность служить, работать и любить так же, как это делали многие поколения русских людей. Юденич, Мамонтов, Марков, Каппель, Кутепов, Науменко, братья Бабиевы, К. Агоев, Чернецов, сотни, тысячи храбрых русских генералов и офицеров после трех лет тяжелейшей мировой войны вновь встали в строй, чтобы спасти Россию от полного исчезновения. Честь им и хвала.

В одном ряду с ними сражалось огромное число русской молодежи. Гимназисты, кадеты старших классов и юнкера нередко составляли большую часть белых подразделений. Самоотверженность и героизм этих юношей, а во многих случаях ещё мальчиков, потрясали современников, потрясают и нас. Во времена нового государства — Советского Союза — мужество этих ребят тщательно скрывалось, замалчивалось, подвергалось клевете. Многие помнят советский художественный фильм «Бег». В нём есть сильный эпизод, когда командир киевского военного училища, построив юнкеров в актовом зале, обращается к ним с проникновенной речью, заявляя, что, мол, не за что и не за кого рисковать жизнью, поэтому расходитесь по домам. Юнкера с грохотом бросают на паркет винтовки и быстро разбегаются. Эта сцена сыграна блестяще талантливыми актерами. Она запоминается надолго, если не на всю жизнь. Но на самом деле вся эта сцена не более чем хорошо срежиссированная и сыгранная ложь.

Подлинные, а не киношные юнкера Киевского Константиновского артиллерийского училища в декабре 1917—январе 1918 приняли активное участие в боях с наступающими на город петлюровцами. Когда стало ясно, что Киев не удержать, командир училища действительно построил юнкеров в актовом зале. Однако вопрос своим воспитанникам он задал совсем другой: продолжаем борьбу или нет? Практически все ответили «да»; 158 юнкеров и офицеров-преподавателей прорвались к вокзалу, погрузились в поезд и несколько суток пробивались на Дон. Напомним, что к тому времени на Дону ещё не было создано никакой организованной военной силы для борьбы с большевиками. О Добровольческой армии шли только разговоры. Именно юнкера-константиновцы, разбежавшиеся, по советской версии, по домам, на самом деле стали одним из первых подразделений Добрармии. Потом были два года боев и походов, побед и поражений. Большинство из 158 юнкеров положили свои молодые жизни за Россию. Гибель сотен тысяч русских патриотов в рядах белых армий — это искупительная жертва русского народа за всё то, что случилось со страной, когда историческая Россия оказалась у последней черты, за которой она исчезла, а на ее руинах обосновался Советский Союз.

Любовь к Родине, мужество, смелость, решительность — всё это было в рядах белых армий, но для победы не хватало всеобъемлющей идеи, сверхзадачи, величественной цели. Хорошо говорил об этом генерал М. К. Дитерихс: *«Единственной существовавшей идеей, владевшей, пожалуй, всеми и объединявшей нас против советской власти, являлась одна маленькая несвятая идейка — это жалкая идейка мести, ненависти к большевикам. Но такая отрицательная идейка не могла создавать прочного и национального братского или государственного объединения, ибо сама по себе носила в себе, как отрицательная, элементы разрушения»* [Генерал Дитерихс. — М.: Посев, 2004].

Элементы разрушения были особенно заметны в первых антибольшевистских

формированиях, известных под общим названием «армия КОМУча». Вот как воспринимал военнотружущих армий Комуца будущий колчаковский генерал Сахаров: *«В Бузулуке я увидел первый полк новой народной армий. Без погон, со щитком. наподобие чешского на правом рукаве, почему-то с георгиевской ленточкой вместо кокарды на фуражке. Вид полутоварищеский»* [Сахаров К. В., генерал-лейтенант. Белая Сибирь. (Внутренняя война 1918-1920). — Мюнхен, 1933. С. 10]. Барон А. Будберг писал об этих «полутоварищах»: *«Мне кажется, что большинство из них лишь случайно не на красной стороне: кому не пришлось случайно в сложившейся обстановке, а кто по привычке шарахнулся на свою, оказавшуюся белой сторону»* [Будберг А, барон. Дневник. — М.: Молодая гвардия, 1990. С. 176].

Еще раз подчеркнем, что значительную часть армий Алексева, Колчака, Деникина, Юденича, конечно составляли те, кто не принял февральский переворот видел спасение России в возвращении к её истокам. Именно они являлись подлинными героями Белой борьбы. Но их позиция не находила понимания у вождей антибольшевистской коалиции. В её рядах было много эсеров, кадетов, других вчерашних врагов императорской России. Они продолжали исповедовать свою либеральную или революционную, нередко даже террористическую, идеологию. О связях Колчака с эсерами говорить не приходится: он был весь опутан ими. Как писал впоследствии белый генерал В. А. Кислицын, преобладание в колчаковском руководстве эсеров *«убивало в офицерском составе Белой армий дух и веру в будущее. Для офицеров не было дорогих лозунгов — за Веру, Царя и Отечество!»* [Июффе Г. З. Крах Российской монархической контрреволюции. — М., 1977. С. 124-125].

Но были у «верховного правителя» советники и по- страшнее эсеров. Например, родной брат Якова Свердлова Зиновий, известный под фамилией Пешков. Он прибыл в Сибирь как представитель французской армий в чине капитана. На самом деле Зиновий Свердлов был направлен к Колчаку заграничными структурами — организаторами революции в России. Поддерживал он и контакты со своим братом Яковом. О том, что адмирал Колчак находился в сильной зависимости от подобных личностей, свидетельствуют его собственные слова, сказанные генералу Сахарову: *«Как каждый честный русский человек», я испытываю «сплошную тоску по старой, прежней России и стыд за то, что с ней сделали. В России возможна жизнь государства, порядок и законность только на таких основаниях, который желает весь народ. А все слои русского народа, начиная с крестьян, думают только о восстановлении монархии, о призвании на престол народного Вождя — законного Царя. Только это движение имеет успех».* Сахаров спросил адмирала: *«Так почему же не объявить теперь же о том, что Омское правительство понимает народные желания и пойдёт этим путём?»* На это Колчак, саркастически усмехнувшись, ответил: *«А что скажут наши иностранцы-союзники? Что скажут наши министры?»* Верховный правитель развил свою мысль, что нужно искать соглашения с эсерами, так как их поддерживают союзные армий [Сахаров К. В. Указ. соч. С. 148].

В то же время простой русский народ в начале Гражданской войны смотрел на неё как на борьбу царского войска с безбожным. Между тем в армий Колчака, одетой в форму, представляющую собой смесь из русской, английской и чешской, было немалое число случайных людей, а то и откровенно уголовного элемента. Всё это приводило к тому, что зачастую белые насильничали и грабили не меньше красных. Но если с красными в народе всё было более или менее понятно с самого начала, то в отношении белых существовала иллюзия, что с ними возвращается старая царская власть. Генерал К. В. Сахаров вспоминал о своей встрече с русскими крестьянами в 1919 г. в разгар наступления белых: *«Сильно была распространена в народе версия, что Белая армия идёт со священниками в полном облачении, с хоругвями и поют "Христос воскрес!". Народ радостно крестился, вздыхал и просветленным взором смотрел на*

восток, откуда шла в его мечтах уже его родная, близкая Русь». Когда же стало ясно, что вместо родной Руси идёт армия, которая не имеет чёткого представления, за что она воюет, народ, говоря словами того же генерала Сахарова, понял: «На поверку-то вышло не то». Да и что было думать простым людям, когда армия КОМуча входила в освобождённую от большевиков Казань под звуки «Марсельезы»?

В деникинских Вооружённых силах Юга России за исполнение гимна «Боже, Царя храни!» офицеров сажали на гауптвахту. По воспоминаниям В. В. Шульгина, контрразведка Деникина вела настоящее преследование монархистов-офицеров.

Таким образом, народ не отвернулся от Белой идеи, он её просто не нашёл ни в армии Колчака, ни в армии Деникина. **Их поражение стало не поражением Белого дела, а окончательным поражением феврализма.** Царским изменникам Бог не даровал победы. Сбывались слова генерала-монархиста Ф. А. Келлера о том, что Корнилов «только зря невинные жизни погубит», Своеобразным доказательством этому служит смерть самого генерала Корнилова. *«Неприятельская граната, — писал генерал Деникин, — попала в дом только одна, только в комнату Корнилова, когда он был в ней, и убила только его одного. Мистический покров предвечной тайны покрыл пути и свершения Неведомой Воли»* [Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль—сентябрь 1917 г. — М.: Наука, 1991. С. 229]. Точнее не скажешь.

Несостоятельность идеологии белого движения, несомненно, понял генерал барон П. Н. Врангель, которому было суждено возглавить последний этап борьбы с большевизмом на европейском театре военных действий. Представления о Белой борьбе у Врангеля отличались от лозунгов лидеров антибольшевистского движения 1918 — 1919 гг. Врангель открыто говорит о необходимости возвращения к вековым устоям государства и семьи, то есть возвращении к национальному традиционному коду России. Он первый из антибольшевистских руководителей, кто не побоялся официально назвать свои войска Русской армией. Замечательны слова Врангеля, сказанные им уже в эмиграции: *«Всё прошлое России говорит за то, что она рано или поздно вернется к монархическому строю, но не дай Бог, если строй этот будет навязан силой штыков или белым террором»* [Бортневский В. Г. Загадка смерти генерала Врангеля. — СПб., 1996. С. 15-16].

Врангеля можно назвать первым антибольшевистским лидером, который начал поворот от феврализма к Белой идее. Даже поражение Русской армии Врангеля её исход из России коренным образом отличались от разгрома других антибольшевистских сил. Русская армия уходила непобеждённой, организованной силой, под знамёнами Российской императорской армии. Уход русских кораблей, на борту которых были тысячи офицеров, казаков, священников, сестёр милосердия, горожан, крестьян, знаменовал собой уход великой тысячелетней России. Она скрылась подобно мифическому граду Китежу. Но эти всплески сопротивления русской национальной идеи не могли остановить безбожные, антироссийские силы, «соблазнившие», говоря словами И. Ильина, значительную часть нашего народа. Борьба была проиграна значительно раньше.

Врангелевский Крым, несмотря на его выгодное отличие от колчаковского Омска или деникинского Орла, не смог до конца освободиться от ядовитых плевел феврализма. В составе правительства Врангеля присутствовали такие личности, как бывший легальный марксист, либерал П. Б. Струве, бывший министр земледелия, крупный масон А. В. Кривошеин. Кривошеин был у Врангеля главой правительства, а Струве — фактически министром иностранных дел. Министром финансов Врангеля стал бывший министр финансов Временного правительства, масон М. В. Бернацкий. Доверенным лицом Врангеля в Париже был Н. А. Базили, один из главных составителей т.н. манифеста об отречении Императора Николая II. В. А.

Маклаков утверждал в письме к Б. А. Бахметьеву (21 октября 1920 г.), что у Врангеля нет никакой идеологии, хотя «скептики, подкапываясь под Врангеля, упрекают его в реставрационных замыслах». Думается, что Маклаков слишком радикально высказался насчёт идеологии Врангеля и генерала не зря подозревали в антидемократических и промонархических настроениях. Но мог ли он сделать больше в этом направлении, чем то, что мы перечислили выше? Засилье в Крыму политиков, погубивших Россию в феврале 1917 г. и, самое главное, жесткое давление единственного союзника — Франции, готовой поддержать любой режим, лишь бы он гарантировал невозвращение исторической России, не позволяли генералу Врангелю завершить свой отход от феврализма.

Кривошеин, Струве и КО нередко обслуживали исключительно французские интересы. Это хорошо видно из тех обязательств перед Францией, которые взяло на себя правительство Врангеля. В секретном договоре с Парижем оно признало все долги, аннулированные большевиками, согласилось платить проценты на просроченные процентные выплаты. При этом в качестве гарантий предусматривалась передача французской стороне права эксплуатации на определённый срок всех железных дорог европейской части России, а также права взимания таможенных и портовых пошлин во всех портах Черного и Азовского морей.

К концу 1920 г. всем стало ясно, что белые проиграли битву за Россию. Гражданскую войну выиграла красная. Но они победили не потому, что большевистская идеология была верной, а потому, что антибольшевистское движение свою идеологию так и не сформулировало. Лучшие русские люди из самых разных слоёв общества поверили белому делу. Сотни тысяч из них пали в борьбе с большевизмом, во имя того, чтобы «красный» проект никогда не восторжествовал в России. Не они, а руководство антибольшевистского движения несёт ответственность за то, что смертельная схватка с большевизмом обернулась роковой неудачей.

По мере того как Белая борьба терпела поражение, всё большее число её участников начинали задумываться о её причинах. И всё большее число мыслящих людей, русских патриотов, начинали осознавать, что они воевали за ошибочные цели. Солдаты, офицеры и генералы, все, кто не был заражён либерализмом и «вождизмом» или вылечился от них в ходе ожесточенной Гражданской войны, кто искренне хотел остановить большевизм, приходили к выводу, что **только Православие может быть настоящей Белой идеологией и только Царь может быть настоящим Белым Вождём.** Это понимание произошедшего очень хорошо выразил в начале 20-х годов один русский офицер, участник Белого движения: *«На нас, на всех лежит ответ за кровь Государя и за гибель нашей земли. Одни, в безумии своём, восстали на власть, создавшую Россию; другие, по нерадению и малодушию, не сумели этот мятеж подавить; третьи, по невежеству своему, равнодушно взирали на крушение вековых устоев нашей Державы. И все, и каждый из нас виновны в том, что не сумели сохранить и уберечь Царя своего. И Бог карает за это русский народ. С падением Престола, со смертью Царя всего лишилась Россия. Величие и славу, святыни и богатства... Всё... Всё... и даже своё имя она потеряла... Всё потеряла, и сама отлетела, как сон.. И там, на далёком Севере, где в безымянной, неотпетой могиле покоится прах её последнего Государя, там же легла и сокрылась Россия. И будет лежать там дотол, доколе не склонит перед этой могилой колени весь Русский Народ и не оросит её живой водой своего покаяния. И встанет тогда Россия, и грозно будет её пробуждение...»* [Русская летопись. — Париж, 1925. Кн. 7. С. 7]

23 июля 1922 г. во Владивостоке, последнем оплоте антибольшевистских сил, собрался Приамурский земский собор. Почётным председателем Собора заочно был единодушно избран Святейший Патриарх Тихон. Фактическим же его председателем и организатором был генерал М. К. Дитерихс. В обращении к Патриарху, в грамоте Земского собора говорилось: *«Земля Дальнего Русского Края объединяется вокруг Вас как своего Вождя, с пламенным желанием*

вернуть русскому народу свободу и собрать воедино бредущих розно в смутную годину русских людей под высокую руку Православного Царя. Да восстановится Святая Русь в её прежнем величии и славе!» В конце работы Земского собора генерал М. К. Дитерихс, один из благороднейших русских военных вождей, произнес слова, которые очень точно объясняют, почему проиграли белые: *«Я верю, что Россия вернётся к России Христа, России Помазанника Божьего. Мы были недостойны этой милости Всевышнего Творца»* [Дитерихс М. К. Заветы монархическому движению. С. 550].

Все те, кто не хотел или не мог жить под властью богоборческого, антинародного режима, кто не погиб в кровавые годы Гражданской войны, покинули горячо любимую Россию. Речь идёт о миллионах беженцев. Историческая, традиционная Россия, изгнанная со своей исконной территории, стала складываться среди чужих народов, среди чуждых, даже враждебных стран. Это своего рода подвиг наших соотечественников, российских беженцев. Уникальный подвиг. И тех, кто заблуждался, поддерживая «февралистов», и тех, кто до конца оставался верен Императорской России. Они сохранили её за рубежом, не в экономическом, политическом, военном смыслах, а в самом главном — духовном. И она существует до наших дней. Пусть не в том масштабе, как ещё 35 — 40 лет назад, ведь ушли поколения, но существует во внуках и правнуках.

Из этой духовной России мы черпаем знания и силы для продолжения работы по возрождению нашей исторической Родины.

Глава третья

ТУПИКИ БЕЗНАДЁЖНОСТИ: СТАЛИНИЗМ, ЛИБЕРАЛИЗМ, НАЦИОНАЛИЗМ

Горькие плоды грехопадения 1917 года, крушения самодержавия, векового стержня русской православной цивилизации, начали ощущаться народом с первых же дней «новой жизни». Чем дальше уходили в прошлое дни «великой и бескровной», чем больше сгущался мрак большевистского господства, с его экспроприациями, заложниками и чрезвычайками, чем меньше ценилась человеческая жизнь, тем больше люди самых разных взглядов и убеждений, в том числе те, кто ещё недавно ждали революцию и славили её, начинали прозревать. Так, П. Б. Струве летом 1918 г. открыто сыпал проклятия на головы Львова, Родзянко, Керенского и большевиков. Когда ему напомнили его энтузиазм в февральские дни, Струве зло ответил: *«Дурак был!»* [Иоффе Г. З. Указ. соч. С. 72]

В простом народе ощущалась ностальгия по монархии, по прежней жизни. Летом 1917 г. в Петрограде и Москве прошли манифестации с портретами Наследника Цесаревича Алексея Николаевича и Великого князя Михаила Александровича. В конце того же года один петроградский рабочий так выразил настроения многих жителей пролетарских кварталов столицы: *«Я всегда был далек от политики. Но скажу откровенно: при Николае II жилось спокойно, справедливее, устойчивее. Бери- те назад вашу свободу с революцией! Нам лучше жилось прежде, без свободы и товарищей!»* [Там же. С. 68]

Есть множество свидетельств, что убийство Царской Семьи вызвало среди обычных русских людей состояние шока. Однако в целом православно-монархическое сознание русского народа было серьёзно подорвано в предшествующие десятилетия. Возникший вакуум **большевики стали заполнять на ходу создаваемой лжерелигией. Коммунистические лидеры хорошо понимали, что сознание русского народа и народов, живших в его ареале, глубоко религиозно.** Жестоко подавляя и разрушая традиционную веру русских, идеалы Святой Руси, новая власть обязана была, если не хотела погибнуть уже через несколько лет, дать «религиозное» обоснование своих действий. Конечно, речь не могла идти о Боге, о Царствии Небесном, об аде, о грехе перед Всевышним. Всё это, с одной стороны, отменялось, самым беспощадным образом вытравливалось из сознания людей, а с другой опускалось на землю.

Вместо Бога — вождь, вместо Царствия Небесного — счастливое будущее, коммунизм, который все обязаны самоотверженно строить, вместо ада — концлагеря, ну а за «грехи» (ошибки и отклонения от линии партии, а позднее и соцморали) — ответ перед ЧК, парткомом или, кому повезло, профкомом. В общем, дьявольская подмена.

Часть населения, у которой были сильны православное мировосприятие и традиции, её не приняла. Она подлежала физическому уничтожению в 20-40-е, а в 50-80-е гг. политическому преследованию. Другая же часть народа, особенно вступившая в советский период истории нашей страны в юные годы, а тем более родившаяся после революции, постепенно приняла эту ересь в качестве своей идеологии, своей религии. Подлинной альтернативы ей, вследствие жесточайшего террора в отношении носителей православной идеи, они не видели, а подменная ересь на генном уровне воспринималась как что-то близкое, чуть ли не родное. С этой лжерелигией большая часть народа жила, совершала трудовые и боевые подвиги, ошибки и проступки. Она стала для неё как бы объяснением смысла жизни в те годы. Однако такое объяснение приводит к оправданию не только всего доброго, сделанного народом за годы советской власти, но и огромного зла, сотворенного ею. Именно из-за этого многие люди и сегодня не способны отделить зёрна от плевел, народное заблуждение — от сознательных преступлений строя, осмыслить суть событий 1917 — 1991 гг., отказаться от идейного, лжерелигиозного наследия коммунобольшевизма.

Вспомним, как создавалось это «наследие». В борьбе с христианством ставка только на террор не давала ожидаемого эффекта. Нужно было соблазнить колеблющихся и пошатнувшихся в вере новыми «святынями» и «богами». В 1924 г. после смерти Ленина его тело большевики превратили в лжемощи, которые были размещены в центре святой для православного сознания Москвы в мавзолее — копии вавилонского языческого храма Зиккурата. К слову сказать, верховным божеством в Вавилоне был идол Вил. Удивительное «совпадение» с инициалами В. И. Ленина! В честь Вила в Вавилоне был воздвигнут огромный храм в виде четырёхугольной башни, состоящей из восьми уменьшающихся башен, воздвигнутых одна на другую [Библейская энциклопедия. — М.: ЛОКИД-ПРЕСС, 2005]. Разве не напоминает мавзолей?

Статуи (идолы) Ленина в самый короткий срок покрыли всю Россию. Как правило, они ставились на месте разрушенных большевиками церквей или в самих церквях, приспособленных в лучшем случае под клубы и госучреждения. Причём чаще всего статуя помещалась в алтарной части храма. В древней Костроме фигуру Ленина водрузили на постамент-часовню, предназначавшуюся для памятника 300-летия Дома Романовых. Так он и стоит до сих пор с протянутой рукой фактически на крыше церкви. Правда, в последние десятилетия рука дважды отваливалась и в результате дополнительного крепежа стала непомерно длинной...

Внедрение новой лжерелигии шло в 20 — 30-е годы в России ударными темпами: сносились и закрывались храмы (главным образом православные, но не щадили и мечети, дацаны, синагоги), массово арестовывались священнослужители, большая часть из которых была расстреляна. Вместо крестин большевистская власть активно пропагандировала т.н. звезды, когда младенцев прикладывали к пятиконечной звезде и давали им соответствующие новой ереси имена: Октябрина, Трактор, Авангард, Вилор (Владимир Ильич Ленин — организатор революции), Даздроперма (Да здравствует Первое мая), Марлен (Маркс Ленин) и т.п. Старинные русские города переименовывались в честь большевистских главарей («святых» новой «религии»). Так, на карте РСФСР вместо Павловска появился Слуцк, вместо Гатчины — Троцк, вместо Елизаветграда — Зиновьевск, вместо Петрограда — Ленинград.

На этом фоне переименование в 1925 г. старинного Царицына в Сталинград (в честь генерального секретаря большевистской партии Сталина) прошло как обычное, рядовое событие. Тогда никто не мог предположить, что малоизвестный большевистский деятель будет

провозглашён полубогом, а сражение за переименованный в честь него Царицын сыграет решающую роль в ходе Великой Отечественной войны.

У нас Сталин давно превратился в миф, который вызывает либо ужас, либо восторг. «Сталинские репрессии», «сталинские лагеря», «сталинские чистки» — все эти исторические «бренды» давно уже стали частью нашего сознания. При этом мало кто задумывается, что эти репрессии, лагеря и чистки являются сталинскими в той же степени, в какой они являются репрессиями, лагерями и чистками Ленина, Троцкого, Свердлова, Дзержинского, Бухарина, Хрущёва, Тухачевского — всей большевистской верхушки, которая создавала систему, породившую эти чудовищные явления. У нас до сих пор верховной властью не был осужден красный террор как таковой. Вызывает недоумение, почему жертвы «сталинских репрессий» у нас существуют, а жертв большевистских репрессий как бы и нет? Чем террор времен революции и Гражданской войны, террор 20-х годов, террор расказачивания и раскулачивания лучше, чем репрессии 1937—1938 годов? Ведь это явления одного порядка, и корень их в большевистской доктрине строительства нового мира и создания нового человека.

Сталин по-прежнему сохраняет в нашем обществе ореол некоего божества, неважно, доброго или злого. Когда-то сам Сталин в гневе на своего сына Василия, позволившего себе очередные вольности, воскликнул: «Ты думаешь, что ты — Сталин? Ты думаешь, я — Сталин? Вот он — Сталин» — и с этими словами вождь показал на собственный портрет, висевший на стене. Вот этот «портретный» Сталин продолжает довлеть над нашим общественным сознанием [Мультиатули П. Какая дебольшевизация нужна России? // Православный Вестник. <http://orthodox-magazine.ru/articles/at566>].

Между тем понимание истинной роли Сталина, как и вообще исторических процессов и событий, возможно только в рамках православного мировоззрения. Безусловно, Сталин, сначала в качестве члена Совнаркома (правительства), а затем генерального секретаря ЦК, был активным деятелем большевистского режима. Нет никакого сомнения, что он несёт прямую ответственность за ту политику и за те беззакония, которые в СССР в 20 — 50-е гг. XX в. имели массовый характер, даже если он в некоторых случаях не являлся их главным инициатором. Сталинизм, то есть режим, сложившийся к началу Великой Отечественной войны, по отдельным вопросам декларировал порой иные идеологические догмы, чем ленинский большевизм. **Однако известные идейно-политические различия между ленинским и сталинским режимами не могут отменить их очевидную единую идейную основу.**

Абсолютно неоправданно искать принципиальную разницу между методами Ленина, Троцкого, Свердлова и Сталина. Для всех них люди были расходным материалом, а Россия — плацдармом для социально-политического эксперимента. Однако, если Троцкий и Ленин нацеливались на его проведение в «мировом масштабе» и растворение России во всемирном революционном государстве (чем не вариант мирового правительства?), то Сталин, столкнувшись с непреодолимыми проблемами в реализации этих планов, сделал акцент на превращение страны в советскую империю, во главе которой он видел себя в качестве неограниченного правителя. Ради этого Сталин безжалостно расправлялся с любым инакомыслием, уничтожил троцкистскую и другие группировки в партии, ликвидировал военный заговор. В определённой степени некоторые действия Сталина (разгром троцкизма, победа в Великой Отечественной войне) совпали с интересами возрождения исторической России. Будучи от природы незаурядной личностью, Сталин вскоре после полного захвата власти в начале 30-х годов понял, что решение сложнейших задач построения его империи, стержнем которой являлись русские, невозможно без использования русского патриотизма. Отсюда знаменитые «братья и сёстры», «образы наших великих предков», тост «за великий русский народ». Последнее обстоятельство часто вводит в заблуждение малоцерковных или

нецерковных людей, которые воспринимают сталинские прагматические подходы к преодолению препятствий на пути достижения своих целей чуть ли не как свидетельство стремления Сталина к восстановлению исторической России. Сам же Сталин нередко провозглашается наследником и продолжателем дела русских царей. Это глубокое **заблуждение!** Ведь речь вновь идёт о классической дьявольской подмене.

Опасность мифологизированного Сталина, «красного царя», заключается в том, что только его образ враги России могут с некоторой надеждой на успех использовать в борьбе с идеей Святой Руси, Белого Царя. Ни Ленин, ни Троцкий, ни тем более «божки» современной демократии не способны увлечь за собой народ: они откровенно отвратительны и жалки. «Сталин» мифический как верховный бог большевистской лжерелигии, бог беспощадный, но «справедливый», может быть привлекательным для людей духовно неразвитых или ещё только ищущих путь к истине. Но со Сталиным-мифом непременно вернётся Сталин конкретный: с террором, междоусобицей, волонтаризмом, преследованием веры. Это легко объяснимо — за ним не будет Бога, а значит, не будет мира в сердцах и душах, не будет любви и смирения, а только гордыня.

Подлинная монархия вечна, ибо она не замыкается на конкретной личности, на тирании, а признаёт над собой только Бога и служит Ему и своему народу. Однако такая монархия требует от народа гораздо более высокого уровня духовного развития, чем республика или диктатура. Выдающийся наш мыслитель И. А. Ильин писал: *«Это есть великая иллюзия, что "легче всего" возвести на Престол законного Государя. Ибо законного Государя надо заслужить сердцем, волею и делами. Монархия не самый лёгкий и общедоступный вид государственности, а самый трудный, ибо душевно самый глубокий строй, духовно требующий от народа монархического правосознания»* [Ильин И. А. Манифест Русского движения // Слово. 1991. №8. С. 83].

Для духовно ослабленного народа образ «красного царя», «эффективного менеджера» ближе и понятнее, чем образ Божьего Помазанника. Сталин — прямая противоположность Императору Николаю II, в духовном плане они несовместимы, как нельзя совместить дьявольское с Божественным. Поразительно, что этого не понимают люди, называющие себя православными, да ещё и монархистами. К сожалению, для некоторой части «православных» вера и Церковь — это скорее политическая программа и партийная организация. По-видимому, у них нет главного для верующего человека — личных отношений с Богом. Отсюда — не выбор между добром и злом, в какие бы одежды оно ни рядилось, а стремление их совместить или даже объединить ради политической целесообразности.

Сталин является естественным и прямым следствием отступничества русского общества от Бога и исторической России, произошедшего в 1917 г. Возьмём на себя смелость утверждать, что Сталин был послан России в наказание за это отступничество. Впрочем, это должно быть ясно любому думающему человеку. Народ, который не захотел иметь над собой Божьего Помазанника, получил жестокого и беспощадного правителя, в котором отобразилась вся страшная послереволюционная эпоха. Вместе с тем, ещё раз подчеркнём, исторически абсолютно неверно сваливать всю вину за случившееся с нашей страной на Сталина. Более того, такой подход игнорирует Божий Промысл.

Не только и даже не столько Сталин расшатывал устои Российской империи, не только Сталин растаптывал идеалы Святой Руси, не только Сталин отчаянно боролся за установление так называемой советской власти, которая породила (и не могла не породить) изуверскую систему, обрекшую на гибель миллионы наших отцов, дедов и прадедов. Его вынесла на поверхность та темная сила российского общества, которая родилась в результате предательства веры, забвения идеалов и традиций предков. Сталин был частью этой силы, а затем наиболее эффективным её лидером. Поэтому безумием было бы считать Сталина продолжателем дела

русских Царей. Он строил **свою** «империю», **свое** государство, не имеющую ничего общего с Российской империей, особенно в духовном смысле.

Революция, как всякий бунт, является проявлением человеческой гордыни, порой принимающей чудовищные формы. Поэтому она всегда богоборческая и антинародная. Революция по определению рождает вождей, которые быстро превращаются в тиранов и диктаторов. В этой связи нельзя пройти мимо утверждения, что некоторые вожди, мол, предают революционные идеалы и перерождаются в «консерваторов» и даже «реставраторов». Повторюсь, смысл деятельности лидеров любой революции — уничтожить до основания предыдущую систему и, как правило, силой навязать народу исключительно своё видение власти и своего места и роли в ней. Вожди бунтарей не могут не быть свержателями, полностью порвавшими со всеми морально-нравственными нормами, тем более религиозными. Ведь такие нормы не дают реализовать главную, часто тщательно скрываемую, амбицию этих людей — ВЛАСТЬ. А чтобы не выглядеть просто кровавыми бандитами, они создают свою «религию» — счастье народа и светлое будущее. Этим они столь яростно оправдывают все свои преступления, что сами со временем даже начинают верить в придуманные ими мотивы своих действий. Посмотрите на революции в Европе и Африке, Азии и Латинской Америке, начиная с XVII века и заканчивая сегодняшним днём. Вы увидите множество тиранов и диктаторов, выступавших под знаменем счастья для народа: англичанин Кромвель, француз Робеспьер, китаец Мао, ливиец Каддафи и его современные безмянные свергатели и убийцы, венгр Бела Кун, отечественные Ленин, Троцкий и Сталин. Захват власти не менял их сущности, не делал их нравственнее и добрее. Тирания была и есть естественным состоянием их душ.

Революционная сумятица идей, лозунгов, определений призвана запутать, сокрыть сущность событий и истинные мотивы вождей. Например, общепринято считать, что Наполеон Бонапарт «остановил» Французскую революцию, хотя действовал он исключительно в рамках естественного процесса ее развития, типичного для любых революций в любой стране. Даже первоначальный титул Бонапарта — «император Республики». Он никогда не был монархистом, а присвоил себе титул «император». Духовные люди того времени, несмотря на все заигрывания Наполеона с католической Церковью, понимали это. Не случайно и католическая, и православная Церкви называли Бонапарта «человеком погибели». Он был классическим диктатором, прятаясь за монархическим титулом. Империя Бонапарта — это лжеимперия. подмена, его дворянство — лжедворянства ради укрепления собственной власти использовалась монархическая традиция, жившая в народе, а подлинные роялисты, сторонники законного короля, сурово преследовались.

Как и Наполеон, Сталин с конца тридцатых годов начал придавать своему государству некоторые внешние элементы ушедшей монархии, но лишь затем, чтобы укрепить свою власть, укрепить систему. Его волновали интересы только этой псевдоимперии. Когда в начале 30-х годов Сталину, развернувшему коллективизацию сельского хозяйства, понадобилось сломить хребет сопротивлявшемуся русскому крестьянству, что было невозможно без окончательного уничтожения уже и без того обескровленной Церкви, он провозгласил «пятилетку безбожия» с взрывами храмов, арестами и массовыми убийствами священников и верующих. К 1941 г. на свободе оставалось только четыре православных митрополита. Весь остальной епископат был либо расстрелян, либо находился в тюрьмах и лагерях. Когда же во время Великой Отечественной войны стало ясно, что без поддержки Православной Церкви войну не выиграть, Сталин стал заигрывать с ней, дал некоторые послабления для церковной деятельности. После войны Церковь, по мнению вождя, исполнила свою роль, и на неё снова начался оказываться идеологический и политический прессинг, возобновились, хотя и в меньших масштабах, репрессии в отношении духовенства и верующих.

Советское государство всегда было безбожным и во многом построенном на лжи и лицемерии. Часто приходится слышать, что Сталин вернул имена Пушкина, Суворова, Кутузова, Чайковского, которые при Ленине и Троцком были «выброшены с корабля истории». Конечно, в тех конкретных исторических предвоенных условиях положительный результат от этого вынужденного шага был. Но, введя в большевистский ареопаг Пушкина, Суворова, Ушакова, Чайковского и Менделеева, Сталин поставил их в один ряд с Лениным, Горьким, Каляевым, Дзержинским, Свердловым. То есть сравнивал верующих православных людей, создававших славу и величие державы, с безбожниками, бунтовщиками и террористами, виновниками гибели исторической России. В результате мы получили новую исковерканную историю нашей страны, в которой белое смешивалось с чёрным, добро со злом, «подвиг наших великих предков» без зазрения совести сочетался «с делом великого Ленина». Положительные образы Петра Великого и Иоанна Грозного в одноимённых фильмах, во многом созданные под политический заказ советской власти, были призваны оправдать и «узаконить» власть красного диктатора. Все другие государи изображались идиотами и тиранами (как, например, Император Павел I в фильме «Суворов», Император Александр I в фильме «Кутузов», Император Николай I в спектакле МХАТ «Декабристы», Царь-Освободитель Александр II в фильме «Герои Шипки»).

Своей властью Сталин был обязан тем же самым силам, которые в своё время привели к ней Ленина и Троцкого. После революции и смерти Ленина, он вовсе не случайно оказался на вершине большевистской пирамиды. Крайне примитивно предполагать, что деятель из второго десятка большевистских лидеров самостоятельно смог не только занять высший пост в их иерархии, но и укрепиться на нем, расправившись со всеми своими столь авторитетными и влиятельными конкурентами. Сейчас хорошо известно о той большой внешней поддержке, которую имели революционеры в период подготовки и совершения государственного переворота в 1917 г. Да и в годы Гражданской войны западные страны весьма дозированно помогали антибольшевистским силам, явно делая ставку на её углубление и затягивание. Резидент английской разведки Б. Локкарт, находившийся летом 1918 года под арестом в тюрьме ЧК, получив известие о малочисленности англо-американского десанта в Архангельске, сделал следующую запись в своем дневнике: *«Видно, в Лондоне решили сделать ставку на красных»* [Lockhart R. H. V. British Agent. — New York, 1933]

Мы часто слышим опломбированном вагоне, в котором Ленин и группа его сообщников через воевавшую с Россией Германию прибыла в Петроград, чтобы поднимать народ на свержение монархии и захват власти. Безусловно, такой проезд не мог состояться без поддержки не только немецких, но и других влиятельных зарубежных сил, которым было выгодно падение самодержавия. Значительно реже упоминается об отправлении Троцкого и нескольких десятков его соратников на пароходе из США в Петроград с той же целью. И в этом случае не обошлось без вмешательства могущественной закулисы, обосновавшейся в Америке, особенно если иметь в виду арест Троцкого в ходе этого путешествия и его «чудесное» освобождение.

Поэтому, когда решался вопрос, кто возглавит Советскую Россию, «чудотворцы» из закулисы не могли остаться в стороне. Деловой и прагматичный Сталин гораздо больше её устраивал, чем болтливый и конфликтный Троцкий. Ведь в Вашингтоне и Нью-Йорке считали выгодным укрепление СССР как противовеса амбициям Лондона в Европе и перспективам возрождения сильной Германии. На роль руководителя такого государства, конечно, больше подходил не Троцкий, а Сталин. В 1928 г. одним из представителей упомянутой закулисы, скрывшимся за псевдонимом, из Нью-Йорка в Алма-Ату была послана телеграмма Троцкому, в которой от того требовалось незамедлительно отказаться от борьбы и «сдать власть ему». Без такой поддержки Сталин никогда не посмел бы выслать из страны Льва Давидовича. Примечательно, что, сменив Троцкого на должности «смотрящего», Сталин долгое время

продолжал троцкистскую экономическую политику.

В 20-е гг. Троцкий был убеждённым сторонником коллективизации. Он писал: *«Растущему фермерству деревни должен быть противопоставлен более быстрый рост коллективов. Необходимо систематически, из года в год, производить значительные ассигнования на помощь бедноте, организованной в коллективы... Должны быть вложены гораздо более значительные средства в совхозное и колхозное строительство. Необходимо предоставление максимальных льгот вновь организующимся колхозам и другим формам коллективизации»* [Коммунистическая оппозиция в СССР. М., 1990. Т. 4. С. 128]. Тогда Сталин и его сторонники резко критиковали Троцкого за подобные идеи. В обращении «Об успехах и недостатках кампании за режим экономии», подписанном Сталиным, Рыковым и Куйбышевым, говорилось, что один из возможных путей индустриализации состоит в том чтобы *«обобратить максимально крестьян, выжать максимум средств и передать выжатое на нужды индустрии На этот путь толкают нас некоторые товарищи»* [Правда 1927. 17 августа].

Сразу же после высылки Троцкого Сталин послал специальную делегацию в Нью-Йорк с целью заверить американский крупный бизнес, что главные лозунги Троцкого — «Ударим по кулаку!» и «Даёшь индустриализацию страны!» будут претворяться в жизнь сталинским руководством. Некоторые решения Троцкого, с которыми Сталин был ранее категорически не согласен, например строительство Днепрогэса, стали немедленно реализовываться, так как в них был заинтересован американский капитал, принявший активное участие в этой «стройке коммунизма». Причины такой американской «филантропии» объясняются в книге Э. Саттона. В 1929 г. американский президент Г. Гувер встретился с виднейшими предпринимателями США из Центра Рассела. Они заявили Гуверу: *«Приближается кризис. Попытаться избежать трудного положения, в котором могут оказаться США, можно лишь изменив расстановку сил в мире. Для этого надо оказать помощь России, чтобы она окончательно избавилась от разрухи — последствий Гражданской войны, и помочь Германии избавиться от тисков Версальского договора»*. Гувер возразил: *«Но на это нужны деньги, несколько миллиардов. Да и для чего нам это нужно, что будет потом?»* — *«А потом надо столкнуть Россию и Германию лбами для того, чтобы, воспрянув после кризиса, США оказались только один на один с оставшимся из этих противников»* [Дроздов Ю. Россия для США — не поверженный противник // Фонтанка.ру. <http://www.fontanka.ru/2011/03/05/042/>].

При Сталине на Запад продолжали гнать составы и пароходы с русским лесом, зерном, отнятым у обреченных на голодную смерть раскулаченных крестьян, золотом, добытым рабским трудом заключённых лагерей. Сталинская индустриализация потребовала огромных человеческих жертв. При строительстве Беломорканала использовались 126 тыс. заключённых. Для сооружения канала Москва—Волга им. И. В. Сталина в 1937 г. был создан Дмитровлаг, в котором находилось 120 тыс. человек. О том, какова была эта «великая стройка коммунизма», свидетельствовал один из очевидцев: *«Тысячи грязных измученных людей барахтались на дне котлована по пояс в грязи. А был уже октябрь, ноябрь, холода стояли страшные! И главное, что запомнилось: заключённые были истощены предельно и всегда голодны»*. *«Смотрим: то один, то другой зэк в грязь падают. Это они умирали от слабости: предел сил наступал. Мёртвых складывали на тележки-"грабарки" и увозили...»* *«Ближе к ночи, чтоб не было случайных свидетелей... тянулись с канала целые караваны "грабарок" с трупами, облачёнными в нижнее рваное бельё. Лошадей погоняла специальная похоронная команда. Ямы, длинные и глубокие, выкапывались в роце заранее днём. Людей сбрасывали в могильники как попало, один на другого, будто скот. Только уедет один караван — за ним приезжает другой. И снова сбрасывают людей в ямы»* [Семья. 1990. № 13. С. 18].

Заключенные Бамлага строили железную дорогу в невероятно трудных географических и

климатических условиях. Они прокладывали рельсы через неосвоенные территории Дальнего Востока — горы, реки, болота, преодолевая скалы, вечную мерзлоту, высокую влажность грунта. В таких условиях строительные работы можно было вести не более ста дней в году, но заключенные работали круглый год и в любую погоду по 16—18 часов в сутки. У многих появилась «куриная слепота»; свирепствовали малярия, простуда, ревматизм, желудочные заболевания. Всего на строительстве БАМА было использован труд свыше 100 тысяч заключённых.

На 1 января 1939 г. в составе ГУЛага НКВД СССР функционировало 42 лагеря. Назовем только те из них, количество заключенных в которых превышало 30 тысяч человек: Бамлаг (трасса БАМа) — 262 194 чел.; Севвостлаг (Магадан) — 138 700 чел.; Белбалтлаг (Карельская АССР) — 86 567 чел.; Волголаг (район Углича- Рыбинска) — 74 576 чел.; Дальлаг (Приморский край). — 64 249 чел.; Сиблаг (Новосибирская обл.) — 46 382 чел.; Ушосдорлаг (Дальний Восток) — 36 948 чел.; Самарлаг (Куйбышевская обл.) — 36 761 чел.; Карлаг (Карагандинская обл.) — 35 072 чел.; Сазлаг (Узбекская ССР) — 34 240 чел.; Усольлаг (Молотовская обл.) — 32 714 чел. [История сталинского ГУЛага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Собрание документов: В 7 т. Т. 1. Массовые репрессии в СССР / Отв. Ред. Н. Верт, С. В. Мироненко. Отв. сост. И. А. Зюзина. — М.: РОССПЭН, 2004]

В то время как миллионы людей томились и умирали в лагерях и на стройках ГУЛАГа, Сталину и советской власти пели дифирамбы «лучшие» люди Запада — Р. Ролан, Л. Фейхтвангер, А. Жид. В Европу и США за бесценок уходили исторические реликвии и произведения искусства, собранные русскими Царями. Среди них знаменитый Синайский кодекс, картины Рембрандта, Рубенса, Тициана, Ван-Дейка, произведения ювелира К. Фаберже.

Большевицкая, в том числе и сталинская, экономика вплоть до конца 30-х гг. очень сильно зависела от иностранного капитала. Декрет СНК от 23 ноября 1920 г. предоставлял западным картелям на 70 лет все основные источники сырья и энергии с правом неограниченной эксплуатации русских рабочих. Эта политика была одобрена X съездом РКП(б) под лозунгом «Милитаризация труда». Запад приветствовал решение об использовании на стройки светлого будущего квалифицированных иностранных рабочих и инженеров-специалистов. По официальным данным, в 1929- 1930 гг. привлечено к работе в СССР 5 тыс. иностранцев, а в 1930- 1931 гг. — уже 10 тыс. Основными объектами, куда отправлялись иностранные специалисты, были Магнитогорский металлургический комбинат, Горьковский автозавод, Челябинский тракторный, лесозаготовки в Карелии, Грозненские нефтепромыслы, Донбасс.

В строительстве знаменитой «Магнитки» американский капитал сыграл ведущую роль. В 1930 г. между советским правительством и американской фирмой «Мак-Ки» был заключён контракт на поставку оборудования и использования иностранных консультантов-инженеров и квалифицированных рабочих. В 1931 г. на Магнитострое было уже 250 американцев во главе с представителем фирмы инженером Стэком. Во второй половине того же года советское правительство разрешило провести набор еще 500 человек высококвалифицированных специалистов в США и Европе. Основной костяк иностранных работников составляли американцы и немцы [Скотт Джон. За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали. — М.; Свердловск: Издательство Московского университета, Издательство Уральского университета, 1991]. Без помощи советников, консультантов, инженеров и высокопрофессиональных рабочих из-за рубежа об успехе политики индустриализации не могло быть и речи. Тем более что свои специалисты и кадровые рабочие в большинстве или погибли в пламени Гражданской войны, или ушли в эмиграцию, или сидели в лагерях ГУААга.

Кстати, для сравнения: экономика Российской империи, про которую сложилось общепринятое мнение, что она была «сырьевым придатком империализма», зависела от Запада

гораздо в меньшей степени, чем СССР в 30-е годы. Император Николай II издал несколько указов, в соответствии с которыми иностранному капиталу позволялось свободно размещаться в России, но вывоз сырья и прибыли ограничивался до 12,8 процентов. «Русифицируйтесь!» — был брошен клич. Началось энергичное вытеснение иностранного капитала из горного дела Урала и Сибири, торгово-промышленной деятельности на Дальнем Востоке. Русские промышленники «отвоевали» 80 процентов нефтяного бизнеса, 100 процентов производства олова, половина передовой электротехнической промышленности германских трестов перешла России [Саттон Э. Власть доллара. — М.: Фэри-В, 2003. С. 163]. Здесь надо сказать, что за годы советской власти и последующие 20 лет её гниения нас при изучении истории Отечества отучили от сравнительного анализа. Причины понятны — любое сравнение будет не в пользу периода социалистического строительства и двух десятилетий «созидания» демократической России.

Давайте посмотрим на эпохи императора Николая II и генерального секретаря (название-то, какое для лидера державы — секретарь!) Сталина. Перед ними стояли весьма схожие задачи: индустриализация страны, реформа сельского хозяйства, борьба с внутренней оппозицией, противостояние Германии и её союзникам. Подходы к решению этих задач, их методы у императора и секретаря были принципиально разными.

У Сталина перед лицом надвигавшейся мировой войны времени для создания более или менее сильной экономики было крайне мало, лет 12—15. Он сам отмечал: *«Мы отстали от капиталистических стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»* [Сталин И. В. Сочинения. Т. 13. С. 29]. Конечно, 100 лет — это всё-таки скорее фигура речи, но 50 — 70 вполне соответствовало действительности, особенно в 1928 г., когда, собственно, был провозглашен сталинский штурм, «великий скачок». К этому времени в результате революции, Гражданской войны и последующих семи лет большевистских экспериментов экономика страны была доведена до полуживого состояния. Созданная государственная система не предусматривала естественного развития страны (равно как и общества, хозяйства, личности), корректируемого или ускоряемого реформами и нововведениями. В её рамках речь могла идти лишь о военизированной по духу жесткой мобилизации всех сил, не ограниченной никакими морально-нравственными принципами, кроме выдуманных большевиками для оправдания своих бесчеловечных действий. То есть людьми, даже значительной частью народа, можно было жертвовать ради выстраивания государственной системы, которую они, без преувеличения, изобретали на ходу.

Сегодня нередко можно услышать, что жертвы сталинизма были оправданны, так как террор, репрессии помогли спасти государство, победить в Великой Отечественной войне. Но мы, верующие люди, да и все, у кого есть чувство совести и милосердия, должны прекрасно понимать, что грош цена такому государству, которое, чтобы уцелеть, пожирает своих детей. Важно не то, что оно выжило, а то, что на кой ляд оно такое нужно. Государство для людей, для народа, а не наоборот!

Этим принципом руководствовался император Николай II. Он принял Россию в преддверии величайших испытаний. Уже в конце XIX века мировая война рассматривалась как скорая неизбежность. Как и у Сталина, у Государя времени было немного. Правда, его предшественники оставили Николаю II Россию развивающейся, достигшей определенных успехов. Но всё же отставание экономики, особенно в промышленном смысле, было значительным, в два-три десятилетия. В 1898 г. министр финансов С. Ю. Витте подал императору записку: *«Создание своей собственной промышленности — это и есть та коренная, не только экономическая, но и политическая задача, которая составляет краеугольное основание нашей протекционной системы»* [Всеподданнейший доклад министра финансов С.

Ю. Витте о программе торгово-промышленной политики империи // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1026. Л. 1].

Результаты проведенных под руководством Николая II в кратчайшие сроки преобразований были потрясающими. Предвоенное пятилетие — время наивысшего, последнего взлета дореволюционной России. Почти в полтора раза в 1909—1913 гг. вырос объем промышленного производства. Ещё раз обращу внимание на впечатляющие факты. Накануне Первой мировой войны в России имелось 1017 предприятий металлургии, угольной промышленности, нефтедобычи и нефтепереработки, 1800 крупных и мелких металлообрабатывающих заводов и фабрик. Напомню, что в этом году Россия по объему производства почти сравнялась с Англией, значительно превзошла Францию, в два раза обогнала Австро-Венгрию и достигла 80 процентов объема производства Германии. Наша страна занимала первое место по экспорту зерна, оставив позади таких его крупнейших производителей, как США и Аргентина. Кроме того, Россия являлась главным поставщиком льна на мировой рынок. Увеличение нефтедобычи позволило значительно расширить торговлю нефтью и нефтепродуктами с зарубежными странами. Примечательно, что в 1911 — 1914 гг. на долю продуктов нефтепереработки приходилось 88,6 процентов всего нефтяного экспорта [Манько А Из истории экспорта нефтепродуктов // Нефтяное хозяйство, 2000. № 1].

В царствование Николая II построены Транссибирская, Китайско-Восточная и Южно-Маньчжурская железные дороги. Российский речной флот стал самым большим в мире. Произошло пятикратное увеличение показателей выплавки меди, чугуна, добычи полезных ископаемых. Промышленный подъём сопровождался техническим прогрессом — создавались отечественные двигатели, теплоходы, подводные лодки, паровозы, автомобили. По темпам экономического роста Россия обгоняла все европейские страны и шла вровень с США. В ходе Первой мировой войны всего за год была создана химическая промышленность. По указу Государя накануне войны начинаются работы по основанию города с незамерзающим портом за Северным полярным кругом. В 1916 г. он получает название Романов-на-Мурмане. Сюда, в Мурманск, в годы Великой Отечественной войны будут приходить союзные конвои, доставляя вооружение, технику, продовольствие.

Заметим, что для проведения преобразований в экономике императору Николаю II понадобилось практически столько же времени, сколько и Сталину — 13-14 лет (соответственно с 1900 по 1914 и с 1928 по 1941 гг.). При этом надо учесть, что три года (1905 — 1907) в России свирепствовала кровавая смута, серьёзно мешавшая реализации планов индустриализации и модернизации страны. Все преобразования, осуществленные под руководством Государя, не потребовали ни огромных человеческих жертв, ни нечеловеческих усилий народа, что коренным образом отличается от действительности большевистских пятилеток и сталинских скачков. Единственная крупная дореволюционная «стройка», на которую пришлось привлечь арестантов, количеством превышающим 500 человек, была прокладка Амурской железной дороги (5000 человек). Сталинская же индустриализация без лагерей ГУЛага была бы обречена на провал. Напомним, что только на строительстве Беломорканала использовалось 126 тыс. заключенных (от непосильного труда и голода умерло около 50 тысяч). Специально для строительства канала Москва—Волга им. И. В. Сталина в 1937 г. создали Дмитровлаг, через который прошли 1 млн. 200 тыс. человек [Голованов В. География скорби // Вокруг света. 2003. С. 28-43].

Сегодня часто дискутируется вопрос: в чём причина массовых репрессий большевистского, в том числе сталинского, периода советской власти? Ответы чаще всего из области политической борьбы, психологии, а то и просто медицины. Все они, наверное, многое объясняют. Но нельзя забывать об экономических причинах. Ту систему ведения народного хозяйства, которую изобрели большевики, мог спасти на какое-то время только бесплатный

рабский труд. Бесперебойный приток рабов-муравьев и обеспечивался Сталиным за счёт арестов за малейшую провинность, а нередко и без неё, сотен тысяч людей. Ещё раз можно без всякого преувеличения констатировать, что для большевиков всех мастей, в том числе и для Сталина, народ был, прежде всего, расходным материалом.

Кстати, здесь полезно сравнить положение каторжан до революции и узников ГУЛага. Суточная норма питания каторжанина составляла: 819 г ржаного хлеба, 106 г мяса, 21,6 г сала, несколько видов круп, растительное масло. На собственные, как правило, заработанные деньги можно было приобрести щи, картофель, лук. Заключение в ГУЛага в сутки мог получить 750 г ржаного хлеба, 21 г мяса и из круп только гречку. Каторжанин отдыхал каждое воскресенье, все православные праздники, дни тезоименитства и рождения Императора и Наследника, то есть около 80 дней в году. Узник ГУЛага не имел дней отдыха вообще. На самой тяжёлой Нерчинской каторге осуждённый добывал 50 кг руды за сутки, гулаговец обязан был добыть 1,5 тонны [Росси Ж. Справочник по ГУЛагу. — М.: Просвет, 1991].

Некоторые преобразования в императорской России и Советском Союзе, хотя они и затрагивали одну и ту же сферу, вообще не поддаются сравнению. Например, просто стыдно пытаться ставить рядом аграрную реформу 1906 г. и сталинские преобразования на селе (т.н. коллективизацию), стоившие стране около 10 млн. жизней людей, которые погибли в ходе их осуществления в результате репрессий и массового голода. Вот как рассказывали очевидцы о сталинской коллективизации на местах: *«Подходили к раскулачиванию так. Дом хороший — даёшь раскулачивать. Выносят из дома всё, вплоть до того, что с ребят снимают обувь и выгоняют на улицу. Вопли женщин, плач детей, разбазаривание имущества, отсутствие учёта — всё это создавало картину ночного грабежа...»* [Никулин Р. Л, Участие комсомольских организаций Черноземья в раскулачивании // Сборник Тамбовского технического университета. — Тамбов, 2007. С. 63] Сталин лично давал санкции на расстрелы тысяч крестьян, объявленных «кулаками-мироедами» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 581. Л. 185. Подлинник]. До какого отчаяния доходили люди, видно из их писем к вождю. Вот характерный пример: *«Мы, колхозники, шлём Сталину проклятие вместо рапорта. Замучил ты нас и разорил»* [Кузнечевский В. Д. Сталин. «Посредственность», изменившая мир. — М.: ОЛМА Медиа-групп, 2010. С. 326].

Говорят, что все эти ужасы нужны были, чтобы поднять страну, подготовить её к войне. И правда, по-иному эту абсурдную социалистическую систему заставить заработать было нельзя. Весь вопрос в том, зачем она была нужна нашей Родине, если она пожирала миллионы её детей лишь для того, чтобы выжить. Вернёмся в 1914 год. Император Николай II, который провёл свои глобальные реформы без чудовищных жертв, характерных для сталинского периода, гораздо лучше организовал оборону своей страны. У нас часто говорят, что Первая мировая война была крайне неудачной для России и ответствен за это царь. Одновременно подчёркивается, что Сталин был великим руководителем и полководцем, во главе с которым Советский Союз победил в Великой Отечественной. Но позвольте, господа и товарищи! В Первую мировую при монархии, то есть до февраля 1917 года, Россия уступила территорию Царства Польского и часть сегодняшней Литвы. Враг не только не был допущен на собственно российскую землю, но и неоднократно бит в 1914, 1915, 1916 гг. Неудачи 1915 г. заставили нашу армию уйти с некоторых занятых ранее территорий Австро-Венгрии. Однако в 1916 г. русские нанесли австрийцам весьма существенный урон. К февралю 1917 г. русская армия удерживала ряд приграничных австро-венгерских районов, линия фронта с Германией проходила практически по линии нынешней границы Белоруссии с европейскими странами. На турецком фронте наши войска под руководством генерала Юденича продвинулись на несколько сот километров в глубь Турции.

Принятие Императором Николаем II на себя верховного командования имело большое

положительное значение для хода боевых действий. Был стабилизирован фронт, совершён большой скачок в развитии военной и оборонной промышленности, улучшено снабжение армии. На Юго-Западном и Кавказском фронтах осуществлены два весьма успешных крупных наступления, ознаменовавших собой начало коренного перелома войны в пользу России и её союзников.

Блестяще была проведена эвакуация целого ряда промышленных предприятий и учебных заведений из Польши и Литвы в глубь России. На 1917 г. было намечено строительство 37 новых заводов, производство винтовок возросло в 3 раза, орудий — в 8 раз, количество боеприпасов — в 5 раз. Численность армии была увеличена на 1,4 млн. человек [Бескровный Л. Г. Армия и флот России в начале XX века. — М.: Наука, 1986. С. 101]. При Главном артиллерийском управлении была специально создана организация уполномоченного ГАУ генерал-майора С. Н. Ванькова. На заводах этой организации началось массовое производство гранат и запальных снарядов. В 1916 г. частные и казенные заводы России изготовили 30 974 678 снарядов (для сравнения в 1915 г. эта цифра составляла 9 567 888 снарядов). Кроме снарядов, на заводах было налажено изготовление бомб и мин. В 1915—1917 гг. было изготовлено 7 953 078 бомб и 1 568 489 мин [Там же. С. 102]. К 1917 г. Россия стала производить 9 млн снарядов в год. (Большевики наследовали запас снарядов в 18 млн. [Уткин А. И. Первая мировая война. — М.: Алгоритм, 2001. С. 249]) В России появилась химическая промышленность, активно строились химические заводы. *«Можно с уверенностью сказать, — писал генерал-лейтенант В. Н. Ипатьев, — что потребность нашей армии и флота породила у нас мощную отрасль промышленности — химическую, совершенно независимую от заграничного сырья»* [Ипатьев В. Работа химической промышленности на оборону во время Мировой войны. — Пг., 1920. С. 4].

Вспомним события лета-осени 1941 г.: Красная армия практически разгромлена, солдаты и офицеры тысячами, целыми подразделениями сдаются в плен, несмотря на мужественное сопротивление отдельных частей, германские войска в ноябре 1941 г. оказываются под Москвой. То есть за неполные пять месяцев противник захватил преобладающую часть европейской территории нашей страны. После успеха Красной армии под Москвой последовали новые поражения, которые продолжались практически весь 1942 г. Самые густонаселенные и промышленно развитые территории СССР были отданы на растерзание фашистскому зверю. Вот откуда огромное количество жертв среди нашего народа, так как гибли миллионы женщин, стариков, детей, чего не было в Первую мировую.

Нам могут возразить, что войны, мол, были разные, в 1941 г. враг был значительно сильнее и многочисленнее. Посмотрим на факты. В 1914 г. России противостояли Германская, Австро-Венгерская и Османская (Турецкая) империи. Через год к ним присоединилась Болгария. Союзниками России были Франция и Англия. Ей приходилось воевать на пяти фронтах: германском, австро-венгерском, турецком, персидском и румынском. В 1914 г. Германия использовала на Восточном фронте только 21 процент своих сил, но уже в 1915 г. — свыше 40 процентов. Австро-Венгрия задействовала против России преобладающую часть своих войск, как и Турция до конца 1915 г. В среднем против России воевало около 4 млн. человек.

В 1941 г. на СССР напали Германия, Румыния, Венгрия, Финляндия, Италия. Союзниками нашей страны были Англия и США. Общая численность сил противника в 1941 г. составила 4 млн. человек. Схожая ситуация была и со вторым фронтом. Да, Западный фронт в первую мировую войну оттягивал на себя значительную часть германских сил, но уже в 1915 г. по всей его линии до весны 1916 г. наступило полное затишье, и немецкое командование перебросило целый ряд наиболее боеспособных дивизий против России. Кроме того, подразделениям русской армии пришлось непосредственно помогать союзникам сдерживать наступление Германии на западном направлении — во Францию был переброшен многотысячный экспедиционный

корпус русской армии, в Греции на Салоникском фронте воевали две русские бригады под командованием генерала Дитерихса. Следует отметить, что во время Великой Отечественной войны против нас не действовала Турция, а союзники в 1941—1945 гг. оказывали СССР существенную военно-техническую, материальную и финансовую помощь. Да и высадка американцев в Сицилии в 1943 г., несмотря на ограниченность этой операции, всё-таки оттянула на себя некоторые силы немецких войск.

В общем, обе войны вполне сравнимы. Потери русской армии в Первой мировой до февраля 1917 г. были около 1 млн. человек, количество жертв среди мирного населения России крайне незначительно. О чудовищных потерях нашего народа во Второй мировой войне трудно даже писать. Всю ответственность за них несёт советское руководство во главе с Верховным Главнокомандующим и Генеральным секретарем товарищем Сталиным. И не надо говорить, что зато мы под его началом в конце концов победили, положив на алтарь этой победы почти 30 млн. жизней. Получается, победили во многом не благодаря ему, а вопреки. Победили благодаря беспредельному мужеству и жертвенности русского и других народов СССР, благодаря таланту и решительности наших полководцев, в большинстве своем унтер-офицеров и прапорщиков старой русской армии. Надо уметь смотреть правде в глаза. А чтобы эту правду не заслоняли эмоциональные оценки и политические пристрастия, ещё раз предлагаю осмыслить итоги Первой мировой войны до свержения монархии и результаты войны Великой Отечественной. За ценой Сталин не постоял, а Николай II показал, что и в самой тяжёлой ситуации она может быть несравнимо меньшей.

Великую Отечественную войну мы совершенно справедливо рассматриваем как проявление высочайшего подвига нашего народа. Целые поколения выросли на примере этого подвига, что, безусловно, способствует сохранению духа патриотизма среди населения Российской Федерации. Однако пришло время посмотреть на Отечественную войну и с другой, духовной, религиозной точки зрения. Это просто необходимо для понимания подлинных причин страшной трагедии, которую пережила наша Родина, и для выбора пути, по которому предстоит ей идти в будущее. Каждый верующий человек, неважно, церковный или не очень, православный, мусульманин или иудей, не может не видеть в последней войне Промысл Божий, как, впрочем, в любом событии в жизни страны или в личной жизни. Очень точно и глубоко сказал об этом Патриарх Московский и всея Руси Кирилл: *«У Церкви есть право духовно прозревать исторические пути народа; у верующего человека есть право и возможность видеть руку Божию в своей жизни, в истории Отечества своего и понимать, что есть Божие наказание. Если мы не потеряем такой взгляд на историю, нам многое станет ясно из прошлого и от многого нас может уберечь это в будущем. Некоторые недоумевают: "Почему же такой страшной и кровопролитной была последняя война? Почему так много народу погибло? Откуда это ни с чем несравнимое страдание людей?" Но если мы и на эту военную катастрофу посмотрим тем взором, которым взирали на прошлое и настоящее наши благочестивые предки, то разве сможем удержаться от совершенно ясного свидетельства, что сие было наказание за грех, за страшный грех богоотступничества всего народа, за попрание святынь, за кощунство и издевательство над Церковью, над святынями, над верой. История нашего Отечества, как, может быть, никакая другая, учит тому, что суд Божий происходит не только в вечности — он происходит и в истории. И Господь, являя справедливость Свою, наказывает людей. Иногда наказания эти очень страшные. Примерами их наполнено Священное Писание Ветхого Завета. И наша история свидетельствует о том, что Бог поругаем не бывает. Но наказание Божие — это не проявление некоего деспотизма и жестокости, о чем с удовольствием нередко рассуждают люди неверующие подвергая сам факт бытия Божия сомнению. Наказание Божие — это явление правды Его, это явление Божественной справедливости, без которой не может*

быть бытия мира; это установление баланса, без которого всякая человеческая система будет обрушена. Наказание Божие есть всегда проявление в том числе любви Божией к людям во имя их исправления. Сей день, как и многие другие праздники, связанные с историей России и Церкви нашей, помогает многое понять и многое прочувствовать и, устремляясь вперед, помнить, что Господь наказывает нас не только в личной нашей жизни. Наказанию подвергаются не только личности, но и человеческие сообщества, и так было начиная от Вселенского потопа до последней страшной Мировой войны» [Слово Святейшего Патриарха Кирилла за Божественной литургией в день праздника Владимирской иконы Божией Матери. 3 июня 2009 // Официальный сайт Московского Патриархата, <http://www.patriarchia.ru/db/text/665838.html>].

Если мы подойдем к Великой Отечественной войне с тих позиций, тогда становится ясен её глубокий смысл, понятно, почему на нашу страну обрушился невиданный по масштабности и количеству жертв всепожирающий огненный ураган. Да, можно говорить о стремлении Гитлера к мировому господству, о желании США и Англии, чтобы Германия и СССР обескровили себя в противоборстве друг с другом и тем самым расчистили путь к англосаксонскому контролю над миром и т.п. Но важнейшим моментом здесь было «Аз воздам» и искупительная жертва народа. Богоотступничество, воинствующее, агрессивное безбожие, воцарившееся в СССР и приведшее к поруганию святынь, к утверждению классово-ненависти как стержневого фактора взаимоотношений между людьми, к обожествлению человека, к попранию главного христианского принципа — любви к ближнему, всё это не могло не вызвать «праведного гнева Божьего».

Советская страна так далеко и, казалось, бесповоротно удалялась от миссии своей предшественницы, российской империи, а ещё ранее Руси, нести миру свою цивилизационную альтернативу, что остановить этот процесс могло лишь сильнейшее потрясение, во время которого люди отдавали бы жизнь или рисковали ею не за придуманный рай на земле — социализм-коммунизм, — а за духовно-нравственные цели — Отечество и, самое главное, «за друга своя». Выше этого, говорит Господь, нет ничего. Судя по всему, Сталин, практически один из правящей большевистской верхушки, понял, что войну не выиграть, если руководствоваться лишь партийными идеалами. Опытный политик-прагматик, он ещё в преддверии войны начал внедрять в советскую патриотическую пропаганду отдельные российские цивилизационные символы и понятия.

В 1942 г. Сталин, говоря о советских людях, сказал американскому послу А. Гарриману: «Вы думаете, они воюют за нас? Нет, они воюют за свою мамушку — Россию». Сам образ Сталина к концу войны претерпел кардинальное изменение. На смену большевистскому партийному функционеру, одетому в мрачный китель, пришёл вождь в белом мундире и золотыми погонами. На Параде Победы советская армия шла в военной форме, почти точь-в-точь скопированной с формы царской армии под звуки «Славься» Глинки.

Но ещё раз подчеркну: не следует забывать, какой ценой была выиграна война под руководством Сталина. Основная часть европейской России была отдана противнику, который установил на оккупированных землях режим кровавого террора. Хвалебные, хвастливые заверения-заклинания — «и на вражьей земле мы врага разгромим малой кровью, могучим ударом» на деле обернулись миллионами павших и военнопленных, число которых (около 5 млн.) было ранее невиданно в русской истории. Если смотреть правде в глаза, летом 1941 г. русский народ показал власти, что за неё он воевать не хочет. Армия, созданная «товарищем» Троцким и выпестованная «товарищем» Сталиным, потерпела сокрушительное поражение. Понадобилось коренное изменение сталинской риторики, понадобилось внешнее примирение с Церковью, понадобилось осознание всем многомиллионным народом того, что немец пришёл в Россию не освобождать её от гнета коммунистов, а как безжалостный губитель, победа которого

означает порабощение и смерть, чтобы весь народ поднялся на священную Отечественную войну. Таковую войну могла выиграть только армия, имевшая своей основой Святую Русь, а не безбожную совдепию.

Здесь необходимо отдельно остановиться ещё на одном уникальном для русской истории явлении, проявившемся в годы Великой Отечественной войны, — это переход на сторону врага заметного числа русских людей. Пусть речь идёт о подавляющем меньшинстве, но это были не десятки, не сотни и даже не тысячи человек. Так называемая армия бывшего советского генерала Власова насчитывала, по разным данным, от двухсот до четырехсот тысяч человек, хотя боеспособные подразделения вряд ли включали в себя более 40 — 50 тысяч. Но были ещё казачьи части, сформированные немцами на Дону и Кубани, были самостоятельные полки и бригады, многочисленные тыловые подразделения вермахта, полицаи, старосты, бургомистры и пр. — в целом более 1 млн. человек. Особняком стоят части, созданные немцами в основном из добровольцев-белоэмигрантов: Русский охранный корпус, Казачий стан и др.

Безусловно, во время любой войны всегда находятся трусы и подлецы, которые, из шкурных интересов, идут в услужение врагу. Нет сомнений, что определенную часть этого миллиона составляли именно они. Немало было и таких, кто перед угрозой смерти в фашистских лагерях записывался в коллаборационистские части с мыслью потом как-то выбраться из них. Но всё-таки большая часть руководствовалась другими побуждениями. Вспомним, за первые полтора года войны в немецком плену оказалось около 3 млн. человек. Расхожие объяснения этого факта известны: внезапное нападение, нехватка оружия и патронов, неумелое командование и т.п. Не отрицая негативной роли всего перечисленного, скажем, что главное было в другом — в нежелании части нашего народа воевать и жертвовать жизнью за так называемый социализм, за сталинскую систему. Слишком много она принесла народу зла, слишком много людей пострадало от неё, слишком многие её ненавидели. Это прекрасно понимал и сам Сталин. Первые же сообщения с фронта говорили, что армия бежит, дезертирство принимает массовый характер, число сдающихся в плен превышает все разумные пределы. Отсюда его призыв к защите не завоеваний социализма, а Отечества, отсюда его обращение к народу «братья и сестры», отсюда образы Дмитрия Донского и Александра Невского, да и многое другое, взятое из отвергнутого самодержавного прошлого: офицерские звания, погоны, лампасы, папахи, ордена старорежимных полководцев и героев, георгиевские ленты к ордену Славы и самое главное — перемирие с Русской Православной Церковью, избрание Патриарха и возвращение из запрета слова «русский».

Однако не все сразу поверили Сталину, немало было людей, считавших эти изменения очередной иезуитской уловкой вождя. Многие в СССР не понимали сущности нацизма, не имели реальных представлений о планах Гитлера в отношении славян и других народов. Тем более что антифашистская и антигитлеровская пропаганда в 1939—1941 гг. в результате соглашений СССР с Германией была приглушена. Недовольные советской властью, пострадавшие от неё полагали, что немец избавит нашу страну от коммунистов и Сталина, ну оторвет какие-то территории от неё, но уйдёт, и появится возможность построить другое, свободное от большевистской диктатуры государство. Такие заблуждения и толкали людей на сотрудничество с немецко-фашистскими войсками. Только к 1943 г. для подавляющего большинства русского народа стало окончательно ясно, что гитлеровцы пришли не освободить русских от коммунистического гнета, а просто уничтожить их как нацию, низвести до рабского, скотского состояния, лишить собственного государства. Ещё до нападения на СССР Адольф Гитлер недвусмысленно говорил об уготовленной им судьбе России: *«Учитывая размеры русских пространств, для окончания этой войны недостаточно будет разгромить вооруженные силы противника. Вся территорию России нужно разделить на ряд государств с собственными правительствами, готовыми*

заклучить с нами мирные договоры. Необходимо при всех обстоятельствах избегать замены большевистской России государством националистическим. Уроки истории учат, что такое государство опять станет врагом Германии.

Славяне созданы для того, чтобы работать на немцев, и ни для чего больше. Наша цель — поселить в местах их нынешнего проживания сто миллионов немцев. Немецкие власти должны размещаться в самых лучших зданиях, а губернаторы жить во дворцах. Вокруг губернских центров в радиусе 30—40 километров будут размещаться пояса из красивых немецких деревень, связанных с центром хорошими дорогами. По ту сторону этого пояса будет другой мир. Там пусть живут русские, как они привыкли. Мы возьмём себе только лучшие их земли. В болотах пусть ковыряются славянские аборигены. Лучше всего для нас было бы, если бы они вообще объяснились на пальцах. Но, к сожалению, это невозможно. Поэтому — все максимально ограничить! Никаких печатных изданий. Самые простые радиопередачи. Надо отучить их мыслить. Никакого обязательного школьного образования. Надо понимать, что от грамотности русских, украинцев и всяких прочих только вред. Всегда найдется пара светлых голов, которые изыщут пути к изучению своей истории, потом придут к политическим выводам, которые в конце концов будут направлены против нас. Поэтому, господа, не вздумайте в оккупированных районах организовывать какие-либо передачи по радио на исторические темы. Нет! В каждой деревне на площади — столб с громкоговорителем, чтобы сообщать новости и развлекать слушателей. Да, развлекать и отвлекать от попыток обретения политических, научных и вообще каких-либо знаний. По радио должно передаваться как можно больше простой, ритмичной и весёлой музыки. Она бодрит и повышает трудоспособность» [Picker H. Hitlers Tischgesprache in Fuhrerhauptquartier. — Bonn, 1951, S. 137, 184, 190, 251].

Вот тогда, когда эти установки фюрера стали выполняться на деле, произошло полное осознание, что речь идёт действительно о войне Отечественной, о войне за спасение русского и других народов СССР. Тогда и пошли наши полки тяжёлым, но победным маршем, закончившимся через два с половиной года в Берлине.

Те, кто оказался на стороне фашистов, тоже в конце концов поняли, что их просто используют как материал, но для большинства было уже поздно — грехи не пускали назад. Власовцы и другие пытались делать намеки, что они не совсем немецкие марионетки, однако отношение к ним за годы войны уже сформировалось — пособники и предатели. Мы попытались объяснить, почему такое количество советских граждан оказалось на стороне жестокого и беспощадного врага России. Да-да, именно России, а не СССР. Мотивы их понятны каждому непредвзято мыслящему человеку. Но согласиться с их выбором, с их решением нельзя. Какие бы благие цели ни преследовал человек, он должен твердо руководствоваться аксиомой: невозможно принести счастье своему народу и своей стране на штыках армии завоевателя. В любом случае ты становишься игрушкой, а то и исполнителем самых грязных дел, в руках поработителей твоей Родины. Выдающийся русский философ И. Ильин писал в 1945 году: «Многие наивные русские эмигранты ждали от Гитлера быстрого разгрома коммунистов и освобождения России. Они рассуждали так: враг моего врага — мой естественный единомышленник и союзник. На самом же деле враг моего врага может быть моим беспощадным врагом. Поэтому трезвые русские патриоты не должны были делать себе иллюзий» [Ильин И. А. Наши задачи. Т. 1-2. — М.: Айрис-Пресс, 2008. Т. 1. С. 70]. Кстати, такие иллюзии охватили только примерно 30 процентов бело эмигрантов способных носить оружие. Они и записывались в формируемые немцами воинские подразделения. Основная часть эмиграции (около 60 процентов мужчин от 16 до 60 лет), заняла позицию неучастия в войне. Свыше 10 процентов сражались в армиях США, Англии, Франции, в югославских, бельгийских,

французских партизанских отрядах. В целом русская эмиграция в годы Великой Отечественной войны сделала нравственный выбор. Нельзя было ожидать, что вся она, как один, волеется в ряды коммунистического Сопротивления и с оружием в руках встанет на защиту Советского Союза во главе со Сталиным. Слишком много крови и несчастий принесла им советская власть, слишком тяжелы были воспоминания о Гражданской войне, о потере родных и близких, отчего дома. Но эмиграция в своем большинстве сумела увидеть в агрессии Гитлера против СССР не борьбу фашизма с ненавистным ей коммунистическим режимом, а войну на уничтожение Родины. В одном из отчетов руководства царской болгарской полиции подчеркивалось, что те из эмигрантов, «кто еще вчера были самыми большими противниками коммунизма, сегодня стали самыми заклятыми врагами Германии и в глубине души молятся за успех русского оружия» [Решетников Л. П. Русский Лемнос. М.: ФИВ, 2012. С. 47 - 48]. Как писал И. Ильин: «Гитлер пытался бороться и с коммунистами, и с русским народом». Большинство это поняли и не пошли за фашистской Германией. Лишь меньшая часть эмиграции приняла Германию, говоря словами Ильина, за «друга и культурного освободителя» и «жестоко за это поплатилась. Это была русская трагедия, выросшая из революции и политической слепоты» [Ильин И. А. Переписка двух Иванов. 1935-1946. Собр. соч. М.: Русский путь, 2000].

Поплатились за неправильный выбор и те несколько сотен тысяч советских граждан, взявших из рук немецких фашистов оружие. Несмотря на их антикоммунистические, антисталинские мотивы, они все равно стали изменниками. Изменниками не делу партии, делу социализма, а Отечеству, России. Мы все должны понимать, что недовольство, пусть самое справедливое, порядками в своей стране не дает права призывать для их устранения армию чужого государства. Ведь тогда неизбежно ставится под реальную угрозу судьба твоей Родины, твоего народа.

В последние годы отмечаются настойчивые попытки обелить бывшего советского генерала Власова, представить его этаким идейным борцом со сталинизмом, перешедшим на сторону фашистов, но якобы проводившим свою, отличную от них линию. Эти смехотворные утверждения подкрепляются тенденциозно подобранными или вообще искаженными фактами, а то и просто откровенными выдумками. У предателя появились сотни апологетов и почитателей. Их не смущает, что бывший генерал в своей жизни все время предавал. Он предал веру и Церковь, служению которой в юности мечтал посвятить свою жизнь, Сталина, которым «восхищался», солдат и командиров 2-й ударной армии, от которых сбежал в тяжёлую минуту, своих покровителей — немецких генералов после провала антигитлеровского заговора в 1944 г., а в конце войны Гимлера и СС, перед которыми раболепствовал. Он предавал и жён, и любовниц. Предательство стало для него нормой жизни. И такую личность тянут в герои, тянут те, у которых, наверное, Родина тоже может стать разменной монетой в игре их амбиций. Но у нас, у русских, другие герои — те, кто жизнь положил за Отечество и «други своя».

6 мая 1945 г., день святого Георгия Победоносца, совпал с Пасхой Христовой. Народ заполнил немногочисленные храмы России. Молились все: молодые и старые, мужчины и женщины, гражданские и военные: «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ!» В том победном мае эти слова пасхального песнопения звучали с особым смыслом. Многие фронтовики и труженики тыла тогда видели в победе проявление Божественного чуда. Вспомните: враг на окраине Москвы, её прикрывает редкая цепочка красноармейцев и милиционеров, большинство номенклатурной части населения в панике бежит из города, а немцы не двигаются, как будто заклинило, ждут, когда подойдут свежие советские дивизии и нанесут по ним удар. И так всю войну.

Это вмешательство свыше было настолько очевидно, что многие и молитвы вспомнили, и креститься перестали бояться. Фактически значительная часть нашего народа вышла на

прежний, дореволюционный уровень понимания смысла великих событий, сакрального, Божественного смысла. Ещё одно усилие и началось бы религиозное возрождение. Но это усилие должно было быть инициировано сверху, руководством, вождём, что оказалось невозможным в принципе. После победы над Наполеоном Александр I не стал объяснять её ни патриотическим подъемом народа, ни собственными заслугами, а полностью отнес её к Богу: *«Господь шёл впереди нас. Он побеждал врагов, а не мы!»* Вчитайтесь в потрясающие слова Высочайшего манифеста от 25 октября 1812 г.: *«Итак, да познаем в великом деле сем Промысел Божий. Повергнемся пред Святым его Престолом и, видя ясно руку Его, покаравшую гордость и злочестие, вместо тщеславия и кичения о победах наших научимся из сего великого и страшного примера быть кроткими и смиренными законов и воли исполнителями, не похожими на сих отпадших от веры осквернителей храмов Божиих, врагов наших, которых тела в несметном количестве валяются пищею псам и воронам!»* Как глубоко и точно. Ведь все это можно и нужно сказать было в победном сорок пятом. Русский народ в своём большинстве был готов это услышать. Но нет. Воздавалась безудержная хвала генералиссимусу, полководцам, советскому народу-победителю, постоянно повторялось утверждение о «направляющей, организующей роли коммунистической партии». И снова напрашивается сравнение с осмыслением победы над Наполеоном Александром I, который на памятной медали повелел отчеканить: *«Не нам, не нам, а имени Твоему»*. Эти великие слова выбиты и на Русском памятнике в Софии, воздвигнутом в честь освобождения Болгарии в 1878 г. от турецкого гнета, ходе которого полегло 200 тысяч наших солдат и офицеров. Так русские люди и их цари считали должным увековечивать память о грозных событиях и великих победах. В 1945 г. все было по-другому. Внезапно приблизившаяся к нашему народу во время войны историческая Россия, Святая Русь стала понемногу отдаляться. Но всё вернуться на крути своя, к железобетонным советским догмам, уже не могло — в толще народных масс затеплилась русская жизнь.

Проживавший в нацистской Германии клирик зарубежной Церкви архимандрит Иоанн (князь Шаховской) 22 июня 1941 г. выступил со статьёй, в которой желал успеха *«искусному, опытному в науке своей германскому хирургу»*. В ней архимандрит Иоанн приводил слова афонского старца, сказанные ему незадолго до войны: *«Спасение России придёт, когда немцы возьмутся за оружие»*. Архимандрит решил, что речь идёт о спасении России Гитлером. Но, в свете всего происшедшего, мы с полным основанием можем утверждать, что старец имел в виду совершенно иное. Именно после вторжения германских полчищ Россия стала медленно пробуждаться от кровавого большевистского гипноза.

Для России это была победа над смертью духовной и физической, это было неожиданное проявление русского духа, что вынудило Сталина на приёме в Кремле летом 1945 г. заявить: *«Русский народ является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза»*, у него *«имеется ясный ум, стойкий характер и терпение»*. Это признание Сталина, который в 30-е годы утверждал, что *«история России есть история её битья»*, и пасхальная молитва сотен тысяч русских людей по всей стране, тех самых людей, многие из которых еще недавно активно претворяли в жизнь «пятилетку безбожия», свидетельствовали о том, что коммунизм в России всё-таки не прошёл. Русский народ им отравился, но в конце концов в большинстве своем его «переварил», как точно заметил в конце 1980-х гг. наш выдающийся писатель В. Г. Распутин. Всё это сыграло впоследствии заметную роль в 60-е — 80-е годы.

Несмотря на слова Сталина «о русском народе» интересы самого русского народа учитывались вождём меньше всего. Сталин был сторонником построения сильного государства, но в нём не было места русским как государствообразующей нации, носителю её духа, полностью исключалась важнейшая составляющая её души — Православие и церковность. За

свою многолетнюю деятельность Сталин всего один раз публично сказал добрые слова о русском народе. Несмотря на это, они вызывают у его современных почитателей умиление и восторг. За эти раз произнесённые слова они готовы простить вождю гибель миллионов людей, разрушение церквей, трагические просчёты Второй мировой войны, забвение русской истории и культуры, тяжкий вред, нанесённый Сталиным геополитическим интересам России. В 1936 г. на территории Южной Сибири он создал Казахскую ССР, столицей которой стал русский город-крепость Верный, переименованный в Алма-Ату. Сталин пошёл на включение в польское государство принадлежавшего ранее Российской империи города Белостока и столицы Червонной Руси Перемышля, освобождённого русской армией в 1914 г. от австро-венгерского гнёта. Он отдал Литве Вильно и отвоёванный русской кровью Мемель (Клайпеду). Кровавые последствия дало включение Абхазской ССР в состав Грузии и т.д.

Представляя Сталина непоколебимым и принципиальным защитником абсолютной самостоятельности СССР, отвергающим любые уступки Западу, его поклонники забывают или не хотят знать, что в годы войны и сразу после неё Сталин рассчитывал на поддержку США и их союзников. Сотрудничество с американцами, установившееся в 30-е гг., было закреплено хорошими личными отношениями между Сталиным и президентом Соединенных Штатов Рузвельтом. Советский вождь прекрасно понимал, что после победы со всей остротой встанет проблема экономического восстановления обескровленного войной Советского Союза, а средств на это у него не было, кроме как вновь пойти по пути жесточайшей эксплуатации собственного народа. Сталин опасался, что люди могут не выдержать и подняться против власти, несмотря на то что уход с немцами более миллиона советских граждан значительно ослабил потенциал антисталинской оппозиции. В такой ситуации ничего не оставалось, как договариваться с «друзьями- союзниками». Рузвельт обещает СССР кредит в 6 млрд. долларов на 25 лет, помощь технологиями и специалистами в обмен на «мягкий» политический и экономический режим в восточноевропейских странах, занятых советскими войсками. Начиная с конца 1944 г., Сталин постоянно нацеливает коммунистических лидеров этих стран на сохранение многопартийности (хотя бы её подобия), мелкой и средней частной собственности, на отказ от массовых репрессий в отношении Церкви и насильственной коллективизации сельского хозяйства. Еще в 1943 г. Сталин распустил Коминтерн, справедливо рассматриваемый на Западе в качестве штаба экспорта революции.

Когда западные исследователи и политики, впрочем, как и многие отечественные, говорят, что Советский Союз во главе со Сталиным был инициатором «холодной войны» они, конечно, лукавят. Сталин не хотел ни «холодной» войны, ни «горячей», ни «железного занавеса». Он знал, в каком тяжелейшем положении находится страна, и надеялся путем компромиссов, уступок обеспечить ей западную помощь. Однако ситуация в мире после мая 1945 г. коренным образом изменилась. Все «сливки» от победы сняли Соединенные Штаты. Они превратились в единоличного мирового лидера. Вашингтон уже не был заинтересован в укреплении СССР как противовеса Германии и Англии. Берлин был повержен, а позиции Лондона кардинально подорваны и истощены. У ног американцев лежала вся Европа и значительная часть Азии. Не было смысла подкармливать СССР, так как он со временем мог превратиться в конкурента. Целесообразнее было отгородиться от него, зажать в блокаде, чтобы в ней он и испустил свой дух. На смену умершему в 1945 г. Рузвельту, обеспечивавшему прежний курс, приходит Г. Трумэн, провозгласивший крестовый поход против коммунизма. Объявлением о начале этого похода стала Фултонская речь У. Черчилля, но после окончания Второй мировой войны Англия уже не могла проводить самостоятельной политики, полностью превратившись в пристяжного США. Четыре десятилетия сталинская система выдерживала натиск Запада, но в конце концов рухнула, подтвердив неспособность реформироваться и побеждать мирными средствами в

борьбе за умы людей.

Сталин до конца своих дней, которые, к слову сказать, «покрыты мраком», был упорным, жестким борцом, сохранявшим ясный и цепкий ум. Он не мог не понимать, что система, построенная большевиками на терроре, нежизнеспособна, что она обречена. В то же время Сталин был узником этой системы. Она была сильнее Сталина, и изменить её он был не в состоянии. Поразительно, но даже вынужденные, в целом незначительные и внешние, нововведения вождя в «имперском» направлении вызвали крайнюю тревогу не только на Западе, но и в высшей партийно-советской номенклатуре, включая представителей творческой интеллигенции, увидевшей в этом угрозу своему положению. Запад не боялся большевистской идеологии, которую он сам и вскормил. Он не боялся диктатуры Сталина, пока речь шла о диктатуре руководителя ВКП(б). Но Запад и советская номенклатура смертельно боялись возрождения исторической России. В этой связи примечательны слова одного из видных западных идеологов С. Хантингтона: *«Конфликт между либеральной демократией и марксизмом-ленинизмом был конфликтом идеологий, которые, невзирая на все различия, хотя бы внешне ставили одни и те же основные цели: свободу, равенство и процветание. Но Россия традиционалистская, авторитарная, националистическая будет стремиться к совершенно иным целям. Западный демократ вполне мог вести интеллектуальный спор с советским марксистом. Но это будет немисливо с русским традиционалистом. И если русские, перестав быть марксистами, не примут либеральную демократию и начнут вести себя как россияне, а не как западные люди, отношения между Россией и Западом опять могут стать отдаленными и враждебными»* [Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка // «Полис», 1994, № 1. С. 33-48].

Конечно, лично Сталин, даже если бы и захотел, никогда бы не смог пойти на восстановление сильной национальной России. Но движение в этом направлении могло через 2-3 десятилетия привести к переоценке русскими советской истории и, как следствие, идеологии. Поэтому Сталин после войны становился опасным для Запада. Что же касается партийно-советской номенклатуры, то она с гораздо большим желанием была готова принять западные ценности, чем лишиться власти, что она и доказала в период т.н. перестройки.

На XIX съезде партии Сталин попытался отодвинуть от реальной власти партийную номенклатуру и переместить политической центр тяжести в Совет министров, главой которого он являлся. Были упразднены Политбюро и должность Генерального секретаря. Главной опасностью для страны Сталин провозгласил «мелкобуржуазный национализм» и осудил понятие «великодержавного шовинизма». Готовилась очередная большая чистка партийной верхушки. Однако Сталин не рассчитал свои силы и силы того партийного аппарата, который он сам и создал. В начале марта 1953 г. Сталин умер при до конца не выясненных обстоятельствах.

Сталинизм, несмотря на некоторые его внешние успехи, был заранее обречён на поражение, ибо он был построен на крови и лжи. Он не имел никакой преемственности с русской дореволюционной жизнью, с русской историей. Власть самого Сталина была нелегитимной с точки зрения духовного восприятия государственной власти. Поэтому мы заявляем в очередной раз тем, кто кричит о «православном сталинизме»: это плод больного воображения. Христианин, православный человек не может быть ни «сталинистом», ни «совпатриотом». Невозможно одновременно почитать святых мучеников и их мучителей, нельзя славить и Бога, и дьявола.

Сегодня налицо опасность создания некоего некоммунистического режима, гибрида, в котором большевистские лозунги, сталинистская псевдоимперия соединяются с лёгким псевдохристианским флёром. Нет сомнений, что к такому гибриду примкнут все радикальные группировки, как левого, так и правого неона-цистского толка, ибо, как говорили святые отцы,

«все крайности от бесов». Такой путь неминуемо заведёт нас в тупик, из которого не смогли выбраться ни Сталин, ни Советский Союз. Всё закончится новой катастрофой.

Личность Сталина, безусловно, подлежит дальнейшему добросовестному и объективному исследованию без упрощений и эмоциональных перехлестов. Но этими исследованиями должна заниматься историческая наука, ибо Сталин принадлежит прошлому. В настоящем и будущем Сталину места нет. Сталинизм, который сегодня предлагается российскому обществу и народу некоторыми сторонниками «красного проекта», есть фетиш, наполненный кровавыми призраками 30 — 40-х годов.

Сегодняшние «сталинисты» утверждают, что советская власть пала в результате отхода руководителей от сталинского курса, Виноваты, мол, предатели Хрущёв, Горбачев и прочие генсеки. Это крайне примитивное суждение весьма далеко от реальных причин крушения социалистического Советского Союза.

Так называемая социалистическая система экономики работала неэффективно и проигрывала соперничество с Западом. Судя по действиям и отдельным высказываниям Сталина в последние годы жизни, он это хорошо понимал. Делались попытки усовершенствовать механизм, придать элементы саморазвития и саморегулирования. Но результаты были незначительными и кратковременными. Нужны были кардинальные меры, прежде всего отказ от военно-мобилизационных методов управления народным хозяйством и страной. На это Сталин не решался, так как вся система держалась именно на указанных методах и без них была обречена на разложение или даже на быстрый крах, то есть крушение всего того, что проливая реки народной крови, упорно стремились создать большевики.

Думается, что «преемники» Сталина в лице Никиты Хрущёва и его соратников не были столь прозорливы. Создается впечатление, что они, в первую очередь новый лидер партии, верили в живучесть «социалистической системы», вплоть до возможности перерастания в такой строй, в котором они видели, чуть ли не коммунизм. Её, считал Хрущёв, надо только освободить от жесточайшего контроля со стороны органов госбезопасности, реабилитировать сотни тысяч осуждённых партийно-хозяйственных работников (но ни в коем случае не «белогвардейцев» и «контрреволюционеров»), повысить руководящую роль КПСС, провести ряд административно-хозяйственных реформ, и к 1980 г. можно объявлять приход «светлого будущего» — коммунизма. Слова «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме», произнесенные Хрущёвым с высокой трибуны, на долгие годы стали главным лозунгом коммунистической партии. Кстати, тогда же он обещал показать по телевидению в 1980 г. «последнего попа».

Хрущёв развернул кампанию гонений на Русскую Православную Церковь. Вопреки распространённому мнению, гонения эти никогда полностью не прекращались. Сталин лишь несколько смягчил линию в отношении Церкви в годы войны и сразу после неё, когда он задумал превратить Москву в «мировой центр Православия» в противовес Ватикану. Но уже с 1949 г. наблюдается постепенное сокращение сверху количества действующих храмов. А в 1950 г. в центральной прессе появляются статьи, в которых говорится, что религия в социалистическом обществе не отомрет сама по себе, так что следует усиливать антирелигиозную пропаганду.

Заккрытие храмов, монастырей, семинарий, большинство из которых возродилось всего несколько лет назад, приобретает в 1959 г. массовый характер. Внутри партийного руководства были свои разногласия по поводу взаимоотношений с Церковью. В. М. Молотов полагал, что необходимо остановиться на позднесталинском варианте строгого государственного контроля над жизнью Церкви, постепенного выдавливания её из общественной жизни, но без объявления ей открытой войны. Хрущёв был ярким приверженцем жёсткого троцкистско-ленинского подхода, ставившего своей целью полное уничтожение Церкви как института. Эта линия победила, и против Церкви была развязана настоящая война. В результате хрущёвских гонений

на Церковь произошло массовое закрытие приходов. В 1959 г. у Русской Православной Церкви их было около 14 тыс., в 1961 г. — 8 тыс. К 1966 г. сохранилось 7 тыс. 523 прихода. В 1959 г. РПЦ имела 47 монастырей, а к середине 60-х — 16. В 1963 г. коммунистические власти закрыли для верующих величайшую святыню Православия — Киево-Печерскую Лавру. Закрыты были и пять духовных семинарий. Развернулись прямые репрессии против духовенства. По обвинению в противодействии властям в закрытии монастырей был арестован и брошен в тюрьму архиепископ Казанский Иов (Кресович). В 1962 г. архиепископ Черниговский Андрей (Сухенко) приговорён к восьми годам заключения по ложному обвинению в экономических преступлениях. Сотни священников, других церковных служителей, активных прихожан были изгнаны с работы, осуждены, отправлены в ссылки и лагеря.

КГБ и парторганы много усилий положили на то, чтобы запугиванием и подкупом склонить некоторых священников к снятию сана. Приблизительно двести из них согласились на это и стали авторами брошюр и книг, содержащих нападки на религию. Две измены были особенно болезненны для Церкви: известного профессора, протоиерея Александра Осипова из Ленинградской духовной академии и молодого богослова из Саратовской семинарии протоиерея Евграфа Дулумана. 30 декабря 1959 г. Святейший Патриарх Алексей I издает указ об отлучении их, а также *«всех других бывших 1901 мирян — членов Православной Церкви, публично хуливших имя Господне»*. Под «другими бывшими мирянами», без сомнения, имелись в виду и советские руководители, и члены КПСС, крещенные в детстве и впоследствии занявшие богоборческую позицию. По сути своей этот указ повторял отлучение советского руководства, совершенное Патриархом Тихоном в 1918 г. Как тогда, так и на этот раз советский режим во главе с Хрущёвым ответил новым усилением религиозных преследований.

В принципе к власти в Советском Союзе пришёл классический троцкист, который ещё во второй половине 20-х гг. понял, что дело Льва Давидовича проиграно и надо пристраиваться в фарватер победителя — Сталина. После двух с половиной десятков лет верной службы вождю, отличавшейся особым рвением и усердием в проведении политических репрессий, прежде всего на Украине, настал час, когда Хрущёв наконец-то мог сказать всё, что он думал и о своем прежнем хозяине, и о том, как надо правильно вести страну в коммунистическое будущее. Новый лидер был энергично поддержан преобладающей частью партийно-хозяйственной номенклатуры, мечтавшей избавиться от жесткого прессинга Сталина и госбезопасности. В тот момент они вряд ли понимали, что такой прессинг являлся важнейшей составной частью механизма функционирования советской власти и Советского Союза вообще. Можно сказать, что с начала 1960-х гг., когда лихорадочная деятельность Н. Хрущёва достигла своего апогея, элементы распада строя, появившиеся на десятилетие раньше, стали сливаться в процесс.

«Процесс пошёл», — скажет во второй половине 80-х гг. главный могильщик СССР и социалистической системы М. Горбачев. Не оспаривая его несомненные заслуги в этом деле, смею утверждать, что процесс пошел ещё при Никите Сергеевиче. Про Хрущёва, конечно, можно сказать, что «не по Сеньке шапка», но он искренне стремился спасти «завоевания Октября» подходами, которые он усвоил в годы своей молодости, находясь под влиянием и обаянием личности и идей Троцкого и К0. Чего он только не делал: непрерывно соединял и разделял партийно-хозяйственные структуры, перебрасывал с места на место руководящих работников, обобществлял кур и приусадебные участки, сажал кукурузу в самых неожиданных местах, угрожал империализму разнообразными и диковинными способами, втянулся в гонку вооружений, цементировал социалистический лагерь и начал широкое наступление социализма по всему миру, взяв на финансовый буксир десятки стран Африки и Азии, решивших и у себя построить коммунизм. И демагогия, демагогия, демагогия. Ни один советский лидер, даже Горбачев, не выступал так много и так безответственно, как Хрущёв.

Для примера авантюристической суеты во всесоюзном масштабе приведу один эпизод из деятельности Никиты Сергеевича в любимой для него сфере — в сельском хозяйстве. 22 мая 1957 г. он выступил с лозунгом «Догнать и перегнать Америку» по мясу, производство которого собирался увеличить в три раза. Когда учёные возразили Хрущёву по поводу нереальности этих проектов, глава компартии заявил: *«Среди экономистов есть скептики, которые не верят в возможности нашего сельского хозяйства утроить производство мяса. Но как они подошли к этому делу? Как водится, взяли карандашик и подсчитали, какой может быть прирост скота и за сколько лет. Товарищи, надо же понимать, ка-кие сейчас силы накопились у советского народа. Это же политическое явление, результат долголетней работы нашей партии...»* [Агарев А. В. Трагическая авантюра: Сельское хозяйство Рязанской области 1950—1960 гг.: А. Н. Ларионов, Н. С. Хрущёв и др.: Документы, события, факты. — Рязань: Русское слово (Рязоблтипография), 2005]

В итоге к началу 60-х гг. в СССР сложилась тяжёлая экономическая ситуация. Весной и летом 1962 г. недостаток хлеба стал настолько ощутим, что Хрущёв впервые закупил зерно за границей. Цены на основные продукты питания постоянно росли. Всё это привело к мирному выступлению рабочих в Новочеркасске, которое было безжалостно расстреляно коммунистической властью. Погибли и были ранены 113 человек. Хрущёв не первый раз использовал излюбленный большевистский метод управления народом: жестокие расправы над мирными гражданами. В 1956 г. по его приказу войсками были расстреляны митинги в Грузии — люди протестовали против «разоблачения культа личности». Около 80 человек было убито и ранено, 300 брошены в лагеря и тюрьмы. XX съезд партии и развенчание Сталина были нужны Хрущёву не для осуждения большевистского режима, отказа от его методов, а только для укрепления своей личной власти. Реабилитация по его инициативе большевистских деятелей, проявивших себя в 20 —30-е гг. как активные инициаторы и исполнители политических репрессий и попавшие затем под их неумолимый каток, говорила о том, что сколь-нибудь серьёзных намерений изменить сущность режима у Хрущёва не было. Поэтому кровавые призраки Дыбенко, Гамарника, Тухачевского, Уборевича, Постышева, Антонова-Овсеенко, Якира, Бела Куна вновь обретали жизнь в названиях улиц, в книгах, фильмах.

Скорый конец «хрущёвиады» был неизбежен. Партийно-хозяйственная номенклатура поняла, что преимущества от долгожданной свободы от диктата Сталина в значительной степени нейтрализуются непродуманными, хаотичными действиями нового лидера, задержавшего ими всех — от инструктора сельского райкома до члена Политбюро ЦК КПСС. Но самое главное, партийная верхушка увидела, что системный механизм управления расстроен и на лицо угроза полного ступора.

Приход на пост главы партии Л. И. Брежнева означал, что верхи КПСС решили спасти систему на пути консервации ее механизма, отбросив излишне тяжёлые сталинские «детали» и всевозможные хрущёвские надстройки и пристройки. Во второй половине 1960-х — начале 1970-х гг. у многих членов партии действительно были заблуждения, что советская социалистическая система может стать конкурентоспособной, если избрать средний путь между крайностями сталинизма и хрущёвизма. Нередко говорят, что брежневское руководство боялось реформ и ввело страну в стагнацию. Но эта боязнь шла от того, что реформы, в их совершенно правильном представлении, могли идти только по пути возрождения частной собственности и конкуренции. То есть на повестку дня вставал вопрос об отказе от основных «завоеваний» революции, на что ни Л. Брежнев, ни его ближайшие соратники в силу своих идейных убеждений, интеллектуальных способностей, привычек и традиции пойти были не в состоянии. Тупик «сталинизма», а точнее коммунизма, был очевиден. Что только не делали, чтобы вдохнуть в экономику жизнь. Социалистическое соревнование, начатое ещё в 1920-е гг. и призванное

заменить конкуренцию, к началу 1980-х полностью себя изжило и выродилось в формальность, а то и в обман; периодически насаждаемые кампании по развитию критики и самокритики тут же сходили на нет; борьба за инициативность масс наталкивалась на равнодушие большей части общества.

В то же время было бы совершенно неверно утверждать, что в «постсталинский» период, в годы хрущёвской суматохи и брежневского «застоя» в Советском Союзе не было достигнуто значимых результатов в экономике. Безусловно, были, в том числе мирового уровня. Любой наш человек сразу вспомнит о космонавтике, о военно-промышленном комплексе, об отдельных успехах в тяжёлом и среднем машиностроении, о ряде гигантских строек. В общем, как в бардовской песне конца 60-х: *«Зато мы делаем ракеты, перекрываем Енисей, а также в области балета мы впереди планеты всей»*. Ну, о балете немного позже. Что касается экономических и научно-технических достижений, то они происходили на направлениях концентрации максимально возможных сил и использования все тех же полувоенных мобилизационных методов (секретные города, предприятия, комсомольские и партийные «путёвки» на ударные стройки, «битвы за урожай» и т.п.). Все это, как правило, сопровождалось массивными, назойливыми пропагандистскими кампаниями, эффективность которых падала с каждым годом, пока они окончательно не выродились и не стали давать обратный (негативный) результат.

Такие методы обеспечивают решение какой-то острой проблемы, провала, отставания в определенной отрасли, но никак не поступательное развитие экономики. Казалось, социалистическая система должна была рухнуть уже к концу 1970-х, но она ещё протянула десятков лет. Во многом её живучесть объяснялась отношением к жизни наших людей того периода. На арену страны в середине 50-х вышли предвоенные дети. Это было особое поколение. С одной стороны, они сформировались в атмосфере войны, победы, великого подвига народа. Дети фронтовиков или беззаветных тружеников тыла, они в своём большинстве впитали в себя чувство победителя, чувство гордости и достоинства. С другой, они обострённо понимали, что после столь тяжелейших испытаний наш народ вправе надеяться на лучшую жизнь. Молодые, энергичные, до некоторой степени освобожденные от жесткого сталинского регламентирования, мелочного контроля, они бросились создавать эту «лучшую жизнь». Во многом благодаря им были достигнуты прорывы в науке, технике, состоялась целина, развернуты огромные стройки 60 — 70-х гг. Было много фантазий, мечтаний, возвеличивания человеческих возможностей, роли науки, которая перевернёт весь мир и сделает жизнь невероятно лёгкой и счастливой. Конечно, всё это, лишённое духовного смысла, впоследствии приведёт к глубоким разочарованиям, мучительной перестройке сознания, а немалую часть — к уходу от активной жизненной позиции. Но тогда, в 60-е и 70-е, поколение предвоенных детей самоотверженно трудилось над созданием материально-технической базы социалистического государства. И хотя цель не была (и не могла быть) достигнута, то, что это поколение создало, во многом спасло Россию в 90-е от гибели.

Однако к началу 80-х у тех, кто «тащил» страну, накопилась усталость, прежде всего моральная. Им уже к пятидесяти, а жить приходится по-прежнему надеждами. Работы много, а достатка мало. Энтузиазм с молодостью прошёл, на первый план выходят житейские заботы. А тут ещё с Запада всё обильнее поступает информация, как хорошо там живётся: в магазинах всё есть, зарплаты не чета нашим, по два автомобиля почти в каждой семье, нет политзанятий и вообще никакой «обязаловки», свобода. Дряхлеющее руководство СССР кроме насмешек, анекдотов ни у кого ничего не вызывало. У предвоенных детей ещё теплилась надежда, что если омолодить, осовременить Политбюро, то, может, дела пойдут лучше. Но послевоенные поколения уже не верили в преимущества социализма. Многие с тоской смотрели на Европу и

США. В 1977 году генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев объявил, что создана «новая историческая общность — советский народ». В те годы уже во многом дискредитировавшая себя советская власть со своими «открытиями» вызывала в народе подтрунивание и насмешки. Но стоит признать, что во многом Брежнев был прав. В середине 70-х гг. трудно было говорить о прежнем народе, жившем идеалами русской цивилизации. К тому времени подрастало уже третье советское поколение большей частью некрещёных людей. Церковь находилась в полузапрещённом состоянии, сотни тысяч храмов по всей России были закрыты, загажены или превращены в руины, в обществе процветали пьянство, показуха, казнокрадство. Чем больше на телевидении выступал очередной генсек с очередными заклинаниями о преданности народа делу партии, тем больше в среде молодёжи пользовались популярностью американские песни, джинсы и кроссовки. Страна стремительно катилась вниз.

Советское руководство, сформировавшееся в идейном плане в 1930-х гг., уже ничего не могло, да и не способно было что-либо изменить — система, созданная Лениным-Троцким-Сталиным, не реформировалась и не развивалась. Она удерживалась только с помощью жесткой диктатуры и массовых репрессий, что было уже невозможно осуществить в силу изменения народного сознания, его абсолютной усталости от жизни под прессингом, от обманутых надежд. Практически полностью исчезли, переродились те, кто мог бы применять такие репрессии, на ком держалась бы диктатура.

Помнится, в 1982 г. в Белграде я разговорился со своим хорошим знакомым сербским политологом. Он спросил: «*Как ты думаешь, сколько ещё продержится коммунистическая власть в СССР?*». «*Лет десять*», — неожиданно для себя ответил я. Дома задумался, почему я так сказал, и пришла мысль: «*Потому что коммунистов фактически уже нет*». Да, именно так — были миллионы членов КПСС, а коммунистов по содержанию, по идейности, готовых с риском для жизни защищать «дело Ленина и партии», стало крайне мало. Когда большевики в 1917 г. узурпировали власть, все, кто не хотел отдавать им Россию, взялись за оружие и бились несколько лет, пытаясь отстоять свою правду. В 1991 г. даже не было сколь-нибудь массовой демонстрации в защиту КПСС, советской власти — до такой степени разложилась система, к которой сегодня призывают вернуться современные коммунисты. Некоторые из них сейчас воздыхают, что очень короткое время КПСС и страну возглавлял председатель КГБ Ю. Андропов. Сторонники твердой руки «а-ля Сталин» рассчитывали, что он «наведёт порядок». Но дальше вылавливания прогульщиков в пивных и в кинотеатрах дело не пошло и не могло пойти. Андропов сам не знал, как спасти социализм. Заигрывая с либеральной советской интеллигенцией, с «прогрессивной группой» в аппарате ЦК КПСС, он в то же время боялся реформ, понимая, что они приведут к полному слому советской власти.

В руководящих органах партии и государства к этому времени сформировалась небольшая прослойка советников, помощников, консультантов, заведующих отделами, секторами, в основном из поколения предвоенных и военных детей, которые вынашивали идеи решительного перевода советского социализма на западный социал-демократический путь. Они, конечно, как большинство членов КПСС, уже были коммунистами только на словах, являясь, по сути, конформистами, которых связывало со страной главным образом зарплата и возможность делать политическую или чиновничью карьеру. Шеварднадзе, Яковлев, Бовин и другие плохо представляли, как осуществить переход от социализма к капитализму (естественно, с «человеческим лицом»), но были твердо уверены, что иного выхода нет — надо ввязаться в бой, а там кривая сама выведет.

В лидеры, который мог решиться на демонтаж «развитого социализма», был выдвинут М. С. Горбачев, которого ещё Андропов рассматривал в качестве перспективного политика. Сегодня много говорят о предательстве Горбачева и его подельников, о западных «агентах влияния» в

советском руководстве. Агенты, наверное, действительно были. Они всегда есть и долго ещё будут. Когда страна крепка, общество здоровое, народ уверенно смотрит в будущее, и агентов минимум, особенно в верхах, и влияние их ничтожно. Когда же все находится в разложении, здесь и агентам раздолье. Так что дело, по большому счёту, не в них. С таким же успехом предателями можно назвать и миллионы членов партии, которые в повседневной жизни изменяли идеалам коммунизма, совсем не собирались рисковать положением, карьерой, да и просто личным спокойствием ради их осуществления или защиты. Через год-полтора «перестройки» только совсем неразвитым в политическом отношении людям было неясно, куда ведет Советский Союз Горбачев. Но кроме глухого ропота, издевательских анекдотов, нескольких осторожно-критических выступлений на пленумах и конференциях партия ничего противопоставить не смогла. Её дело умерло. Были ли мы, члены КПСС, в этой ситуации предателями? Думаю, что нет. Ведь идеи ленинизма умирали прежде всего в наших сердцах, остывала, уходила вера в светлое будущее, возникало отторжение искусственных, нежизнеспособных схем, равнодушие к лозунгам, призывам, которые стали казаться нелепыми и смешными. Умирало то, что кровавым насилием, запугиванием, обманом, соблазном было навязано русскому народу. Исчезало придуманное государство с придуманным названием.

Весь вопрос был в том, чтобы выбрать путь, решить, в каком направлении двигаться. Для Горбачева и К° это было ясно — на Запад, к США, американцы нам помогут, примут и обласкают. Оно и понятно, другого наши партийцы и не знали. Запад, особенно после войны, стал важнейшим фактором жизни Советского Союза: его «догоняли», с ним соревновались, его боялись, им интересовались. Если наша модель не работает, значит, надо хвататься за ту, которая функционирует, да ещё успешно. Другой такой модели, кроме западной, в мире не было. Обратиться к прошлому, к собственно русскому опыту, прежде всего в надстроечной сфере, в голову прийти не могло. Ведь все дореволюционное выжигалось, вытравливалось из памяти народной, носители русской цивилизационной идеи, православные имперцы истреблялись, а в период позднего упадка советской системы подвергались травле, выталкивались на обочину общественной жизни. После жесточайшего 70-летнего преследования русская идея только-только начала пробиваться сквозь толщу коммунистической и либеральной клеветы. Эти робкие ростки насмерть перепугали партийную номенклатуру. Председатель КГБ Ю. Андропов пишет записку в Политбюро с выводом, что главной опасностью для страны является русский национализм (!).

По настоянию Андропова фактически были сведены на нет все мероприятия по празднеству в 1980 г. 600-летия Куликовской битвы. Но партийные лидеры беспокоились напрасно. Умами и сердцами образованной части советского общества завладели идейные наследники тех, кто в феврале 1917 г. уже пытался свернуть Россию на западный цивилизационный путь. Тогда все это быстро закончилось катастрофой. К ней же перестройщики — «февралисты» задорно повели страну и в 1991 году. Катастрофа повторилась. Государство обрушилось, от него отпали не только национальные окраины, но и территории единой русской истории, культуры, языка и традиции — Украина, Белоруссия, а также земли, плотно населённые славянами, — Северный и Восточный Казахстан. Это уже не только геополитическая катастрофа, а национальная, что значительно трагичнее и опаснее. В истории, бывало, гибло государство, чтобы сохранился народ. У нас русский народ был не только осоветизирован, т.е. во многом потерял своё национальное лицо, но оказался к тому же и разделённым. В таком состоянии он не мог противостоять русофобской, антидержавнической политике ельцинской либеральной группировки, подвергшей страну полному разграблению и подчинению западным интересам.

Формально в 1991 г. советская власть пала, но новое государство в полном смысле пока не состоялось. Если в социально-экономической области произошли во многом коренные

перемены, то в области ментальной мировоззренческой, духовной мы одной, а порой и двумя ногами все ещё в Советском Союзе. Оттуда родом и олигархи, и политики, и киллеры, и коррупционеры, и большинство нашего народа. И не столько потому, что в СССР прошли их молодые или даже зрелые годы, сколько потому, что мало у кого произошла глубокая переоценка всего того, что пережила наша Родина. Для осознания трагичности российской истории, недавнего прошлого, подлинных причин событий XX в. необходимы серьезная внутренняя работа, внутреннее покаяние, очищение ума и души от чуждых и ложных ценностей. Однако советские штампы, советские подходы по-прежнему преобладают и в политике, и в экономике, и в гуманитарной сфере. Можно сказать, что Российская Федерация существует в условиях продолжения гниения советской власти, советизма. Значительно затягивает этот неприятный во всех отношениях процесс либерализм, получивший широкое распространение в образованной части общества, особенно в околотворческой столичной среде и в бизнес-менеджерских структурах.

Либерализм — это абсолютно чуждая русскому духу идеология, которая, как заразная бацилла, разъедает организм нашей нации, если его духовная защита серьёзно ослаблена, как в 1917 г., или в значительной степени разрушена, как сегодня. Либерализм и коммунизм смыкаются в главном — в жестком неприятии христианства, особенно православного, как духовного стержня государства, нации, народа. Отсюда и неприятие исторической России, традиции, народной культуры. Расхождения в вопросах социально-экономической политики, порой весьма принципиальные, никак не отменяют тот факт, что оба этих идейных течения последовательно враждебны интересам русского и других народов России.

Ф. М. Достоевский определял либерализм как русо-ненавистничество. Почему либералы так не любят русских, русскую идею, русскую традицию? Не за внешний же вид, не за характерные черты лица и т.п. Этническая составляющая в русскости не главная. Русскость — это, прежде всего, состояние духа, выражающееся в вере, в Православии. Значит, они не любят нас из-за Христа, из-за нашей преданности ему. Удалось лишить наш народ веры — и превратились мы из русских в советских, и таковыми многие, по сути, остаются, ибо не возвратились ещё на тысячелетний путь наших предков. Коммунисты в принципе не терпят русскость по тем же причинам. Достоевский пророчески называл их бесами, которым ненавистно само имя Христово. Круг замкнулся. Пусть никого не смущают словесные заигрывания современных членов компартии с Церковью они не принесли покаяния за кровавый террор в отношении верующих русских людей, и многие из них только ждут своего часа. В этот круг попадают и так называемые «русские националисты», нападающие на «жидовскую веру во Христа» и поклоняющиеся различным идолам или своим амбициям. Ненависть к Христу, а значит, к подлинной русскости, объединяет на Болотной площади и проспекте имени Сахарова, казалось, таких внешне разных либералов, левых и националистов. Здесь речь о глубинных, сущностных причинах их совместных акций, а не о словесном оформлении, на которое реагирует неискушенная в политике и ценностно дезориентированная масса москвичей.

Нельзя сказать, что руководство Российской Федераций последних двенадцати лет атакуется непосредственно за его стремление вернуться к истокам, к исторической России. Тем более что такого стремления особенно и не заметно. На поверхности выглядит так, как будто люди с Болотной бьются против реальных пороков нынешней системы — потрясающего по своим масштабам казнокрадства, равнодушия и безнравственности значительной части чиновничьего аппарата, чудовищной формализации жизни обычных граждан. Однако главной причиной всех этих выступлений за «настоящую демократию» является страх, что В. В. Путин своей самостоятельной политикой, часто противоречащей «идеалам» и интересам либералов и коммунистов, может, сознательно или нет, создать условия для поворота нашего народа к своим

традиционным ценностям. Этим объясняется и столь активная поддержка, граничащая с прямым вмешательством, оппозиционных болотных сил со стороны США и некоторых западных стран. Для них возрождение исторической России означает крах многовековых усилий по её ликвидации.

Ф. М. Достоевский в «Дневниках писателя» заметил: *«Русский и православный — синонимы; русский без Православия — дрянь, а не человек»* [Селезнев Ю. Н. Достоевский. — М., 1985. С. 190]. Страшная фраза, но точная и, как это ни горько признавать, во многом характеризующая идейно-нравственное состояние нашего общества. Вот когда дали о себе знать последствия кровавого выкорчевывания из народного сознания тысячелетних духовных ценностей, традиций, подмена их советским «моральным» кодексом строителя коммунизма. Обезбоженные, зовущие людей к ложной цели, они исчезли «яко дым». И оказалось, что ничего не осталось или почти ничего. Успехи в области балета не смогли остановить катастрофическое падение нравственности, разгул самых низменных устремлений и инстинктов. **Воспитанное советской пропагандой, культурой и семьёй общество в одночасье выдало «на-гора» мерзкое зрелище, масштабы которого Ф. М. Достоевский, скорее всего, не предполагал.**

Противоядием преступности, криминальной и моральной, захватившей в 1990-е гг. всю страну, могла стать вера. Однако возвращение к ней серьёзно замедлялось густопсовым атеизмом и богоборчеством, внедрявшимся в сознание нашего народа в течение семи десятилетий. Некоторые положительные изменения произошли в 2000-е гг.: окрепла Русская Православная Церковь, выросло число верующих. Но одновременно проявились и негативные моменты. В последнее время священноначалие стало приоритетное внимание уделять административным, хозяйственным, финансовым вопросам, внешней деятельности в ущерб, на наш взгляд, духовному воспитанию паствы и клириков. Появляется угроза формализации церковной жизни, обмирщения её, подмены духа материальным, служения страстям и личным амбициям. В таком состоянии Церковь и верующие не смогут не только стать примером, указывающим путь к Истине, но и выдержать сколь-нибудь серьёзное давление на них антигосударственных и русофобских сил. Если ядром Церкви не будут молельщики, если священники не будут заниматься своим прямым делом — участвовать в созидании душ пасомых, прекратив массовое увлечение публицистикой, сочинительством романов, пьес и ораторий, то мы проиграем, не успев вступить в бой. Безусловно, в Русской Православной Церкви подавляющее большинство батюшек самоотверженные, бескорыстные и смиренные труженики на ниве духовного возрастания нашего народа. Служат они этой главной и, по сути, единственной цели в тяжёлых, порой в нищенских, условиях. Честь им за это и хвала. Но, к сожалению, перед глазами народа, особенно мало или вообще внецерковного, чаще предстают иные церковные служители: политиканствующие, председательствующие, самоутверждающиеся. Всё внешне чинно, благолепно, а духа нет, и люди это чувствуют. Чтобы создать условия для выхода на путь возвращения к идеалам Святой Руси, то есть к идеалам России, которую мы потеряли в 1918 г. после расправы над помазанником Божьим — Русским царем и его семьёй, нужна огромная духовная работа каждого нашего человека, нужно глубокое и искреннее внутреннее покаяние, нужно возрождение в народе самого главного его достоинства «во вся веки»: любви к ближнему и дальнему, а значит любви к Богу. Без активного созидательного участия иерархов, священников, монашествующих эту задачу не решить. Она, конечно, стократно сложнее, чем все остальные задачи, стоящие перед Церковью, но это не повод, чтобы уходить от неё, прикрываясь кипучей и, нередко, трескучей внешней деятельностью. Без духа нет веры, и дела без духа мертвы.

Увлекаясь внешним, мы можем оказаться в нынешнем положении католической Церкви. Ранее она упорно стремилась всюду подчинить себе государственную власть. Римский папа почитался ею не только высшим духовным лидером, но и главным светским государем. Он мог

смещать, в случае их неповиновения, королей и даже императора Священной Римской империи. Ныне же, особенно после II Ватиканского собора, перед лицом духовного кризиса Ватикан пошёл навстречу человеческим страстям и своеволию, подлаживая под них Церковь. Отменили латынь, обязательность поста, разрешили священнику совершать мессу лицом к народу, то есть спиной к Богу, упростили одеяния священнослужителей, вынесли алтарь в центр храма, стали придавать чрезмерное значение проповедничеству, чтению мирянами во время службы Священного Писания. Результатом всех этих нововведений, призванных привлечь людей в Церковь, стало её обмирщение. Католичество растеряло большую часть своей паствы даже в таких ещё недавно религиозных странах, как Италия и Испания. Сегодня в огромных католических соборах Европы бродит лишь гулкое эхо да вездесущие группки японских туристов. Поэтому утверждение некоторых наших поборников Православия, что католичество представляет для нас серьёзную опасность своим прозелитизмом, преувеличены. В настоящее время католичество скорее закрытый элитарный клуб, чем христианская Церковь. Для нашей Церкви в первую очередь представляют опасность не католичество и даже не сектанты, а новое обновленчество внутри самой Православной Церкви, которое, под сладкие разглагольствования о необходимости «вернуться лицом к народу», на самом деле покушается на чистоту Святого Православия и Святоотеческого учения.

Наряду с коммунистическим и либеральным путями развития одинаково ложным и тупиковым является путь так называемого «русского национализма», который, по сути, представляет собой гибрид язычества и национал-социализма, окрашенных в «русские тона». Определённые силы, враждебные нашей стране, давно поняли, что такой «русский национализм» в руках опытных провокаторов может стать смертельно опасным. Причём в данном случае мы сталкиваемся с особо изощрённым цинизмом. Ведь нашей молодёжи навязываются для подражания носители абсолютно враждебной России идеологии. Не может не вызывать чувств возмущения и тревоги за наше будущее молодой человек, «кидающий зигу» и отмечающий день рождения Гитлера, того самого, что собирался сделать из русских вечных рабов, умеющих считать до десяти, и уничтожил миллионы наших соотечественников. Фашизм является такой же богоборческой идеей, привнесённой с Запада, как и марксизм. Выдающийся русский военный историк А. А. Керсновский, находясь в эмиграции, писал: *«Когда наконец мы поймём, что иностранные националисты, будь то испанские белогвардейцы, французские "огненные кресты", немецкие наци и итальянские фашисты, есть такие же враги нашей Родины, как и преследуемые ими коммунисты?»* [Русская военная эмиграция 20-30-х годов. — М.: ГЕЯ, 1998] Похоже, что этого до сих пор не понимают наши сегодняшние националисты, вскидывающие руку в фашистском приветствии или вопящие «хватит кормить Кавказ». Очевидно, что такие примитивные лозунги находят поддержку у части нашей молодёжи, брошенной государством в идеологическом плане на полный произвол. Вот этим и пользуются враги России и Православия, пытающиеся подорвать нашу страну с помощью как левых, так и правых радикалов. Опьянённая безумством толпа кричит: *«Москва для москвичей — бей хачей!»*, и им невдомек, что слово «хач», «хачик» происходит от армянского слова, что означает «крест». Таким образом, т.н. «русские националисты» дословно призывают к следующему: *«Москва для москвичей — бей Крест!»* Спрашивается, что в этих людях осталось русского? В лучшем случае имя и фамилия.

Русский национализм может быть благотворным только тогда, когда является частью державной православной идеологии. В этом случае его предназначение — хранить Святую Русь в душе и нести свет Христов другим народам. Когда понимание этой миссии уходит из русского державного национализма, он становится местечковым и, как правило, перерождается в фашизм.

А сколько было поднято шума со стороны тех же «националистов» по поводу исполнения кавказцами лезгинки на улицах и площадях Москвы! Спору нет, этот танец зачастую используется выходцами с Кавказа в провокационных и хулиганских целях. Только борцам с лезгинками стоило бы призадуматься, почему в ответ, рядом с танцующими кавказцами, не выйдет толпа, хотя бы в несколько десятков русских москвичей, и не спляшет русского? Не вызывает сомнений, что если бы в ответ на танцы и пение гостей с Кавказа многотысячная толпа грянула: «Встань за веру, Русская земля» или даже лирическую «Однозвучно гремит колокольчик», то лезгинки потеряли бы всякую свою остроту и провокационность и стали бы восприниматься нами тем, чем они есть на самом деле, — красивыми национальным танцами кавказских народов. Но в том-то и дело, что, в отличие от кавказцев, большинство русских не знают ни своих народных песен, ни танцев. Наша молодёжь растёт на отечественной и иностранной попсе, которая не содержит в себе ничего национального и является самым откровенным словесным и духовным мусором. Стоит ли удивляться, что такой молодёжью легко манипулировать?

Россия может быть только империей, иначе она погибнет как цивилизация. Мы, русские, — имперский народ и несём перед Богом ответственность за те народы, которые жили и живут вместе с нами. Любой, кто выступает за образование т.н. «Русской республики», за отделение каких-либо территорий от России, есть вольный или невольный враг российской государственности.

Однако здесь надо чётко определиться, что мы понимаем под словом «империя». Слово «империя» несёт в себе, прежде всего, духовный смысл. Империя в русском понимании — это конгломерат разных народов, отличных друг от друга по языку и вере, но признающих четыре скрепляющих основы: единого Державного Правителя, государствообразующую нацию, государствообразующую веру и единство территории. В Российской империи все её народы были равны перед Богом, царём и законом. Всё это вместе взятое создавало особую русскую православную цивилизацию. Многочисленные народы, живя в Российской империи, никогда себя не считали её колониями и никогда ими не были. Сохраняя свою самобытность и культуру, народы империи называли себя русскими. Слово это означало не национальную, а духовно-нравственную принадлежность к определённой системе ценностей. Слово «русский» было прилагательным (национальность обозначалась как «великоросс»). Можно ли себе представить «французского алжирца» или «английского индийца»? В России же существовали русский татарин, русский поляк, русский армянин, русский немец, русский еврей.

Только в Российской империи представитель некоренного народа, в западном понимании «туземец», мог занимать государственные посты, в том числе и самые высокие. Так, например, при императоре Александре II армянин граф М. Т. Лорис-Меликов фактически был главой правительства.

Мусульмане состояли в самых элитных частях русской Императорской гвардии, даже в личном конвое Императора. Русские государи всегда с большим уважением и заботой относились к мусульманам-конвойцам. Шеф корпуса жандармов при императоре Николае I граф А. Х. Бенкендорф составил правила обращения со служившими Царю горскими мусульманами: *«Не давать свинины и ветчины... Строго запретить насмешки дворян и стараться подружить горцев с ними... и маршировке не учить, стараясь, чтобы горцы с охотой занимались этим в свободное время... Телесным наказаниям не подвергать: вообще же наказывать только при посредстве прапорщика Туганова, которому лучше известно, с каким народом как обращаться... Эффендию разрешить посещать горцев, когда он желает, даже в классах... Чтобы во время молитвы горцев дворяне им не мешали... Наблюдать, чтобы не только учителя, но и дворяне насчет веры горцев ничего худого не говорили и не советовали переменить ее...»* [Собственный

В начале XX в. в столице Российской империи Санкт-Петербурге наряду с храмами господствующей православной религии свободно действовали католические костёлы, протестантские церкви, самая большая в Северной Европе того времени соборная мечеть, самая большая в Европе синагога, буддийский дацан. Все они были открыты с Высочайшего согласия. И так было по всей стране.

В 1917 г. мы отреклись от своего Богом предназначенного пути, мы пошли за чуждыми фетишами свободы, мы разрушили империю, и от нас отвернулись все проживавшие в ней народы. Мы сами стали духовной колонией безбожных сил. Как только русский народ согласился поставить земное выше Небесного, Россия исчезла как государство и цивилизация. Другие народы перестали видеть в русских носителей сакральной власти, в их представлениях русский народ стал таким же, как все, а значит, служить его стране стало не обязательно.

Российская империя и Советский Союз имели в определённой степени территориальную преемственность, но в духовно-нравственном отношении между ними был огромный разрыв. Более того, они являлись антиподами. К сожалению, нынешняя Российская Федерация тоже до сих пор является не только правопреемником СССР, но во многом духовно-нравственным наследником. **А это значит, что, пока мы не вернулись к своим истокам, мы не вернулись в Россию.** Возвращение это возможно только тогда, когда во главу угла мы снова будем ставить Божье дело, а не интересы бизнеса, политических партий и политических лидеров. В последний раз подобное произошло в 1941 г., когда весь наш народ ясно осознал, что если сейчас он не обратится к Богу, то его ждёт рабство и уничтожение. И достаточно было даже не обратиться, а просто повернуться к утраченным ценностям, чтобы самый сильный и опасный враг был повержен.

Сегодня Русский Мир искусственно раздроблен. Доходит до абсурда: Киев, мать город русских, не является русским городом, так же как и колыбель русской государственности, Чернигов, так же как и город русской славы — Севастополь. На этом фоне враги исторической России раздувают как местный, так и русский национализм. **Нужно уяснить, что любой антирусский национализм, в какие бы одежды он ни рядился, является в первую очередь врагом своих собственных народов.** Потому что крушение России как единого государства неминуемо приведёт к порабощению и гибели все народы, её населяющие. Поэтому убаюкивающие заверения местных националистов, что «стоит только избавиться от владычества России, и вот тут-то мы заживём...», являются не более чем лживыми перепевами с чужих слов.

Россия обречена или погибнуть, или вновь стать империей. Не для того, чтобы насильственно властвовать и повелевать чужими народами, а для того чтобы противостоять мировой лжеимперии, которая стремится покорить весь мир, навязать нам антихристианские лжеценности, которые уже погубили некогда христианскую Европу. В 1792 г. благочестивый французский король Людовик XVI на эшафоте перед казнью молил Бога: «Господи, да не падёт моя кровь на Францию!» Но королевская кровь пала на нераскаявшийся французский народ и сегодня в Европе нет более безбожной и более закрепощённой в духовном плане страны, чем Франция. Мы видим, как духовный агрессор ведёт беспощадную войну с государствами, народы которых не хотят отказываться от христианских ценностей. Не случайно «финансовый кризис» больше всего бьёт по православной Греции и католическим Италии и Испании. В создаваемом новом «демократическом» концлагере не может быть места христианству. Поэтому нас тоже всеми силами стараются заставить отречься от Христа, от Церкви, от семьи, с тем чтобы потом затащить, встроить в западный глобалистский «рай», который на самом деле является настоящим адом. Только православная империя, соединив в себе волю всех верующих в Единого

Бога народов, сможет остановить наступление этого всемирного концлагеря.

Эпилог

Русские изгнанники начала XX в., так называемая «первая волна эмиграции», тяжело тосковали по России. Эту тоску нельзя назвать, как принято говорить, «ностальгией». Нет, это была не ностальгия, а медленное умирание от осознания того, что больше никогда не увидишь России, не вдохнёшь её воздуха, не пройдёшь её лесными тропами, не услышишь малинового колокольного перезвона над тихой спокойной рекою. Никогда больше не услышишь боя московских курантов, звуков Преображенского марша, исполняемого почётной ротой Зимнего дворца, никогда не увидишь знаменитых парадов непобедимой Императорской гвардии на Марсовом под громогласное «ура» в ответ на Государево «Здорово, молодцы!» Никогда не услышишь той неповторимой русской речи, на которой говорили и дворяне, и мещане, и крестьяне. Никогда не увидишь «бег санок вдоль Невы широкой», удалых троек златоглавой Москвы, знаменитых Нижегородских ярмарок. Как человек не может жить без воздуха и воды, так и православный русский не может жить без России. А она была недостижимой для русских беженцев, оказавшихся за границей, недостижимой и для тех, кто остался в СССР, так называемых подсоветских. Причём русский человек в Советском Союзе ещё более обостренно чувствовал ужасающую разницу между православным царством и тиранией большевизма. В русском человеке понимание несоответствия России и совдепии всегда присутствовало. В критические для страны дни оно проявлялось и у многих из тех, кто, казалось бы, бесповоротно принял советское за исконное, родное. Особенно это характерно для Великой Отечественной войны. Константин Симонов в 1941 г. с удивлением и радостью открывал для себя и для своих боевых товарищей:

*Ты знаешь, наверное, всё-таки Родина —
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти проселки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил.*

Но, конечно, в отличие от тех, кто остался в СССР под пятой беспощадной диктатуры, русская эмиграция была свободна в анализе, в осмыслении того, что произошло с народом и Родиной. Поражение белых армий в Гражданской войне, безуспешность многочисленных попыток вооруженного противодействия большевизму подталкивали русскую беженскую мысль к поиску глубинных причин великой трагедии. Всё большая часть изгнанников приходила к выводу, что в основе русской трагедии 1917—1918 гг. лежит отступничество от Бога и Царя. Оказалось, что только вера и Царь делали Россию русской. А значит, и само общество могло быть русским только при православной вере и православном Царе. В эмигрантском Париже Георгий Иванов напишет о Царской Семье:

*Эмалевый крестик в петлице,
И серой тужурки сукно.
Какие прекрасные лица,
И как это было давно.
Какие прекрасные лица,
И как безнадежно бледны:
Наследник Императрица,
Четыре Великих Княжны.*

Эти два слова — «прекрасные» и «безнадежно» точно рисуют ужас положения: прекрасное — безнадежно ушло.

Русские изгнанники и верные Православию «под- советские» люди мучительно осознавали, что Россия мила от них, подобно граду Китежу в иное измерение. Это прочувствовала Марина Цветаева:

*С фонарём обшарьте
Весь подлунный свет!
Той страны на карте —
Нет, в пространстве — нет.
Выпита как с блюдца, —
Донышко блестит.
Можно ли вернуться
В дом, который — скрыт? [...]
Той, где на монетах
— Молодость моя,
Той России — нету.
— Как и той меня.*

Другой беженец, историк и поэт, ученик Н. С. Гумилёва, Георгий Адамович, задавал вопрос всей русской эмиграции:

*Когда мы в Россию вернёмся...
О Гамлет восточный, когда?
Пешком; по размытым дорогам,
В стоградусные холода,
Без всяких коней и триумфов,
Без всяких там кликов, пешком,
Но только, наверное, знать бы,
Что вовремя мы добредём...*

Поэт не связывал возвращение в Россию с военными победами, с личностями вождей, с политической демагогией. Они не нужны и бессильны. Пешком, в «стоградусные» холода вот как надо возвращаться домой, в Россию. Только так, покаянно, как блудный сын... Но Адамович понимает, что после всего свершившегося даже такое возвращение вряд ли возможно. С предельной беспощадностью и бесстрашием говорит он о единственно возможном варианте возвращения в Россию:

*Пора собираться. Светает.
Пора бы и трогаться в путь.
Две медных монеты на веки.
Скрещенные руки на грудь.*

То есть душа России находится в Царствии Небесном, и только там можно соединиться с ней. В этом выводе глубокий смысл. После февральско-октябрьского безумия 1917 года, сокрушившего тысячелетнюю православную цивилизацию под именем Россия, 17 июля 1918 г. в подвале Ипатьевского дома в Екатеринбурге она была убита и прекратила своё существование.

Воскрешение России, если оно только состоится, станет не результатом нового гражданского противостояния или приходом к власти очередного «вождя», который «спасёт» страну и восстановит её величие. Воскресение России может стать только Чудом Божьим. Как Господь мог в один миг воскресить четырёхдневного мертвеца Лазаря, так Он может в один миг воскресить Россию. Но для этого должно быть выполнено лишь одно условие: мы обязаны стать достойными этого Чуда. Не сидеть и ждать, когда оно состоится, а стремиться своей жизнью, своими поступками вернуться на путь Веры и Любви.

Святая Русь не ушла в небытие. Известно, что у Бога нет мёртвых, но все живы. Жива и Святая Русь. Достаточно приехать в Троице-Сергиеву Лавру или Оптину пустынь, чтобы понять — она здесь, она рядом с нами. Святая Русь живёт в соборах Кремля, в иконах Андрея Рублёва, в творчестве Пушкина, в ратных подвигах наших предков. Она живёт в каждом из нас, когда мы следуем или стараемся следовать её идеалам, а не законам лукавого века сего. Мальчишки 6-й роты Псковской дивизии, павшие на Кавказе как один, но исполнившие свой долг до конца, — это Святая Русь. Офицер, закрывший своим телом гранату и спасший своих солдат, — это Святая Русь. Ибо одним из самых главных камней в основании Святой Руси была евангельская заповедь: «Больше сея любви никтоже и мать, да кто душу свою положит за други своя» (Ин. 15:13).

С каждым годом растёт число областей, причём не только в Российской Федерации, но и на Украине, то есть на сакральной территории Святой Руси, где на дорогах люди ставят транспаранты с портретом императора Николая II и с надписью: «Прости, нас Государь!» То, что было невозможно ещё 10 лет назад, происходит сегодня, и в этом тоже есть признаки стремления вернуться в Россию, в которой покаяние и сострадание являлись отличительной чертой православной цивилизации.

Возвращение в Россию, в Святую Русь невозможно без обретения её внутри себя, в своей душе. Именно в наших душах, прежде всего, идёт борьба Святой Руси с окаянной нерусью. В какие бы одежды ни рядилась окаянная нерусь, она должна быть решительно и бесповоротно отвергнута нами. Между тем до сих пор мы сталкиваемся с попытками скрестить «ежа и ужа» (то есть ленинизм-сталинизм с Православием и русской традиционной государственностью). Люди, называющие себя православными, всерьёз задумываются, как «соединить Ивана Ильина и Иосифа Сталина». Да никак!

Выдающийся русский философ И. Ильин с презрением и брезгливостью относился к идеям некоторых эмигрантов (младороссов) «признать и понять» Сталина. Он обосновывал это своё отношение именно с позиции глубоко верующего православного человека. А у нас до сих пор не хотят или не в состоянии понять, что такое соединение равносильно отречению от Христа. Один православный священнослужитель (?!), этакий мичуринец позднего периода заката социализма, предлагает новый вариант богохульного «скрещения» — лозунг, точнее слоган, «объединения нации»: «Александр Невский — Сталин — Достоевский». Приехали, конечная станция «Тупик сталинизма». Отсюда в Россию уже не вернуться.

Часто приходится слышать, дескать, Россия такая убогая, но любить её надо все равно («мать не выбирают»). А какая «такая»? У нас изумительная, прекрасная, необъятная Родина с великой историей и культурой, великим прошлым и, возможно, (если не подведём), с не менее великим будущим. Как нам созвучны слова поэта Г. Гладкова о России:

*О Господи! Какая красота:
Прожилки рек и синие озёра,
Надежда, Вера и Любовь во взоре —
О Господи! Какая красота!
Спаси и сохрани её, Господь,*

*Мою Россию, Родину, Отчизну.
Спаси и сохрани её, Господь!*

То, что мы её предали в 1917 и в 1991 гг., отдав на растерзание извергам и проходимцам, и продолжаем, к сожалению, зачастую предавать и сегодня своим малодушием, праздностью, чужебесием, в этом виновата не она, наша Россия, а мы. Какой будет Россия, зависит только от нас: осознаем, что нет у нас иного пути, кроме родного Православия, родной истории, родной литературы, родного языка, — выживем. Если будем по-прежнему пытаться соединить Бога с дьяволом, будем слушать бесноватых доморощенных фюреров, крайне левых, крайне правых, крайне либеральных, крайне ненормальных, будем соглашаться с тем, что «Россия имеет право на красный эксперимент», а «Сталин был эффективный менеджер», будем равнодушно взирать как в наших храмах кощунствуют, во всеуслышание оскорбляют нашего Патриарха — неминуемо сгинем, и на этот раз навсегда.

Но есть надежда, что этого всё-таки не случится. Ещё в начале XX в. святой праведный Иоанн Кронштадтский говорил: *«Я предвижу восстановление мощной России, еще более сильной и могучей. На костях мучеников, как на крепком фундаменте, будет воздвигнута Русь новая — по старому образцу; крепкая своей верою во Христа Бога и во Святую Троицу! И будет по завету святого князя Владимира — как единая Церковь!»*

Когда наша армия освободила нацистский лагерь смерти Заксенхаузен, то на стенах его казематов было обнаружено стихотворение неизвестного русского солдата, умершего в плену. Оно было посвящено России, которую ему никогда не было суждено более увидеть:

*Я вернусь еще к тебе, Россия,
Чтоб услышать шум твоих лесов,
Чтоб увидеть реки голубые,
Чтоб идти тропой твоих отцов.*

...Апрель 2004 г. Светлая седмица. Мы, сотрудники посольства Российской Федерации в Греции, съезжаем на предоставленном греками автомобиле с асфальтовой дороги на проселочную. Впереди пылит машина с нашими греческими спутниками, Вокруг разворачивается однообразная картина: покрытые высокой колючкой холмы, вдалеке мелькает бирюзовая полоска моря. Мы на острове Лемнос, или, как его называют греки, Лимнос.

Греческих спутников нашли в селе Портиану. Так посоветовал нам префект острова, когда мы неожиданно нагрянули к нему из Афин с просьбой помочь найти русское кладбище, которое должно быть на Лемносе. Ведь через остров в 1920—1921 г. прошли свыше 30 тысяч русских беженцев, спасавшихся от красного террора — сначала семьи продолжавших борьбу офицеров, раненые, больные, престарелые, дети погибших воинов Белой армии, затем кубанские, донские и терские казаки.

Воодушевленный нашим приездом префект — русские, мол, здесь не бывают, а остров чудесный, вот бы туристов из России побольше, — подтвердил: да, кладбище есть, точнее было, так говорят старики. Само место он не знает, но район известен, около села Портиану, там ещё англо-французское кладбище времен Первой мировой войны. На Лемносе находился штаб антантовских войск, который возглавлял У. Черчилль. «Если не найдёте своих на этом кладбище, то спрашивайте у жителей Портиану».

Антантовское кладбище выглядело как национальный английский парк: ухоженные газоны, средиземноморские сосны, ровные ряды белых надгробий, памятники. Русских могил мы здесь не обнаружили. Немного растерянные, стоим на площади сонного села — солнце в зените, два

часа пополудни, греки до пяти попрятались от изматывающей жары в своих домах. Вокруг ни души. Но вот появляется какой-то человек и сразу без колебаний отвечает на наш вопрос: да, русское кладбище здесь недалеко, в километрах трех-четырех, он давно там не был, но сейчас позовет крестьянина, который пасет в том районе овец и хорошо знает дорогу.

На двух машинах мы трясёмся по каменистой, ухабистой колее, всё смотрим, когда появятся ограды, кресты. Поднимаемся на очередной холм, греки выходят из машины, машут нам. Вокруг море колючек, дальше настоящее море, островок с церквушкой, противоположный берег залива. Красиво, но больше ничего не видим. Это русское кладбище, утверждают наши проводники. Молча бредем по заросшему полю и натываемся на край ушедшей в землю плиты, руками расчищаем, читаем: «Елизавета Ширинкина, два года». Вот ещё одна плита, расколота, но слова читаются: «Таня Мухортова». В десятке метров поодаль нашли ещё надгробие: «Георгий Абрамов. Один год». Вместе с нами поле уже прочесывают и греки. Указали на едва различимые могилы. Смогли прочитать только имена — Александр, Айна. И всё. Как всё? Ведь здесь должны быть сотни могил. Да, говорят греки, их здесь не меньше трехсот, ещё в конце 60-х гг. над многими могилами были кресты. Но прошло столько лет с октября 1921 г., когда русские покинули остров...

Потрясенные, мы стояли на холме залитого солнцем Лемноса. Тишина, морская гладь, а там, далеко-далеко, — Россия. «Давайте споём», — неожиданно предложил мой товарищ, и мы втроём запели: «Христос воскрес из мертвых смертью смерть поправ...». Пели и плакали, обернулись — греки тоже плачут, говорят: а мы все думали, когда же русские вспомнят о своих...

Когда? Только выйдя на вековую тропу наших отцов и прадедов, мы ВСПОМНИМ ВСЁ, — и тогда вернёмся в свой родной дом, в нашу Россию.

Александр БОХАНОВ, доктор исторических наук

Россия в сердце — навсегда...

Россия — великое, уникальное явление, аналогов которому отыскать в летописи мировой истории невозможно. Дело не в размерах самого по себе государства, а именно в факте его многовекового существования. По всем законам позитивистско-материалистической логики её не должно было быть. Русь-Россию разоряли многочисленные пришельцы извне, изничтожали безумными политическими экспериментами изнутри, её поливали ушатами клевет и инсинуаций, клеймили самыми уничижительными ярлыками, её «закрывали» и «упраздняли», произносили громогласные погребальные вердикты, а она всё равно существует и как очевидность исторической действительности, и как уникальное явление мировой культуры. Почему так произошло, почему Россия, наперекор множеству самых неблагоприятных обстоятельств, сохранилась? Тут неизбежно приходит на память хрестоматийное:

*Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить.
У ней особенная стать,
В Россию можно только верить.*

Можно сколько угодно хихикать и ёрничать над несравненными строками гениального поэта и мыслителя Ф. И. Тютчева, что, собственно, бессчетное множество раз и делалась, но невозможно не признать, что Россия — феномен, для постижения исторической сути и смысла исторического движения которой одного человеческого ума, даже самого неординарного, явно недостаточно. Именно феноменологичность русского исторического бытия являлась и является ахиллесовой пятой всей западной и западоцентричной секулярной мысли, пытавшейся обрисовать вехи русского исторического пути. Секуляризм абсолютно беспомощен там, где

имеют место явления сверхрациональные, алогичные, уникальные. А Россия имеет из разряда именно таких. Потому подавляющую часть сочинений о России, как зарубежных, так и наших доморожденных «знатоков», иначе как жалкими интеллектуальными потугами и назвать невозможно.

Существуют просто библиотеки сочинений об «ужасной России», о русских «жестокостях», «отсталости» и «нищете». Однако авторы подобных фолиантов, все эти «специалисты по тёмному прошлому» так и не смогли объяснить главное: почему же Россия сохранилась, почему она, «нищая», «отсталая», «варварская», на протяжении веков сокрушала всех своих врагов, в том числе и из числа тех, кто причислял себя к «странам прогресса»? Почему она, преодолевая боль и кровь, «переваривала» всех, даже самых беспощадных экспериментаторов? Ответы существуют, но их можно найти только за пределами расхожих понятийных систем, всех этих идеологических «измов», несколько веков отравляющих русское мировосприятие. Незашоренными ярлыками ответы и содержатся в книге известного современного историка и публициста Леонида Петровича Решетникова «Когда мы в Россию вернёмся?»

В наше смутное время (а когда на Руси бывали иные времена?) честный, правдивый, сыновний голос чрезвычайно необходим. Несмотря на свой сравнительно небольшой объём, книга Л. П. Решетникова чрезвычайно насыщена исторической эмпирикой, существующей в широком и высоком историософском контексте. С первых же страниц становится ясным, что данное произведение не тематический «заказ», не идеологический «проект». Оно — боль и радость души. Боль от суммы нереализованных, потерянных, упущенных исторических возможностей, а радость — от осознания того, что «история России не закончилась», что в великой летописи Отечества грядут новые страницы и главы.

Л. П. Решетников в своём произведении показывает неразрывное единство в системе государствоустроения таких временных категорий, как «вчера», «сегодня», «завтра», делает исторически обоснованные заключения о первопричинах бед и нестроений дня нынешнего, обнажая корни и истоки их, лежащие далеко от XXI в. Вне подобной фундаментальной ретроспекции никакой серьёзный разговор о настоящем и будущем России невозможен. Тут автор абсолютно прав: без исторического анализа все разговоры на эти темы — лишь пустопорожние декларации.

Автор не сторонник очередного механического «переписывания» истории России; он призывает глубоко, онтологически переосмыслить её, констатируя, что почти весь XX в. Россия шла «дорогой в никуда». *«Чтобы найти дорогу России в будущее, — заключает автор, — необходимо вернуться в точку отсчёта, в точку, от которой мы отклонились на извилистую тропу иллюзий, миражей и тяжёлых испытаний. То есть нам надо вернуться в 1917 г. и понять, что произошло тогда с нашим народом, в какой стране он жил и какую потерю. Без этого духовно-нравственного анализа-покаяния невозможно дальнейшее развитие России как одного из ведущих государств мира, несущего людям своё слово, своё понимание целей и смысла жизни».*

Размышления и умозаключения Л. П. Решетникова развиваются в традиционном русле русской общественной мысли, для которой издавна был характерен повышенный интерес к судьбе России, к объяснению, формулированию смысла её исторического существования. Poleмика началась среди светских мыслителей ещё в 30-е г. XIX в., когда А. С. Пушкин остро и резко возразил П. Я. Чаадаеву, легкомысленно провозгласившему «никчёмность» русского исторического пути. И почти двести лет после того, то затухая, то возгораясь снова, подобные мировоззренческие противостояния фактически никогда не прекращались. Л. П. Решетников не полемизирует с конкретными авторами, носителями «идеологии государственного отщепенства», что вполне уместно в лапидарном историософском эссе. Он отвергает и

ниспровергает растиражированные базовые шаблоны западного и западнического сознания, воспринимающего Россию каким-то сгустком «мрака и ужаса».

Уже на первых страницах сочинения Л. П. Решетников смело обнажает важные национально-государственные проблемы сегодняшней России, в том числе и те, которые не только не решались многие десятилетия, но о которых даже вообще «не принято» было громко говорить. Он начинает свои размышления с понятийного исторического букваря, наполняя термины, которыми оперирует и жонглирует современная политология и социология, определённым, вполне конкретным содержанием.

«Мы декларируем, — пишет автор, — что Россия — многонациональное и многоконфессиональное государство. Но не понимаем, что тем самым мы разрушаем, а не укрепляем нашу страну». Россия испокон веков была и «многонациональной» и «многоконфессиональной», но эти факторы сами по себе никогда не являлись доминантными. Историческим фундаментом, скрепой России была не полиэтничность как таковая, а духовно-государственная общность, что и делало Россию исключительным явлением в мировой истории. Никогда «состав крови», «племенное клеймо» не определяли и не характеризовали русскости и никак не влияли на политику России. Русский народ — духовная общность, а не этнический или социальный монтаж. Потому в национально-государственном контексте русские никогда не являлись раздражительным антиподом для других племён и народов. «Государствообразующая роль русского народа была общепризнанной»; «Русскими нас сделала православная вера», — заключает автор, и эти выводы эмпирически неотразимы.

Никогда в Руси-России не было какого-то русского кровного возвеличивания, никогда не наблюдалось этнического чванства, а потому был невозможен в принципе «фашизм» и «нацизм», хотя по этому поводу столько злобной глупости было написано и сказано, особенно в последние десятилетия, представителями нашей «либерально-демократической общественности». Ещё в XIX в. известный философ В. С. Соловьев назвал Россию «семьей народов».

Л. П. Решетников вполне логично в начале труда рассматривает историю присоединения Казани к Руси, факт, который уже давно служит объектом идеологических манипуляций. Это та хронологическая точка, от которой русоненавистники всех мастей обычно отсчитывают «начало русской империалистической экспансии». Автор приводит достоверные данные, ниспровергающие все злобные антирусские построения. Он пишет, что «русские в московском войске составляли всего 33 процента, а тюрки — 70! Плечом к плечу вместе с русскими на стенах Казани бились касимовские татары под командованием хана Шир-Али, московские и нижегородские татары под командованием мурзы Камай Хусаинова и мурзы Бахмета, нагайские татары, мещеряки, мордва, Черкассы, черемисы и др.». Эти данные не идеологические тенденциозные исторические «упражнения», а документальные факты.

Книга Л. П. Решетникова — не полемический трактат. Это сочинение человека и исследователя, остро, как своё личное дело, как часть собственной судьбы, переживающего России день нынешний и день вчерашний. Он один из немногих ныне здравствующих авторов, кто сумел разглядеть за суетной полифоничностью дискуссий о русской судьбе важнейшую, духовную первооснову исторического бытия. «Сила и предназначение русского народа заключались в служении Божьей Правде. Именно поэтому Российская империя многие столетия была так притягательна для других народов, именно поэтому под скипетром русского Царя соглашались жить мусульмане, буддисты, иудеи и даже язычники».

Надо прямо сказать, что подобные констатации не часто можно встретить. Особо примечательно в данном случае то, что духовное содержание русского исторического развития, его изначальную, сущностную первооснову декларирует православный мирянин. Казалось бы,

что тут первенствующая роль должна была бы принадлежать православному священству, представителям современной богословской мысли. Но — увы! — наши высоколобые богословы, прекрасно образованные, наделённые и знанием и даром слова, оказываются в своего рода анабиозе, как только речь заходит об истории России, и особенно о Русском государстве. Складывается впечатление, что либерально-коммунистический жупел «царизм» всё ещё действует на них парализующе. Хотелось бы надеяться, что положение со временем изменится и что такие работы, как труд Л. Б. Решетникова, сыграют просветительскую, созидательную роль.

Произведение Л. П. Решетникова охватывает огромный период, от самых ранних, дохристианских фаз исторического явления Руси, от легендарных правителей Аскольда и Дира до века двадцать первого. Подобный грандиозный масштаб не делает изложение легковесным. Автору удаётся вычленивать, высветить фокусные периоды и переломные события, влияние которых сказывается и в нашей современной действительности, хотя эта связь и взаимозависимость не всегда легко различимы. Перед читателем разворачивается грандиозная панорама русской истории и представлена галерея деятелей России, как из числа правителей, так и из круга святителей-пастырей. Святой Владимир, Иоанн Грозный, Алексей Михайлович, Пётр I, Павел I, Александр III, патриарх Гермоген и многие другие представлены не как какие-то безликие «этикетки» истории, а как полноправные властедержатели и духовные поводыри, определявшие облик и содержание русской жизни в разные временные эпохи.

Особенно подробно и внимательно Л. Б. Решетников рассматривает судьбоносный рубеж — крушение Самодержавной России в 1917 г. Здесь у него превалируют нетрадиционные оценки и суждения, которые адекватно отражают суть происшедшего разлома, причины которого часто сводятся в историографии к второстепенным и третьестепенным факторам и обстоятельствам, затуманивающих суть происшедшего. То падение, влияние которого ощутимо до сих пор, со времён лидера российского либерализма П. Н. Милюкова и вождя большевиков-коммунистов В. И. Ленина и их многочисленных клеветников и последователей, объяснялось «гнилостью системы», «отсталостью норм и форм» социального жизнеустройства в России. Главный же, органический, фактор замалчивался и игнорировался.

Мысль Л. П. Решетникова развивается вне ходульного «историографического майстрима», со всеми его банальностями и пошлостями. Он присоединяется к выводам русских мыслителей, видевших духовный первоисточник крушения 1917 г. Как заключал философ И. А. Ильин, «сущность катастрофы гораздо глубже политики и экономики: она духовна. Это есть кризис русской религиозности...». Сходные мысли и наблюдения можно встретить и у других замечательных русских мыслителей и философов предреволюционной и постреволюционной поры: В. В. Розанова, П. Б. Струве, С. Л. Франка, С. Н. Булгакова.

Сущностность подхода Л. П. Решетникова проявилась в акцентировании внимания на первооснове крушения 1917 г. Одна из глав его работы носит название «Слом русского национального кода в 1917 г.», что очень верно отражает историческую пертурбацию того рокового рубежа. Авторская свобода от стереотипов западнического сознания проявляется в том, как он оценивает образ Последнего Монарха. *«Николай II, — констатирует автор, — сильно отличался от всех государственных деятелей современной ему эпохи. Он также сильно отличается от подавляющего числа правителей мировой истории. В Николае II удивительным образом сочеталась мудрость царя Соломона, кротость праведного Иова Многострадального и готовность к мученичеству первых христиан».*

Личность и судьба Последнего Самодержца — смысловой фокус, ГЛАВНЫЙ нерв всей русской вселенской катастрофы 1917 г. не только изменившей до неузнаваемости жизнь России, но, непосредственно повлиявшей на мировой политический портрет всего XX в. Потому пламенная «борьба за Царя» и «против Царя», ведущаяся последние два десятилетия на

страницах газет и журналов, в электронных СМИ, в исторических сочинениях, есть, с одной стороны, борьба за Божью Правду, а с другой — за сохранение в общественном сознании «простых», «удобных», «привычных», а порой и весьма доходных стереотипов западоцентричного сознания.

Л. П. Решетников прямо и честно прокламирует свою позицию, целиком находящуюся в системе христоцентричного мировосприятия. Революция — искупительный соблазн, жертвой которого Россия и пала. Свержение Царя — акт богоотступничества русского социума, в котором повинны как «высшие», так и «низшие» слои общества. *«Грехопадение народа в 1917 г.»* — заключает автор, — *стало неминуемой причиной всех тех бед и несчастий, какие испытала Россия в XX в. и от которых она полностью не оправилась до сих пор».*

В исследовании сжато, но весьма рельефно обрисована предреволюционная атмосфера и в столице — Петрограде, и в Ставке Верховного Главнокомандующего, где происходили главные действия, приведшие к падению Царства-Империи в феврале 1917 г. В работе представлены главные фигуранты из числа генералитета и гражданских лиц, словом и делом способствовавшие ниспровержению исторической России. Это «парад» безответственных краснобаев, грязных интриганов и беспринципных политиканов, ставших модераторами трагического действия, а потом, в первые месяцы «весны свободы», превратившихся в «вершителей судеб России». Автор ставит и исторический диагноз мировоззрению всех февралистов: секуляризация. Приход же к власти беспощадных левых радикалов, большевиков-ленинцев, в конце 1917 г. стал страшным, но закономерным финалом преступной антиправославной «февральской антрепризы».

В книге воспроизводятся важные установочные документы большевистских лидеров и излагаются просто душераздирающие факты большевицких душегубств, по сравнению с которыми меркнут злодеяния разных чингисханов и батыев. Невольно хочется воскликнуть: как в наше время не отсохнет язык у тех, кто лепечет о каких-то «светлых идеалах Октября». Ленин и его присные — шайка патологических человеконенастников и мерзких убийц! И не более того. Одна из несомненных заслуг книги Л. П. Решетникова как раз и состоит в том, что он раскрывает звериную сущность большевизма-коммунизма, у которого и до сего дня всё ещё имеются открытые эпигоны.

Вопиющими примерами сохранения красных атавизмов переполнена и наша современная жизнь; в стране сплошь и рядом сохраняются знаки и символы людоедской эпохи. Л. П. Решетников о том говорит прямо. *«Статуи (идолы) Ленина в самый короткий срок покрыли всю Россию. Как правило, они ставились на месте разрушенных большевиками церковей или в самих церквях, приспособленных под клубы и госучреждения. Причём, чаще всего статуя помещалась в алтарной части храма. В древней Костроме фигуру Ленина водрузили на постамент-часовню, предназначавшуюся для памятника 300-летию Дома Романовых. Так он и стоит до сих пор с протянутой рукой фактически на крыше церкви. Правда, в последние десятилетия рука дважды отваливалась и в результате дополнительного крепежа стала непомерно длинной...»* Какая-то отвратительная смесь великой трагедии и бездарной буффонады...

Чрезвычайно актуальным являются и умозаключения Л. П. Решетникова, касающиеся фигуры И. В. Сталина и его исторической роли. В последние годы получила довольно широкое хождение теория, согласно которой существовало как бы два Сталина. «Первый» — активный член большевистской партии. «Второй» Сталин якобы появился во время и после Великой Отечественной войны, это уже был не красный палач, а «державник», начавший «возрождать Великую Россию». Причём подобных взглядов придерживаются люди, считающие себя православными. Они готовы видеть в Сталине наследника и продолжателя дела русских царей. Автор здесь придерживается единственно возможной бескомпромиссной позиции: *«Нет ничего*

более неверного, чем это заблуждение. Ведь речь вновь идёт о классической дьявольской подмене... "Сталин" мифический, как верховный бог большевистской лжерелигии, бог беспощадный, но "справедливый", может быть привлекательным для людей духовно неразвитых или ещё только ищущих путь к истине. Но со Сталиным-мифом непременно вернётся "Сталин" — конкретный: с террором, междоусобицей, волюнтаризмом, преследованием веры. Это легко объяснимо — за ним не будет Бога, а значит, не будет мира в сердцах и душах...»

Автор прекрасно осознаёт все опасности нынешнего состояния России, видит все изъяны, отступления и провалы настоящего времени. Он совершенно пра-вильно обозначает двух главных непримиримых противников национально-государственного возрождения России. «Либерализм и коммунизм смыкаются в главном — в жестком неприятии христианства, особенно православного, как духовного стержня государства, нации, народа. Отсюда и неприятие исторической России, традиции, народной культуры. Расхожденья в вопросах социально-экономической политики, порой весьма принципиальные, никак не отменяют тот факт, что оба этих идейных течения последовательно враждебны интересам русского и других народов России».

Особенно агрессивно ведёт себя либеральное общественное течение, их крикливые лидеры и беспардонные идеологи. Эти измельчавшие потомки П. Н. Милюкова всё ещё продолжают уверять, что «западная модель общества — спасение России». Почти сто пятьдесят лет назад Ф. М. Достоевский написал: «Наши западники всё в России оплевали». Как живо, как злободневно звучат слова русского писателя-пророка в наши дни!

Несмотря на представленную в исследовании Л. П. Решетникова безрадостную панораму истории Отечества XX века, автор не склонен предаваться тоске и унынию. Камертоновый мотив книги — оптимистический. Он верит в торжество Божией Правды, в Иисуса Христа — как высший Идеал. Там же, где Бог, там не может быть никакого уныния и отчаяния.

Автор знает, где искать «русский ответ» на современные исторические головоломки — в вечном и духоносном истоке, из которого Россия питалась более тысячи лет своей истории. «Воскресение России может стать только Чудом Божиим. Как Господь мог в один миг воскресить четырёхдневного мертвеца Лазаря, так Он может в один миг воскресить Россию. Но для этого должно быть выполнено только одно условие: мы обязаны стать достойны этого Чуда. Не сидеть и ждать, когда оно состоится, а стремиться своей жизнью, своими поступками вернуться на путь Веры и Любви. Святая Русь не ушла в небытие».

Книгу Л. П. Решетникова надо читать всем, кто интересуется отечественной историей, для кого Русский Дом-Россия — родная обитель навсегда. Книга будит мысль, укрепляет национально-государственное самосознание, что так дорого, так потребно множеству людей в наше время.

Содержание

Пролог 5

Глава первая. Святая Русь: наш дом, который мы покинули 17

Глава вторая. Слом русского национального кода в 1917 году 87

Глава третья. Тупики безнадёжности: сталинизм, либерализм, национализм 147

Эпилог 211

Александр Боханов. Россия в сердце — навсегда 220

Научное издание

Леонид Петрович Решетников

Вернуться в Россию

Третий путь, или тупики безнадёжности

Редактор М.Б. Смолин Художник Д.Е. Бикашов Корректор Г. А. Островская

Подписано в печать 16.11.12. Формат 60x100/16. Бум. офсетная. Гарнитура «Балтика».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,095. Тираж 1500 экз. Заказ 8730.

Издательство «ФИВ» 125413, Москва, ул. Флотская, 15Б. Тел. +7 495 453 7337

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография», филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14